

ВЕСТНИК Брянского государственного университета

№4(54)
2022

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история;
5.6.3. — Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического
Исследования; 5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№4(54)
2022**

HISTORICAL SCIENCES

ВЕСТНИК

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

4 (54) 2022
ДЕКАБРЬ

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№4 (54) 2022: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2022. 144 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** Алферова И.В.
ВОЕННО-ЦЕНЗУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО)
- 16** Андреев А.Е.
ОЦЕНКА ГУБЕРНАТОРАМИ ПРОЕКТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ, РАЗРАБОТАННОГО КОМИССИЕЙ М.С. КАХАНОВА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.Н. СОМОВА)
- 22** Дубровский А.М., Карпунин А.А.
ИДЕОЛОГИЯ БОЛЬШЕВИЗМА И ОБРАЗ ВОЖДЯ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ
- 40** Зверев К.А.
КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ
- 51** Колобов О. А., Хохлышева О. О., Шамин И. В., Рыжов И. В., Гадалин Д.Ю.
ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- 62** Короневский В.И.
РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОЙ ПЕЧАТИ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ ИЗ КИЕВА В ПОЛОЦК В 1910 г.
- 69** Кулаков В.И.
ЯНТАРНЫЙ БЕРЕГ В ЭПОХУ АТТИЛЫ
- 79** Лупанова Е.М.
ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ В ВЕЛИКОСВЕТСКИХ САЛОНАХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.
- 88** Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н.
ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРАВА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЭМИГРАЦИИ В ПРАГЕ И БЕРЛИНЕ В 1920-Е ГГ.
- 95** Никифоров С. А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

РОССИИ ДЛЯ ХИМИЧЕСКИХ ПРОМЫСЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

103 Петросова Т. Г.
БРИТАНСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

109 Прилуцкий В. В., Яненко Е. М.
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США (1861–1865 гг.) В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИРСА: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

115 Самсаров А. И.
НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПОЛЯ БАССА

123 Симоненко Е.С.
ДЖОЗЕФ ЧЕМБЕРЛЕН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ОБОРОНЫ

129 Федин А. В., Жигунова И. И.
«БАЛАНС АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА»: ПОЛИТИКА ИРОКЕЗСКОЙ ЛИГИ В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ В 1713-1744 ГГ.

РЕЦЕНЗИИ

137 Кашенко С.Г., Кашенко Е.С
МИЗИС Ю.А., НАПОЛЬНИКОВА П.К. НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА: МОНОГРАФИЯ В 3-Х КНИГАХ. КН. 1. ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТАМБОВСКОГО И КОЗЛОВСКОГО УЕЗДОВ XVI – XVII В. (ДО 1635 ГОДА). – ТАМБОВ: ФГБОУ ВО ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА. ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕРЖАВИНСКИЙ. 2022. – 236 С.

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 4(54) 2022: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2022.
144 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhalchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Vol.4 – No.54 Scientific peer-reviewed journal DECEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Alferova I.V.**
MILITARY CENSORSHIP PRACTICES DURING THE FIRST WORLD WAR (ON THE MATERIALS OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND)
- 16 Andreev A.E.**
GOVERNORS' ASSESSMENT OF THE ADMINISTRATIVE REFORM PROJECT DEVELOPED BY THE COMMISSION OF M.S. KAKHANOVA (ON THE EXAMPLE OF THE TVER GOVERNOR A.N. SOMOV)
- 22 Dubrovski A.M., Karpukhin A.A.**
THE BOLSHEVISM IDEOLOGY AND LEADER IMAGE IN THE SOVIET ART
- 40 Zverev K.A.**
CONSTRUCTION OF MEMORY POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE: GENERAL APPROACHES
- 51 Kolobov O.A., Khoklysheva O.O., Shamin I.V., Ryzhov I.V., Gadalyn D.Y.**
FEATURES OF THE DIPLOMATIC ACTIVITY OF THE ENTENTE POWERS IN THE MIDDLE EAST DURING THE FIRST WORLD WAR
- 62 Koronevskii V.I.**
THE REACTION OF THE RUSSIAN RIGHT PRESS TO THE TRANSFER OF THE RELICS OF ST. EUPHROSYNE OF POLOTSK FROM KYIV TO POLOTSK IN 1910
- 69 Kulakov V.I.**
AMBER COAST IN THE AGE OF ATILA
- 79 Lupanova Ye.M.**
PHYSICAL AND CHEMICAL EXPERIMENTS IN HIGH-SOCIETY SALOONS OF THE LAST DECADE OF 18TH - FIRST QUARTER OF 19TH CENTURY
- 88 Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V., Ustinova Yu.N.**

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»

HISTORY OF RUSSIAN LAW IN
HIGHER EDUCATIONAL INSTITU-
TIONS OF EMIGRATION IN PRAGUE
AND BERLIN
IN THE 1920S

95 Nikiforov S.A.

LEGAL REGULATION OF THE USE OF
FOREST RESOURCES IN RUSSIA FOR
CHEMICAL INDUSTRY IN THE SECOND
HALF OF THE XVII - THE FIRST
QUARTER OF THE XVIII CENTURIES

103 Petrosova T. G.

BRITISH FOREIGN POLICY STRATEGY
IN THE FAR EASTERN REGION AT
THE END OF THE 19th CENTURY,
BEGINNING OF THE 20th CENTURY

109 Prilutsky V.V., Yanenko E.M.

THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–
1865) IN THE WORKS OF A. BIERCE:
HISTORICAL REALITIES AND FICTION

115 Samsarov A.I.

PAUL BARRAS: THE ORIGINS OF A
POLITICAL BIOGRAPHY

123 Simonenko E.S.

JOSEPH CHAMBERLAIN AND HIS
CONCEPT OF IMPERIAL DEFENSE

129 Fedin A.V., Jigunova I.I.

"THE BALANCE OF THE AMERICAN
CONTINENT": THE POLITICS OF THE
IROQUOIS LEAGUE IN THE CONTEXT OF
THE ANGLO-FRENCH COLONIAL
CONTROVERSY IN NORTH AMERICA,
1713-1744

REVIEWS

137 Kashchenko S.G., Kashchenko E.S.

MIZIS YU.A., NAPOLNIKOVA P.K. ON
THE SOUTHERN BORDERS OF THE
MOSCOW STATE: MONOGRAPH IN 3
BOOKS. BOOK 1. HISTORY OF
SETTLEMENT AND DEVELOPMENT OF
TAMBOV AND KOZLOVSKY COUNTIES
OF THE XVI – XVII CENTURIES.
(BEFORE 1635). – TAMBOV: TAMBOV
STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R.
DERZHAVIN. DERZHAVINSKY
PUBLISHING HOUSE. 2022. – 236 P.

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВОЕННО-ЦЕНЗУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Великого княжества Финляндского)¹

В статье на основе воспоминаний полковника Д.Л. Казанцева, а также документов Российского государственного военно-исторического архива, рассматриваются военно-цензурные практики в Великом княжестве Финляндском в годы Первой мировой войны. Автор демонстрирует, что становление военной цензуры на территории Финляндии шло с задержками и большими сложностями. В Финляндии должна была производиться цензура присылаемых на ее территорию почтовых сообщений, телеграммы на местных языках, местных периодических изданий. Однако реализация цензурного контроля за всем объемом корреспонденций и всей печатной продукцией была практически невозможна. Причины недостаточной эффективности цензуры сводились на первых порах к непониманию со стороны руководства важности задач цензурирования почтовых отправлений. В более позднее время сложности цензуры обуславливались малочисленностью и недостаточной квалификацией работников местных военно-цензурных комиссий.

Ключевые слова. Военная цензура, Первая мировая война, Великое княжество Финляндское, Особая военно-цензурная комиссия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-07-15

Великое княжество Финляндское, исходя из характера военных действий на начальном этапе Первой мировой войны, рассматривалось как второстепенное в военном отношении. В то же время оно, как и другие западные территории Российской империи, превратилось в регион потенциального противоборства воюющих сторон.

Политика «русификации», которая с начала XX в. реализовывалась правительством Николая II, отчасти подпитывала финский «автономистский национализм». При этом требование финляндцев о расширении уже существовавшей автономии рассматривалось российскими властями с точки зрения угрозы последующего возможного выхода из состава империи, которое в условиях начавшейся войны могло стать основанием для сотрудничества с Германией [10, с. 42-43]. Одним из средств упрочения российской безопасности в этом регионе, учитывая имевшие место определенные сепаратистские настроения, становилась военная цензура.

В отечественной историографии на настоящий момент имеется ряд трудов, посвященных функционированию военной цензуры в годы Первой мировой войны. Прежде всего, необходимо отметить книгу А.Б. Асташова, П.А. Симмонса [13], статьи П.В. Батулина [2], И.К. Богомолова [5], ко-

торые освещают деятельность государственного органа контроля в масштабах Российской империи. Появились научные изыскания, реконструирующие работу военно-цензурных комиссий в указанный период в различных военных округах Российской империи [4], а также специфику ее применения в различных видах средств массовой информации [1].

Опубликованы воспоминания полковника Д.Л. Казанцева о службе в Финляндии в годы Первой мировой войны и в годы революции, в которых, в том числе, приводится фактический материал, проливающий свет на некоторые, до сих пор недостаточно исследованные, аспекты деятельности военной цензуры [8].

Именно мемуары Д.Л. Казанцева, а также документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), стали источниковой основой данной статьи, целью которой является интерпретация военно-цензурных практик в Великом княжестве Финляндском, занимавшую приграничную, т. е. важную в стратегическом смысле, территорию.

Российское военное ведомство накопило определенный негативный опыт деятельности военной цензуры в годы Русско-японской войны, когда российские разведка и контрразведка оказались не в силах предотвратить утечку секретных сведений, а

правительство не смогло сформировать для себя благоприятное общественное мнение.

Введение военной цензуры на территории Великого княжества Финляндского с учетом прежних ошибок и возможных новых приобретало дополнительный смысл. После закрытия Германией балтийских проливов, а Турцией – выхода из Черного моря, Финляндия превращалась в важнейший транзитный путь для союзников и не только в торгово-экономическом отношении, но и в информационном [10, с. 52-53]. На протяжении 1914–1915 гг. практически единственная сухопутная связь между Россией и союзниками осуществлялась через шведскую и финскую Лапландию. Таким образом, военная цензура в Финляндии должна была не только пресекать утечку важных военных сведений, но, наряду с контрразведкой, выявлять информационные каналы шпионской и диверсионной деятельности.

Однако становление военной цензуры в стране, и территория Финляндии не являлась исключением, шло с задержками и большими сложностями. «Временное положение о военной цензуре» разрабатывалось в Главном управлении Генерального штаба с 1909 г., но окончательная его версия была представлена Военному совету только 13 июня 1914 г., после чего предполагалось его обсуждение в Государственной Думе [5, с. 96]. Однако быстро изменявшаяся международная обстановка обусловила его принятие в срочном порядке 20 июля 1914 г. на основе ст. 87 Основных законов Российской империи [18]. Дифференциация функционала военных и гражданских властей в реализации цензурного контроля, согласно Временного положения, изначально отличалась сложностью и запутанностью, производя впечатление полной неразберихи. Вероятно поэтому, полковник Д.Л. Казанцев, служивший в годы войны в Финляндии, в Оперативном отделе (разведка флота), в своих воспоминаниях заявлял, что Главное управление генерального штаба составило Временное положение за три дня, взяв за его основу «экземпляр Положения о военной цензуре для Болгарской армии, выработанный во время войны с Турцией в 1912 году» [8, с. 219].

Приказ главнокомандующего о введении военной цензуры «в видах недопущения в Финляндии оглашения и распространения сведений, могущих повредить военным интересам», был издан 19 августа 1914 г. [19, № 191. 27 августа], т. е. почти месяц спустя с начала войны. Организация и общее ее руководство были возложены на командира 22-го Армейского корпуса VI армии Северо-Западного фронта¹. С этой целью утверждалась Особая финляндская военно-цензурная комиссия в составе председателя и членов от войск, флота, Управления финляндского генерал-губернаторства, Финляндского главного управления по делам печати, Финляндского телеграфного округа и Финляндского почтового управления [14, л. 230]. Председателем был изначально назначен подполковник К.М. Белостоцкий, он же окружной воинский начальник в г. Брагестаге (*шведское название, финское – Раахе. – А.И.*). По мнению того же Д.Л. Казанцева выбор был сделан чрезвычайно неудачно: ни знаниями в этой области, ни способностями Белостоцкий не обладал. К тому же при подборе служащих комиссии и старших цензоров «этот штаб-офицер прежде всего заботился не о пользе дела, а о личных своих выгодах и удобствах» [8, с. 220].

В Финляндии должна была производиться цензура присылаемых на ее территорию почтовых сообщений, адресованных за границу, а также телеграммы на местных языках. Уже к середине августа на финляндских почтовых пунктах оказался «громадный завал непрочитанной корреспонденции». «Белостоцкий вместо организационных работ по цензуре занимался тем, что сам читал письма и ставил на них штемпель "Пропустить", – вспоминал Д.Л. Казанцев, – что не означало того, что письмо это просмотрено было военной цензурой» [8, с. 220].

Ситуация аврала на почте вынудила финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна, по соглашению с командиром 22-го корпуса, командировать директора своей канцелярии Н.Н. Горлова в Петроград «для ознакомления с работой военной цензуры» [8, с. 220]. По итогам поездки был составлен пространный доклад, на основании ко-

¹ В мае-июне 1915 г. в Финляндии был сформирован 42-й армейский корпус, подразделения которого размещались вдоль побережья Финского и Ботнического заливов. Штаб корпуса находился первоначально в Гельсингфорсе, а с августа 1915 г. – в Таммерсфорсе (Тампере).

торого Особая финляндская военно-цензурная комиссия, в соответствии с Временным положением, выработала 29 августа 1914 г. собственные требования к корреспонденциям и публикации каких-либо материалов.

Так, согласно этим требованиям, «военной цензуре подлежали все статьи, корреспонденции, заметки, сообщения, телеграммы, эстампы, рисунки, фотографические снимки и т. п., содержание коих относится к событиям военного времени, военным действиям, мероприятиям обороны или вообще затрагивает военные интересы государства» [19, № 193, 29 августа]. От просмотра военной цензуры освобождались все официальные сообщения, телеграммы Петроградского агентства, статьи и известия, размещенные в «Правительственном вестнике» и «Русском инвалиде». Редакторы же периодических изданий Гельсингфорса, а именно: «Uusi Suometar», «Helsingin Sanomat», «Tuomies», «Kurikka», «Tuulispääd», «Velikulta», «Hufvudstadsbladet», «Dagens Press», «Svenska Finland», «Lördagen», «Weckobladet», «Weckans Krönika», «Fyren» обязаны были заблаговременно предоставлять в военную цензуру отписки своих статей [19, № 193, 29 августа].

Остальным периодическим изданиям, выходящим в Финляндии, предоставлялось право перепечатывать материалы, уже прошедшие цензуру, с обязательным указанием источника. Оригинальные статьи необходимо было в обязательном порядке передавать для просмотра военным цензорам в Гельсингфорсе. Типографиям вменялось все напечатанные материалы отправлять в Особую военно-цензурную комиссию. Дежурный цензор должен был просматривать поступившие гранки, выделяя красным карандашом места, которые были недопустимыми, согласно Временному положению или по его личным соображениям. После этого на материал ставился штампель, и он отправлялся в печать. Были случаи, когда перечеркивалась вся статья, т. е. не допускалась к опубликованию.

За нарушение правил виновные могли быть оштрафованы на сумму до 10000 руб. или подвергались заключению в тюрьму до одного года, а выход периодического издания приостанавливался до окончания действия военной цензуры. В трехдневный срок со дня объявления в Финляндии можно было направлять жалобы командиру

корпуса на действия и распоряжения военно-цензурных комиссий и цензоров. На действия самого командира корпуса дозволялось жаловаться главнокомандующему VI отдельной армией, которая выполняла задачу по охране Петрограда и побережья Балтийского моря (на тот момент — генерал от инфантерии Фан-дер-Флит).

Цензура печати была сосредоточена в трех пунктах: Гельсингфорсе, Выборге и Або, куда должны были поставляться газетные гранки как местных периодических изданий, так и всех иногородних. В цензурном отделении штаба армии был человек, который должен был следить за печатью. Учитывая, что в Финляндии на тот момент имелось свыше 450 периодических изданий, реализация контроля за всеми из них изначально была практически невозможна [14, л. 225 об.]. Ко всему почему закрытые по решению генерал-губернатора газеты могли открываться под другими названиями. Тем не менее объявления об «оштрафовании газет» стали появляться уже в сентябре 1914 г. Так, выборгским губернатором были наказаны ответственные редакторы следующих газет: «Viborgs Nyheter» — на 2000 марок, «Laatokka» — на 2000 марок, «Karjalan Lehti» — на 1000 марок, аборнеборгским губернатором был оштрафован на 500 марок ответственный редактор газеты «Uusi Aura» [12].

Для работы в цензурной комиссии были привлечены чиновники почтовой, телеграфной и таможенной службы, а также офицеры 22-го армейского корпуса, Управления генерал-губернатора, жандармского железнодорожного полицейского управления и других учреждений.

В городах Або, Бьернеборге (*шведское название, финское — Пори. — А.И.*) и Выборге военная цензура оказалась в ведении офицеров и была, согласно впечатлениям Д.Л. Казанцева, «более или менее налажена». «Во всяком случае, — утверждал он, — помимо нее ничего не могло проникнуть в печать или быть пропущено иным путем» [8, с. 220]. За первые два месяца работы военной цензуры было задержано несколько писем германских шпионов. Против финляндских газет в августе 1914 г. Управлением по делам печати было возбуждено 12 дел [10, с. 50].

В августе-сентябре в связи с неудачными действиями русской армии на Северо-Западном фронте 22-й армейский

корпус был выведен из Финляндии и переброшен под Варшаву. Оставленную территорию прикрывали ополченские милицеские дружины, из которых к лету 1915 г. был создан 42-й корпус. Штаб корпуса сначала находился в Гельсингфорсе, а затем в Таммерсфорсе (Тампере)

С 18 ноября 1914 г. Особую финляндскую военно-цензурную комиссию возглавил окружной воинский начальник г. Гельсингфорса, подполковник А.А. Гольмберг [17, л. 280 об.]. Однако фактически, по утверждению Д.Л. Казанцева, военная цензура осталась без руководства, так как «не было ясных указаний, кому, собственно, военная цензура в Финляндии должна подчиняться. Ни штаб VI армии, ни штаб командующего флотом, ни штаб Свеаборгской крепости ни разу до весны 1915 года в работу комиссии не вмешались» [8, с. 221].

Тем не менее, подполковнику А.А. Гольмбергу удалось выявить ряд серьезных нарушений в работе военной цензуры в Финляндии, которые являлись причиной утечки серьезной информации. Первое сводилось к тому, что сортировка почтовых отправок осуществлялась в отделении почтовой конторы в Гельсингфорсе, а затем уже упакованные по трактам сообщения доставлялись в военную цензуру, которая находилась в отдельном здании. Согласно установленному порядку письма сначала должны были цензурироваться, а уже потом сортироваться по адресам.

Второе было еще более вопиющим. Секретные списки российских агентов, работавших в Германии, которые были посланы К.М. Белостоцкому с целью отслеживания их корреспонденции, были вывешены на всеобщее обозрение в сортировочной почтовой конторы, а затем они были обнаружены на стенах почтовых вагонов, которые курсировали по всей территории края вплоть до государственной границы. «Это был большой удар для всей нашей разведки, — сообщал Д.Л. Казанцев, — когда пришлось менять всех наших агентов, часть которых при этом была расшифрована нашими врагами в Швеции и Норвегии и даже арестована правительственными властями этих государств за шпионаж против этих стран и посажена в тюрьму» [8, с. 222-223]. В свою очередь немецкие агенты, рассредоточенные в Румынии, имена которых также находились в

списках, Германия также была вынуждена заменить.

В результате произведенного подполковником Отдельного корпуса жандармов Н.М. Тереховым расследования, нарушения были подтверждены. Подполковник К.М. Белостоцкий, а также его секретарь, писарь Гельсингфорсского комендантского управления коллежский регистратор Ютт были преданы военно-полевому суду, который приговорил их к заключению в крепости на 4 и 3 месяца соответственно. Впоследствии Высший кассационный суд, рассмотрев дело, лишил К.М. Белостоцкого чинов, орденов и всех прав состояния и приговорил к 10 годам каторжных работ, которые были заменены заключением в Шлиссельбургской крепости.

Осенью 1915 г. военная цензура в Финляндии стала подчиняться непосредственно штабу VI армии. Были приняты немедленные меры для тщательного обследования всего наличного состава цензоров по архивам Финляндского жандармского управления, контрразведывательного отделения штаба VI армии и в Петроградском охранном отделении. Все лица, о которых были получены неблагоприятные сведения, были удалены из цензуры [14, л. 226 об.].

Форма, выработанная штабом армии для проверки потенциальных работников военной цензуры, включала следующие сведения: не женат ли кандидат на иностранной подданной, не учился ли в Германии, не проживал ли там долговременно. Образование требовалось не ниже среднего. Допущенные ранее к работе студенты Гельсингфорского университета, не числившиеся на государственной службе, были распоряжением штаба уволены [14, л. 227].

Для проверки работы цензуры была образована Особая комиссия под председательством генерала Княжевича, которая объезжала все цензурные пункты, уделяя особое внимание Гельсингфорсу и Торнео.

По приказанию начальника штаба верховного главнокомандующего с 23 ноября 1915 г. вся исходящая из России корреспонденция, телеграфные сообщения и посылки стали задерживаться на две недели. Контроль за деятельностью цензоров осуществлялся старшими цензорами посредством повторного чтения материалов. Однако на самом деле из-за нехватки цензоров, а также из-за незнания ими местных языков, оно производилось не везде [14, л. 228].

Почтовая цензура до середины 1916 г. находилась в руках гражданского лица, заведовавшего иностранным отделом Почтового управления Финляндии, затем по решению штаба армии во главе был поставлен офицерский чин. К 1916 г. военная цензура имела в 10 почтовых учреждениях Финляндии. Во главе каждого находился старший цензор-офицер, или местный комендант, или начальник участка пограничной охраны, или командир строевой части. Последние из перечисленных, таким образом, совмещали две или три должности. Все остальные почтово-телеграфные пункты были разделены на 10 цензурных округов соответственно и должны были посылать весь свой подцензурный материал в пункт своего округа [16, л. 74].

Цензура почты производилась во всех 10 пунктах, телеграммы внутреннего отправления цензурировались в Гельсингфорсе, Выборге, Торнео и Улеаборге, почтовые отправления исходящие — в Торнео, а входящие — в Гельсингфорсе. Международные телеграммы цензурировались только в Петрограде. Транзитная корреспонденция в Финляндии не цензурировалась [14, л. 224 об.].

Особое внимание обращалось на просмотр телеграмм и писем, адресованных в населенные пункты прибрежной полосы, а также располагавшихся вдоль железнодорожного пути в Торнео. В цензурном пункте в Торнео находился офицер, прошедший под руководством специалиста при Петроградской судебной палате курс обучения химических способов проявления невидимых чернил.

В процентном отношении для просмотра корреспонденций были установлены следующие правила: телеграммы подвергались цензурированию все без исключения, как и корреспонденция, идущая за границу. Почту, поступавшую из европейских стран, также просматривали полностью, из других — по мере возможности. Полностью проверялась корреспонденция, идущая в Кеми, Торнео, Карунки, Верхнее Торнео. Для этого она задерживалась в Торнео на две недели. Подвергалась сплошному цензурированию корреспонденция из действующей армии (без марок), заказная, до востребования и на предъявителя, корреспонденция на имя нижних чинов. Корреспонденция из Российской империи просматривалась до

50 %, а внутренняя Финляндская — не более чем до 25 % [16, л. 25].

Учитывая, что цензоры, работавшие в Финляндии, должны были знать не только европейские, но и местные языки, штаб фронта и штаб VI армии при комплектовании личного состава столкнулись с большими сложностями. Проблема заключалась прежде всего в большом количестве почтовых отправок, которые приходилось просматривать цензорам. Население Великого княжества Финляндского не подлежало мобилизации, на фронт за время ведения военных действий отправилось чуть более 500 добровольцев, поэтому непосредственно солдатских писем с фронта было немного, в сравнении с почтовыми пунктами других территорий военных округов. Однако пограничное положение Финляндии обуславливало большой поток писем за границу. Так, например, заграничная почта, которая была получена в Торнео в декабре 1915 г., по сообщению «Финской газеты», «состояла из 966 почтовых мешков, загруженных в три товарных вагона» [6].

Военными цензорами могли назначаться местные должностные лица, наблюдавшие за печатью, а также чиновники местных почтовых и таможенных учреждений. Первоначально служащие получали сверх содержания по занимаемой ими постоянной должности суточные в размере 8 марок.

Кроме того, при необходимости цензорами могли назначаться и офицеры. При этом речь шла об эвакуированных с фронта по состоянию здоровья или отставниках. Однако первые нуждались в постоянном медицинском наблюдении и поэтому могли проживать только в больших городах, например, в Гельсингфорсе или Выборге. Так, при Гельсингфорском военном цензурном пункте таковых в начале 1917 г. насчитывалось 17 человек [17, л. 280 об.-281]. Раз в месяц для освидетельствования здоровья эти офицеры посещали Петроград. В случае же ухудшения состояния их здоровья, они отстранялись от обязанностей военных цензоров.

Остальные офицеры, не имея возможности получать суточное вознаграждение за работу в цензуре одновременно с порционным, потеряли всякий интерес к ней. В результате происходила постоянная смена военных цензоров-офицеров.

Командование пыталось привлечь к

работе в военной цензуре в Особой комиссии, если не офицеров, то хотя бы русскоязычных чиновников в свободное от служебных обязанностей вечернее время. Однако Канцелярия генерал-губернатора на запрос штаба VI армии ответила отказом, ссылаясь на занятость чиновников учреждения и в вечерние часы. Был получен отказ и от руководства имеющихся в Финляндии русских учебных заведений. В этом случае нежелание учителей объяснялось малым вознаграждением, которое заключалось в размере четырех марок за три часа работы, в то время, когда давая уроки они зарабатывали большую сумму [14, л. 226]. Достаточное количество для работы в вечерние часы удалось найти только в Выборге.

Севернее Гельсингфорса в Финляндии проживало совсем небольшое количество русскоязычных. В основном это были чиновники, представители жандармского ведомства и духовенство, которые и использовались для работы в военной цензуре.

Ситуация острой нехватки кадров в учреждениях военной цензуры предопределила разрешение принимать на работу помощниками цензоров женщин. По мнению Д.Л. Казанцева, «военные дамы» были допущены для работы в цензуре для чтения писем «из армии в армию», так как им

«лучше других была известна жизнь солдата» [8, с. 227]. «При выборе кандидатов, — вспоминал он, — было допущено много вынужденных поблажек по предоставлению мест вдовам погибших на войне офицеров, многие из которых совершенно не подходили по возрасту уже для этой цели. Эти обстоятельства вызвали на военную цензуру ряд нареканий, иногда довольно справедливых, но исправить их было невозможно» [8, с. 227]. Необходимо отметить, что в действительности привлечение женщин к цензурированию происходило во многих почтово-телеграфных пунктах как в тылу, так и на театре военных действий Российской империи. Так, например, в Одесском военном округе, такое решение было принято уже в декабре 1914 г. [9, с. 56]. Однако в Финляндии процент привлеченных женщин от общего числа цензоров был значителен, что, на наш взгляд, объяснялось скорее демографической и этнографической спецификой региона, которая накладывалась на политический контекст, о чем упоминалось выше. Так, количество военных цензоров к январю 1916 г. составило 434 человека, и большая половина работавших были женщины (см.: Таблица 1).

Таблица 1.

Сведения о числе и составе цензоров всех цензурных пунктов Финляндии, подчиненных штабу 42-го Отдельного армейского корпуса на январь 1916 г. [16, л. 72].

Наименование цензурного пункта	Число цензоров по штатному расписанию	Цензоры-офицеры	Цензоры-почтово-телеграфные чиновники	Цензоры-женщины	Не хватало до необходимого числа
Гельсингфорс	151 (12) ¹	21	30	71	19
Выборг	141(5)	19	14	83	5
Або	27 (5)	12	4	6	9
Раумо	7	3	3	2	3
Бьернеборг	11	1	2	3	5
Николайстад	17	4	5	6	18
Куопио	17	2	10	54	4
Улеаборг	12	2	8		9
Таммерфорс	26	2	13	8	4
Торнео	25	8	16	1	13
Итого:	434	53	75	234	70

Тем не менее и привлечение женщин не решало проблему. Во всех цензурных пунктах недоставало цензоров до штата в 70 человек, выработанного особой Финляндской цензурной комиссией.

С марта 1916 г. в Финляндии была

введена политическая цензура, ответственными за реализацию которой стали председатель Главного управления по делам печати, действительный статский советник А.В. Каннинен и член совета, магистр Яловирта. Они же в глазах общественности

¹ В скобках указано число лиц, которые работали 3 часа в день за половину зарплаты.

были ответственными за появление на страницах печати большого количества так называемых «белых пятен» [3]. Политическая цензура предполагала не только предотвращения раскрытия военных тайн, но и ограничения на освещение в печати многих вопросов, касавшихся внешней и внутренней политики государства. По воспоминаниям Д.Л. Казанцева, штрафы в этом случае применялись редко, и они ограничивались 300 руб., причем деньги шли в пользу финской казны. Он же отмечал, что закрытие газет во время войны произошло только дважды в городах Jakobstad и Tammerfors, в последнем случае из-за статьи, «восхвалявшей германскую культуру» [8, с. 227].

Представляется, что в данном случае Д.Л. Казанцев ошибался. Судя по объявлениям в официальной «Финской газете», периодические издания штрафовались с определенной регулярностью, а их редакторы порой отправлялись под арест. Так, Тавастгусский губернатор приговорил в декабре 1915 г. ответственного издателя газеты «*Tampereen Sanomat*» К. Кивиранта к штрафу в 3000 марок «с заменой в случае несостоятельности 3-месячным заключением», за статьи в двух номерах [12]. Днями позже ответственный издатель запрещенной газеты «*Jacobstad*» редактор Г. Санден был заключен в вазаскую тюрьму для отбывания наказания взамен штрафа в 2000 руб. [7]. В это же время ответственный редактор газеты «*Namatar*» Вильо Сюръянен был выпущен из тюрьмы, где от отбыл «присужденное ему губернатором тюремное заключение в один месяц» [11].

Вряд ли введение политической цензуры уменьшило количество предписаний. Скорее наоборот: ответственность редакторов, за размещаемый материал усиливалась, что с необходимостью приводило и к увеличению числа наказаний. Кроме того, введение политической цензуры, безусловно расширял объем работы для военных цензоров и не только в сфере печати, но и в отношении почтовых отправок.

Не случайно штабом Северного фронта был разработан проект реорганизации Петроградской и Финской цензурных комиссий и в ноябре 1916 г. документ был отправлен начальнику штаба верховного

главнокомандующего М.В. Алексею, а 18 января 1917 г. на рассмотрение военному министру М.А. Беляеву [15, л. 401]. В проекте подчеркивалось, что «Петроградский военный округ, включающий столицу и Финляндию и являющийся вследствие этого сосредоточением государственной жизни и почти всей русской печати, крупнейшего почто обмена внутреннего и всего почто обмена международного, явно нуждается в установлении здесь исключительного военно-цензурного досмотра, что возможно только при установлении для сего соответствующих штатов военно-цензурных учреждений...» [15, л. 404] Неудовлетворительная, по мнению штаба фронта, работа цензуры объяснялась «неопределенностью служебного положения лиц, несущих весьма напряженную и ответственную службу в установлениях военной цензуры», а также «совершенно ничтожным за этот труд вознаграждением, в полной мере уже не соответствующего установившейся в столице и Финляндии дороговизне» [15, л. 404 об.].

Проект не только предусматривал увеличение штата военно-цензурных комиссий округа, он предполагал и значительное увеличение их вознаграждения в зависимости от квалификации и условий работы. Так, те цензоры, которые знали несколько иностранных или местных языков должны были, согласно проекту, получать 15 марок, один язык — 12 марок, военный цензор — 8 марок. Цензорам, работавшим в Торнео планировалось вознаграждение в 1,5 раза больше, чем в других населенных пунктах, а командированным сюда из других территорий Российской империи — больше на 83 % [15, л. 409 об.].

Переписка по поводу реорганизации посредством телеграфирования продолжалась на протяжении февраля 1917 г.

Временное правительство, которое подтвердило свои союзнические обязательства и продолжило участие в Первой мировой войне, не отменило военную цензуру, ликвидировав ее политическую составляющую. Деятельность ее на территории Великого княжества Финляндского в условиях развивающейся революции имеет свою специфику, что предполагает дополнительное исследование, не вписывающиеся в рамки данной статьи.

Список литературы

1. Алферова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 63-84.
2. Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. Вып. 16/3. С. 141-155.
3. Блохин В.Ф., Алферова И.В. Преданье административной старины: "белые пятна" на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32-48.
4. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. 3 (61). С. 29-43.
5. Богомоллов И. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96-117.
6. Большая почта в Торнео // Финляндская газета. 1915. № 252. 9 декабря.
7. Заключение редактора в тюрьму // Финляндская газета. 1915. № 252. 8 декабря.
8. Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. 320 с.
9. Миронова И.С. Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1 (23). С. 54-57.
10. Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. 300 с.
11. Отбытие наказание редактором // Финляндская газета. 1915. № 256. 14 декабря.
12. Оштрафование газет // Финляндская газета. 1914. № 195. 15 сентября.
13. Письма с войны 1914–1917 / Составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. М., 2015. 800 с.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего. Оп. 1. Д. 1488.
15. РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего. Оп. 2. Д. 762.
16. РГВИА. Ф. 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1586.
17. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 353. Оп. 1. Д. 80.
18. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 192. Ст. 2057.
19. Финляндская газета. 1914.

MILITARY CENSORSHIP PRACTICES DURING THE FIRST WORLD WAR (on the materials of the Grand Duchy of Finland)

The article is based on the memoirs of Colonel D.L. Kazantsev, and also on the documents of the Russian State Military Historical Archive; it deals with the military censorship practices in the Grand Duchy of Finland during the First World War. The author demonstrates that the establishment of military censorship in the territory of Finland went with delays and great difficulties. The censorship of the mail, telegrams in local languages and local periodicals sent to Finland was to be carried out. It was, however, almost impossible to exercise censorship control over the entire volume of correspondence and all printed matter. The reasons for the lack of effectiveness of censorship were, at first, a lack of understanding on the part of the leadership of the importance of the tasks of censorship of the postal items. At a later period the difficulties of censorship caused by the small number and lack of qualifications of local military-censorship commissions.

Keywords. Military censorship, the First World War, the Grand Duchy of Finland, Special military censorship commission.

References

1. Alferova, I.V., Blokhin, V.F. (2017). «Gasil'nik narodnogo dukha»: tsenzurnye ograniicheniya v osveshchenii geroizma frontovikov vo vremya Pervoi mirovoi voiny [The Gasifier of the People's Spirit: Censorship Restrictions on Coverage of the Heroism of Frontline Soldiers during World War I] // Novyi istoricheskii vestnik. 2017. № 3(53). S. 63-84.
2. Batulin, P.V. (2006). Voennaya tsenzura v period Pervoi mirovoi voiny i revolyutsii 1917–1918 gg.: problema sushchnosti i preemstvennosti [Military Censorship during the First World

War and the Revolution of 1917-1918: The Problem of Essence and Continuity] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2006. Vyp. 16/3. S. 141-155.

3. Blokhin, V.F., Alferova, I.V. (2016). Predan'e administrativnoi stariny: "belye pyatna" na stranitsakh rossiiskikh gazet (vtoraya polovina XIX veka — 1917 god) [The Legend of Administrative Antiquity: White Spots in Russian Newspapers (Second Half of the 19th Century to 1917)] // Novyi istoricheskii vestnik. 2016. № 3 (49). S. 32-48.

4. Blokhin, V.F. (2022). Voennaya tsenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoi mirovoi voyny [Military censorship of the Minsk Military District and the outbreak of World War I] // Novyi istoricheskii vestnik. 2019. 3 (61). S. 29-43.

5. Bogomolov, I. (2022). Gosudarstvennaya duma i tsenzurnaya politika v gody Pervoi mirovoi voyny [The State Duma and censorship policy during World War I] // Rossiiskaya istoriya. 2022. № 4. S. 96-117.

6. Bol'shaya pochta v Torneo (1915) [The Big Post in Torneo] // Finlyandskaya gazeta. 1915. № 252. 9 dekabrya.

7. Zaklyuchenie redaktora v tyur'mu (1915) [Imprisoning the editor] // Finlyandskaya gazeta. 1915. № 252. 8 dekabrya.

8. Kazantsev, D.L. (2016). Vospominaniya o sluzhbe v Finlyandii vo vremya Per-voi mirovoi voyny. 1914–1917. [Memories of service in Finland during World War I. 1914-1917]. M., 2016. 320 s.

9. Mironova, I.S. (2014). Voennaya tsenzura pochtovoi korrespondentsii Odes-skogo pochtovo-telegrafnogo okruga v period Pervoi mirovoi voyny [Military censorship of postal correspondence of the Odessa Post-Telegraphic District during World War I] // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2014. № 1 (23). S. 54-57.

10. Novikova, I.N. (2002). «Finskaya kartA» v nemetskom pas'yanse. Germaniya i problema nezavisimosti Finlyandii v gody Pervoi mirovoi voyny. ["The Finnish Card" in the German Solitaire. Germany and the Problem of Finnish Independence during World War I]. SPb., 2002. 300 s.

11. Otbytie nakazanie redaktorom (1915) [Serving the sentence of the editor] // Finlyandskaya gazeta. 1915. № 256. 14 dekabrya.

12. Oshtrafovanie gazet (1914) [Penalizing newspapers] // Finlyandskaya gazeta. 1914. № 195. 15 sentyabrya.

13. Pis'ma s voyny 1914–1917 (2015) [Letters from the 1914-1917 War] / Sostavlenie, komentarii i vstupi-tel'naya stat'ya A.B. Astashova i P.A. Simmonsa. M., 2015. 800 s.

14. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. 2003. Shtab Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. Op. 1. D. 1488.

15. RGVIA. Foundation 2003. Shtab Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. Op. 2. D. 762.

16. RGVIA. Foundation 2031. Shtab glavnokomanduyushchego armiyami Severnogo fronta. Op. 1. D. 1586.

17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voennno-morskogo flota [Russian State Archive of the Navy] (RGAVMF). Foundation 353. Op. 1. D. 80.

18. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [Collection of Laws and Orders of the Government, published by the Governing Senate]. 1914. № 192. St. 2057.

19. Finlyandskaya gazeta [Finnish Newspaper]. 1914.

Об авторе

Алферова Ирина Викторовна — доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alferova Irina Viktorovna — Doctor of History, Professor, Department of National History alferovairi@yandex.ru, Bryansk State University (Bryansk, Russia), orcid.org/0000-0002-8951-2744, E-mail: alferovairi@yandex.ru

Андреев А.Е., кандидат исторических наук, Тверской государственный университет (Россия)

**ОЦЕНКА ГУБЕРНАТОРАМИ ПРОЕКТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ,
РАЗРАБОТАННОГО КОМИССИЕЙ М.С. КАХАНОВА
(на примере тверского губернатора А.Н. Сомова)**

В статье анализируется работа комиссии под руководством М.С. Каханова. Задачей комиссии была разработка проекта реформы местных административных учреждений в целях приведения их в соответствие требованиям времени. Рассмотрена деятельность комиссии, результаты ее работы и отзыв о проекте реформы опытейшего на тот период тверского губернатора А.Н. Сомова, прослужившего в этой должности более 15 лет. В исследовании были использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы и источникового материала, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод. В процессе разработки проекта реформы правительство обратило внимание, что в нём не учитывался реакционный курс самодержавия. Состав комиссии был изменен. В результате этого процесса проект реформы значительно изменился: из него исключили положения о всеобщих волостях и сельских обществах, оставили прежними права земств, усилили роль дворянства в системе местного самоуправления. Систему губернских и уездных учреждений решили сохранить. Д.А. Толстой в докладе Александру III о результатах работы Комиссии 22 февраля 1885 г. акцентировал внимание на «либеральной направленности» разработанного проекта. Проект реформы местного управления, разработанный комиссией под руководством М.С. Каханова не был реализован. Структура, функции и принципы взаимодействия административных учреждений на местах сохранялись вплоть до февраля 1917 года, события которого приближались, возможно, в том числе из-за отсутствия реформы государственного аппарата.

Ключевые слова: М.С. Каханов, административная реформа, губернатор А.Н. Сомов, губернские учреждения, местное управление, Кахановская комиссия, земства, кризис государственности

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-16-21

Вопрос взаимодействия органов власти и местного самоуправления, независимых друг от друга в соответствии с действующим в настоящее время законодательством, актуален для работы как представительной, так и исполнительной власти в Российской Федерации. В период второй половины XIX-начала XX веков Министерством внутренних дел под руководством И.Л. Горемыкина, В.К. Плеве и П.А. Столыпина были разработаны несколько проектов реформы системы местных административных учреждений. Законопроекты, направленные на реформирование системы губернского управления, разрабатывались отдельными государственными деятелями, а также фракциями II Государственной Думы. Первая русская революция и Первая мировая война способствовали увеличению нагрузки на губернскую администрацию, внесению изменений в её кадровый состав, расширению полномочий губернатора, и, как следствие, препятствовали реализации проектов реформы местного управления.

В дореволюционный период этими вопросами занимался В.М. Гессен, опубликовавший работу «Вопросы местного управления». В советский период

историографии можно выделить работы М.М. Шумилова, который анализировал взаимоотношения губернаторов и местного общественного управления. К общесторическим исследованиям, в которых рассматриваются вопросы местного управления, относится работа «Власть и реформы. От самодержавной к Советской России» [2] под редакцией Б.В. Ананьича. В исследовании проанализированы проекты реформ, разработанные под руководством М.С. Каханова, В.К. Плеве и П.А. Столыпина, а также предложения Н.Х. Бунге и С.Ф. Шаропова. Изменения государственного устройства рассмотрены в исследовании как альтернатива революции.

Книга «Реформы или революция? Россия, 1861-1917» [7] под редакцией В.С. Дякина содержит доклады международного colloquium, состоявшегося в Ленинграде в июне 1990 года. Отечественные и зарубежные историки рассмотрели общие проблемы внутренней политики Российской империи и процессы, происходившие в обществе в 1861-1917 годах. Основным вопросом дискуссии было соотношение реформы и революции в российской истории. Кроме того, в опубликованных докладах рассмотрены проблемы внутренней

политики в сфере сельского хозяйства. Представляют интерес выводы зарубежных исследователей Г. Фриза и Р. Уортмана, изучавших легитимность самодержавия среди населения.

Целью исследования является изучение проекта реформы, разработанного комиссией под руководством М.С. Каханова и отклик на него опытного в Российской империи на тот момент тверского губернатора А.Н. Сомова. Познавание истории взаимодействия местной власти имеет важное теоретическое значение, результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов об истории государственного управления и истории тверского региона в целом для студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования. Статья может быть интересна всем, кто интересуется развитием местного самоуправления. Кроме того, на основе выявленных закономерностей может корректироваться современная система взаимодействия между региональными органами исполнительной власти и местного самоуправления Тверской области, что свидетельствует о возможности ее практического применения.

Методология и методы исследования. Методологические подходы автора традиционно определяются принципами научной объективности, историзма и исторического детерминизма. В исследовании были использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы и источникового материала, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод. Источниковая база исследования вполне репрезентативна и включила несколько групп исторических источников: законодательство, делопроизводственная документация, официальные справочники, периодическая печать.

Результаты исследования и их обсуждение. Решение об образовании комиссии М.С. Каханова (1881-1885 гг.) было принято после доклада Н.П. Игнатьевым 4 сентября 1881 г. о необходимости реформы системы губернского и уездного управления [6, с. 511].

Комитет министров утвердил положение о Комиссии 30 октября 1881 года, а 20 ноября 1881 года состоялось первое заседание [4, с. 181]. Обязательным условием

функционирования коллегиального органа было предоставление Комитету министров результатов работы. Целью работы было «приведение к действительному осуществлению более чем 25-летней заботы правительства о преобразовании губернского управления на началах, вполне соответствующих современным требованиям» [5, с. 354]. Первоначально в состав Комиссии входили сенаторы, проводившие в 1880-1881 гг. ревизии губерний, и некоторые высшие чиновники [6, с. 551], поддерживавшие умеренно-либеральные идеи. В Комиссии отсутствовали представители либерального земства и крестьян, хотя последние были наиболее заинтересованным в реформе сословием [1, с. 11].

Одной из задач Комиссии можно считать объединение усилий всех местных учреждений на службе правительству и соблюдению законности [5, с. 357]. Другой задачей стала разработка нового проекта устройства губернских и уездных учреждений, а также органов земского, городского и крестьянского управления, с учётом возможностей по расширению их полномочий и сокращения общего числа учреждений [6, с. 552].

Комиссия не только получала высочайшие указания и разрешения через министра внутренних дел, но и вносила через него законодательные инициативы [5, с. 356]. Министерство внутренних дел предлагало не разрабатывать проект кардинальной реформы административных учреждений, и незначительно оптимизировать систему местных учреждений для сохранения интересов власти. Кроме того, члены коллегиального органа были предупреждены о недопустимости обсуждения «посторонних вопросов», и ограничены темой местного управления при разработке проекта реформ.

В начале работы Комиссия сообщала о проблемах взаимодействия учреждений на местном уровне и несоответствии действительных полномочий нормам права [5, с. 357]. На заседании 26 апреля 1882 года из числа членов было сформировано Особое совещание для проработки вопросов перед рассмотрением на общем заседании [5, с. 360].

В середине 1883 года Особое совещание направило губернаторам перечень вопросов о состоянии местного управления и целесообразности изменений. Представляет особый интерес ответ тверского губернатора А.Н. Сомова, к концу 1883 года прослужившего в этой должности более 15

лет (с марта 1868 года), и бывшего, соответственно, одним из опытейших губернаторов своего времени.

В предисловии к ответу А.Н. Сомов докладывал о необходимости согласования и объединения действий административных и других учреждений, например, судебных установлений. По мнению губернатора, «без этого все усилия администрации к исполнению возложенных на нее же обязанностей будут недействительны и не принесут желаемой пользы» [8, Л. 170-171 об.]. Интересен конкретный пример, приводимый губернатором: «В настоящее время администрация поставлена в такое положение, что она, подчиняясь существующим законоположением и распоряжением Высшего правительства, требует от частных лиц и учреждений исполнения тех или иных условий, при устройстве например, фабрик и заводов, при возведении построек, при исполнении разного рода обязательных постановлений городских и земских учреждений и вообще при охранении общественного спокойствия и безопасности, настаивает на исполнении своих требований, а при безуспешности настоящих возбуждает преследование. Но результатом таких действий, в большинстве случаев, бывает или совершенное освобождение судебными учреждениями преследуемых лиц от ответственности, или же признание штрафа, который, не стесняя преследуемого лица, предоставляет ему затем уже полную возможность продолжать дальнейшие свои действия безнаказанно. Такое параллелирование действий администрации порождает, конечно, неудовольствие в среде населения и невольно заставляет думать заинтересованных лиц, что администрация делает придирки из личных видов» [8, Л. 170-171 об.].

В ответе на вопрос о недостатках существовавшей организации низших сословных и административных учреждений губернатор отмечал проблему ослабления надзора за деятельностью этих учреждений вследствие «сокращения власти Мирowych посредников и потом разделения этой власти Положением 1874 года между уездными присутствием, исправником, и непременно членом». Кроме того, он описывал негативные последствия непонимания учреждениями и крестьянами статей Положения от 19 февраля 1861 г. [8, Л. 176]

На вопрос о «степени несостоятельности существовавшего административного управления в уезде и необходимости установления общего уездного управления, как учреждения коллегиального, с объединением в нем всех отдельных уездных административных учреждений всех ведомств», следовал ответ о необходимости введения коллегиального управления с объединением в нём всех отдельных уездных административных управлений. Губернатор обосновал своё мнение «разбросанностью разных дел по многим присутственным местам, что отражалось вредно на производительности дел вообще и представляло серьезные неудобства, вызывало справедливые жалобы лиц, имеющих надобность в учреждениях уезда настоящего времени» [8, Л. 199 об.-200].

Утвердительно был ответ об упразднении общего присутствия полицейского управления, уездного по крестьянским делам присутствия с непременно членом, уездного по воинским делам присутствия, распорядительного комитета и училищного совета, поскольку взамен этих и других присутствий предлагали образовать общее уездное управление [8, Л. 200 об.].

Сомов А.Н. был согласен с тем, чтобы «образовать в губернии одно смешанное по составу присутствие губернского управления, которому необходимо предоставить такие полномочия, чтобы распоряжения его и постановления были обязательны к исполнению не только для уездных управлений, но и для земских и городских учреждений» [8, Л. 213 об.].

Следует отметить, что городским и земским учреждениям планировали предоставить право обращения к Правительствующему Сенату в случае несогласия с распоряжением губернского управления, но факт жалобы не останавливал бы исполнение постановления губернского управления. По мнению А.Н. Сомова, «только при таком полномочии губернского управления и возможно надеяться на правильное и успешное ведение дел и управление в губерниях» [8, Л. 214].

Объединение губернского правления, губернского по крестьянским делам присутствия, губернского распорядительного комитета, статистического комитета, комитета общественного здоровья, оспенного комитета и губернского училищного совета в губернское правление с передачей ему

всех дел было, по мнению тверского губернатора, возможно. Эффективность работы нового органа могла быть достигнута при «непременном условии образования особых отделений ... с распределением между ними предметов ведения ныне существующих Губернских правлений и других присутствий» [8, Л. 214 об.-215].

Положительным был ответ о передаче, в случае учреждения губернских правлений, в их компетенцию городских и земских дел, а также вопроса воинской повинности. Губернатору предложили дать право перевода любых дел из производства губернского управления в собственную канцелярию. Кроме того, высшему должностному лицу губернии, по мнению А.Н. Сомова, необходимо было предоставить право останавливать исполнение постановлений губернского управления, которые он мог признать незаконными или неудобными, и докладывать об этом в Правительствующий Сенат [8, Л. 217-217 об.].

Результатом работы Особого совещания стал проект «Положения об устройстве местного управления», содержащий 496 статей и 7 разделов (сельское общество, волостное управление, городское управление, полиция, уездное управление, губернское управление, порядок надзора и рассмотрения пререканий) [6, с. 556]. Раздел VI «Губернское управление» включал 101 статью (больше был только раздел V «Уездное управление» со 136 статьями) [5, с. 36].

Члены совещания предлагали реорганизовать несколько губернских учреждений в независимое от министерства внутренних дел губернское управление, подведомственное Сенату [5, с. 368-369]. Функции упраздненных учреждений собирались передать в губернское управление и его присутствие. Предполагалось разделить административные и судебные власти.

Авторы проекта реформы планировали расширить земские функции, снизить полицейскую активность местной власти, сформировать сословные сельские общества и волости. Проведение реформы должно было укрепить систему местной власти Российской империи, снизить напряжение среди крестьянства, занять земства дополнительной административно-хозяйственной работой [1, с. 15].

В процессе разработки проекта реформы правительство обратило внимание, что в нём не учитывался реакционный курс

самодержавия. Поскольку в 1881-1885 гг. только комиссия М.С. Каханова занималась вопросом реформы системы местного управления, то подвергнуть результаты её работы сомнению было проблематично. В целях обсуждения проекта, и, вероятно, для создания противоречий в деятельности комиссии, осенью 1884 г. Д.А. Толстой усилил её состав, в том числе, местными деятелями [6, с. 554] из реакционных, монархически настроенных губернаторов и предводителей дворянства [1, с. 16].

Последние выдвинули предложения, направленные на полное сохранение существовавшей системы управления. Например, группа А.Д. Пазухина предложила на уездном уровне создать участки под руководством участкового начальника (идея была реализована в законодательстве о земских начальниках), сохранить сословные крестьянские волости, заменить имущественный принцип в земском представительстве сословным.

С 5 октября 1884 г. до 11 апреля 1885 г. Комиссия на сорок одном заседании рассматривала документы, предоставленные Особым совещанием. В результате этого процесса проект реформы значительно изменился: из него исключили положения о всесословных волостях и сельских обществах, оставили прежними права земств, усилили роль дворянства в системе местного самоуправления. Систему губернских и уездных учреждений решили сохранить [6, с. 551].

Часть реакционных идей была включена в окончательный проект, но реализовать его было невозможно. Некоторые участники на завершающих заседаниях Комиссии отказывались от умеренно-либеральных идей, и выступали только против крайне реакционных инициатив. Итоговый проект Комиссии был консервативен, и, по мнению исследователей, его статьи стали базой для закона о земских начальниках от 12 июля 1889 г., «Положения о земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. и «Городового положения» от 11 июня 1892 г. [1, с. 17].

Д.А. Толстой в докладе Александру III о результатах работы Комиссии 22 февраля 1885 г. акцентировал внимание на «либеральной направленности» разработанного проекта. Вследствие этого, император предложил «подумать, каким образом прекратить её деятельность» [6, с. 554].

28 февраля 1885 года было утверждено высочайшее повеление о закрытии

Комиссии, о котором сообщил министр внутренних дел на заседании 11 апреля. Все материалы и право дальнейших распоряжений по вопросу реализации проекта реформы передавались в МВД. Одним из показателей эффективности работы Комиссии под руководством М.С. Каханова является объём собранной и систематизированной информации о состоянии местного управления (материалы сенаторских ревизий, отзывы и ходатайства земских и городских органов, предлагаемые ими проекты реформ) за продолжительный период (с 1859 года, включая материалы комиссии Милютина) [5, с. 362-364].

Выводы. Проект реформы местного управления, разработанный комиссией под руководством М.С. Каханова не был реализован. Структура, функции и принципы взаимодействия административных учреждений на местах сохранялись вплоть до февраля 1917 года, события которого приближались, возможно, в том числе из-за отсутствия реформы государственного аппарата.

Подводя итоги, можно предположить, что реализация этого проекта реформы дала бы лучший результат, чем сохранение

устаревшей системы управления губерний. В период Первой русской революции правительство готово было пойти на определённые реформы управления, но после спада революционного движения вновь придерживалось реакционного курса.

Следует отметить, что ограничение власти руководителя государства и внедрение в государственный аппарат коллегиальных форм управления приводили в России к ослаблению института власти. В сложившихся условиях это влекло дезорганизацию, приводившую к большей централизации и усилению личной власти [4, с. 205]. Общество и власть ждали реформ, но правительство предполагало, что, отказавшись от части своих прав, в дальнейшем придётся идти на очередные уступки. Кроме того, император понимал невозможность дальнейшего усиления местного административного аппарата. Вероятно, решением проблемы могли быть расширение административно-хозяйственных функций земских и городских учреждений, оптимизация системы местного управления, повышение точности, определенности, и качества реализации надзорных функций.

Список литературы

1. Большов В.В. Кахановская комиссия (1881-1885) (К вопросу о внутренней политике самодержавия первой половины 90-х гг. XIX в): Дис. ... канд. ист. наук / В.В. Большов. М., 1978. 201 с.
2. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. - М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. - 734 с.
3. Данилов А.А. Политические реформы в России на рубеже XX-XXI вв. в свете исторического опыта страны// История и историки: Историографический вестник РАН. 2005. М., 2006. С. 205
4. Земская и городская избирательные системы // Гражданин. Выборы. Власть. № 1. 2014. С. 175-184;
5. Корф С.А. Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. Т.1. / С.А. Корф. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. 536 с.;
6. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Т. 2. Д-К. М.: Большая российская энциклопедия, 1996. 656 с.;
7. Реформы или революция? Россия, 1861-1917. Материалы международного коллоквиума историков, 4-7 июня 1990 г. / В. С. Дякин. - СПб.: Наука, 1992. - 394 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14

GOVERNORS' ASSESSMENT OF THE ADMINISTRATIVE REFORM PROJECT DEVELOPED BY THE COMMISSION OF M.S. KAKHANOVA (ON THE EXAMPLE OF THE TVER GOVERNOR A.N. SOMOV)

The article analyzes the work of the commission headed by M.S. Kakhanova. The task of the commission was to develop a project for the reform of local administrative institutions in order to bring them into line with the requirements of the time. The activities of the commission, the results of its work and the review of the reform project by the most experienced Tver governor A.N. Somov, who served in this position for more than 15 years. The study used both universal scientific methods and special methods of historical research, determined by the specifics of the problem posed and source material, namely: the problem-chronological method, the method of comparative analysis, the systematic method. In the process of developing the draft reform, the government drew attention to the fact that it did

not take into account the reactionary course of the autocracy. The composition of the commission has been changed. As a result of this process, the reform project changed significantly: provisions on all-estate volosts and rural societies were excluded from it, the rights of zemstvos were left the same, and the role of the nobility in the local self-government system was strengthened. It was decided to keep the system of provincial and district institutions. D.A. Tolstoy, in his report to Alexander III on the results of the work of the Commission on February 22, 1885, focused on the «liberal orientation» of the developed project. The project of local government reform, developed by the commission under the leadership of M.S. Kakhanov was not implemented. The structure, functions and principles of interaction between local administrative institutions were preserved until February 1917, the events of which were approaching, perhaps due to the lack of reform of the state apparatus.

Keywords: M.S. Kakhanov, administrative reform, governor A.N. Somov, provincial institutions, local government, Kakhanovskaya commission, zemstvos, crisis of statehood.

References

1. Bolshov V.V. (1978). Kakhanovskaya Commission (1881-1885) (On the issue of the internal policy of the autocracy in the first half of the 90s of the XIX century): dis. ... cand. ist. nauk / V.V. Bolshov. M., 201 s.
2. Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k Sovetskoj Rossii [Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia] (2006) / B.V. Anan'ich, R.SH. Ganelin, V.M. Paneyah. - M.: OLMA-PRESS Ekslibris, 2006. 734 s.
3. Danilov A.A. (2006) Politicheskie reformy v Rossii na rubezhe XX-XXI vv. v svete istoricheskogo opyta strany [Political reforms in Russia at the turn of the XX-XXI centuries. in the light of the country's historical experience] // Istoriya i istoriki: Istoriograficheskij vestnik RAN. 2005. M., 2006. s. 205.
4. Zemskaya i gorodskaya izbiratel'nye sistemy [Zemstvo and city electoral systems] // Grazhdanin. Vyborny. Vlast'. № 1. 2014. s. 175-184.
5. Korf S.A. (1910) Oчерк istoricheskogo razvitiya vlasti nadzora i administrativnoj yusticii v Rossii. [Essay on the historical development of the power of supervision and administrative justice in Russia] T.1. / S.A. Korf. SPb.: Tipografiya Trenke i Fyusno, 1910. 536 s.
6. Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1917 g. [Domestic history. History of Russia from ancient times to 1917] T. 2. D-K. M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1996. 656 s.
7. Reformy ili revolyuciya? Rossiya, 1861-1917. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov, 4-7 iyunya 1990 g. [Reform or revolution? Russia, 1861-1917. Materials of the international colloquium of historians, June 4-7, 1990] / V. S. Dyakin. - SPb.: Nauka, 1992. 394 s.
8. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive (RSHA)] F. 1282. Op. 2. D. 14

Об авторе

Андреев Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Тверской государственный университет (Россия), E-mail: aae@list.ru

Andreev Aleksei Evgenievich — Ph.D. in History, Lecturer at the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Economics and Management, Tver State University (Russia), E-mail: aae@list.ru

Дубровский А.М., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия)
Карпухин А.А., бакалавр, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия)

ИДЕОЛОГИЯ БОЛЬШЕВИЗМА И ОБРАЗ ВОЖДЯ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

В статье представлена эволюция идейного комплекса вождизма в идеологии партии большевиков и отражение этой идеи в политических плакатах, рисунках, картинах, посвящённых вождям. Ранее авторы исследовали изображения главным образом И.В. Сталина без связи с эволюцией идеологии большевиков. Хронологические рамки их работ ограничивались 1930-1950 годами. Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с 1917 г. до начала 1950-х гг. В статье исследуются предпосылки появления культа вождя в общественном сознании после Февральской революции и в идеологии партии большевиков. В этой идеологии комплекс вождизма возникал постепенно. В начале своей революционной деятельности Ленин обосновал необходимость вождя для партии. После прихода к власти в стране Ленин охарактеризовал их роль как диктаторов в руководстве экономикой. В 1930-х гг. Сталин пришёл к выводу, что в России необходимость вождя заключена в традиционных взглядах русского народа. В этом представлении заключался политический реализм и в то же время отход от классовой позиции Ленина. При жизни и вскоре после смерти Ленина его образ художники представляли в дружеском и юмористическом духе. Позже его образ в изобразительном искусстве канонизируется, складывается культ Ленина. Изображения Сталина пережили ещё большую эволюцию. В 1930-х гг. идейный комплекс его культа сложился в литературе и воплотился в ряде произведений изобразительного искусства. Эволюция образа вождя в изобразительном искусстве за 1930-1940-е гг. шла тем же путём, что и вся партийно-государственная идеология — от радикальных понятий и представлений к возрождению традиционных для России идей и образов.

Ключевые слова: В.И. Ленин, И.В. Сталин, революция, вождизм, плакат, идеология, культ личности, образ, жест, фигура.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-22-39

В литературе, в которой, так или иначе, авторы интерпретируют созданные в советском искусстве образы вождя, особенно изображения И.В. Сталина, обычно проводится связь с культом личности этого вождя, с конкретно-историческим явлением в советской пропаганде. Основное внимание авторов оказалось в области анализа изображений [4, 14, 15, 22]. При этом авторы не обращают внимания на эволюцию идеологии большевизма в целом, на идею вождизма в этой идеологии, на истоки и эволюцию этой идеи. Так, В.Е. Боннелл связала отражение культа вождя в искусстве только с ленинским планом монументальной пропаганды [22, с.137-139]. И.Н. Голомшток едва касался идеологии, молчаливо предполагая её совершенно сложившейся [5]. Авторы не обратили внимания на эволюцию идеологии большевиков, а вместе с ней и идейного комплекса вождизма как её составной части.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить содержание и эволюцию этого идейного комплекса в идеологии партии большевиков, охарактеризовать его отражение в изображениях вождя, особенно Сталина. По убеждению авторов настоящей статьи, такая эволюция не находила полного отражения в идеологических текстах, тем более, что большевики

критически отзывались об эсеровской теории «народ и толпа», выдвигали значение действия масс в истории, главным образом рабочего класса. Идейный комплекс вождизма в советский период отечественной истории в гораздо большей мере был представлен иными средствами — в визуальных образах (плакат, рисунок, картина, фотография), в песнях, в том псевдонародном фольклоре, который искусственно создавался в 1930-е гг. Таким путём можно было воздействовать на общественное сознание широких слоёв населения. Сопоставляя источники разных типов и дополняя один тип источников другим (письменный=визуальным) можно получить представление о развитии культа вождя в большевистской идеологии и пропаганде.

Известно, что вождизм обычно понимается как политика, направленная на утверждение одного человека в роли непререкаемого руководителя, обладателя харизмы, сверхчеловеческих качеств, в частности, они провидят будущее. Мудрость и правота такого руководителя не вызывает сомнений.

Как известно, в ходе революционных событий 1917 г. широкое употребление получило слово «вождь». Для многих современников А.Ф. Керенский был центральной

фигурой ряда важных событий весны 1917 г. По мнению В.И. Старцева, «именно в случае с А.Ф. Керенским можно говорить о возникшем в нашей стране впервые феномене

«Свободная Россия. А.Ф. Керенский. Член Исполнительного Комитета Гос. Думы и Министр Военный и Морской», А. Смоликов, 1917 г.

По наблюдению Б.И. Колоницкого, с 1917 г. жизнь революционных лидеров стала предметом народного интереса и описаний биографов, но ни один деятель Февральской революции не удостоился такого количества популярных жизнеописаний, как Керенский. Репутация аскета, посвятившего всего себя борьбе за свободу, была важна для утверждения образа «вождя революции и народа». Дар «предвидения», и даже «ясновидения», которым публицисты наделяли Керенского, служил для обоснования его «уникальности». Меняется и внешний образ Керенского. На плакате работы А. Смоликова у Керенского слишком «буржуазный» облик. Бросаются в глаза стоячий воротник, галстук, белая сорочка. Под влиянием революционных событий Керенский сменил свой костюм первоначально на форму защитного цвета, а позднее — на френч, кепи, бриджи и краги.

Сопоставление приведённых выше двух изображений Керенского демонстрирует важную тенденцию в политической жизни и в изобразительном искусстве. Суровее и проще стал облик вождя. В работе И. Бродского у Керенского мощный корпус, вождь должен был обладать физической крепостью и быть готовым к тяжёлым испытаниям. Не случайно художник выбрал поясное изображение Керенского, дав его не впол оборота, как в произведении Смоликова, а развернув прямо на зрителя. На плакате Смоликова Керенский слишком почеловечески мягок, что могло навести на мысль о духовной слабости. У Бродского на

культ личности политического деятеля», «он (культ Керенского) как бы заместил в глазах широких народных масс образ отрёкшегося императора» [20, с.76-78].

Портрет А.Ф. Керенского, И.И. Бродский, 1917 г.

портрете сильная личность, об этом говорит не только физическая крепость, но и изобразённый морщинами лоб, прямой взгляд, сосредоточенность в выражении лица.

Несомненно, сформировавшийся культ А.Ф. Керенского в качестве революционного, военного и народного вождя, в дальнейшем оказал значительное влияние на последующие советские практики [8, с.17]. Революционные события, а затем и события Гражданской войны способствовали «переодеванию» ряда большевистских вождей в военную форму. Таким образом, чисто внешне был поддержан тот традиционный облик вождя, который сложился до октября 1917 г. Культ Керенского был своего рода предпосылкой для оформления култов иных героев. Этот культ не только предлагал типичный имидж вождя, но и готовил общественное сознание к восприятию аналогичных явлений в близком будущем.

Октябрьские события 1917 г. в России были неразрывно связаны с именами двух лидеров партии большевиков — В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Уже тогда в идеологии партии ясно проявлялся вождизм. Обычно авторы исследований, посвящённых изображениям советских вождей, обходят вниманием очень важную деталь — истоки вождизма в идеологии большевистской партии. Эти истоки лежали в ленинских идеях, прежде всего в идее партии нового типа, какую Ленин и создавал в начале своей революционной деятельности. В отличие от прежних социал-демократических партий, активно

действовавших в парламентах, это была партия, нацеленная на свержение капиталистического строя, партия решающего штурма. По мысли Ленина, партия должна была быть жёстко централизованной, сплочённой, дисциплинированной. Естественно, что личности (или одна личность), поставленные в центр такой организации, должны были обладать командирскими чертами, особенно в самый ответственный период — период штурма.

О вождях партии Ленин рассуждал уже в начале своей политической деятельности: «Ни один класс в истории не достиг господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [10, с.375].

Ленин формулировал качества, свойственные вождям, то есть обрисовывал идеал такого партийного лидера: «широкий политический кругозор», «революционная энергия», «организаторский талант» [9, с.364].

«Без "десятки" талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса», — писал Ленин ещё в 1902 г. [12, с.121-122]. Те качества, которые формулировал Ленин, ещё не содержали в себе ничего сверхчеловеческого. Речь шла о способных и талантливых людях, не более.

Уже в зрелые годы, находясь во главе государства, Ленин теоретически обосновал диктаторский характер власти советского руководителя, а по сути, и партийного вождя. Именно такая власть оказалась особенно необходимой в то время, когда партия возглавила государство и брала под контроль все стороны жизни страны. Этой власти Ленин дал экономическое обоснование: «Всякая крупная машинная индустрия — т.е. именно материальный, **производственный источник и фундамент социализма — требует** безусловного и строжайшего **единства воли**, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников одной работы, напоминать больше мягкое руководство дирижёра. Оно

может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, **беспрекословное подчинение** единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо» [11, с.200].

Советского руководителя Ленин определённо назвал «диктатором во время работы» [11, с.200].

На первый взгляд, рассуждение Ленина посвящено чисто хозяйственной сфере жизни. И в главном это так. Он обратился к размышлениям о диктаторской роли руководителя в связи с дискуссией из-за декрета об управлении железными дорогами. Однако Ленин ставил вопрос шире: «Совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облакаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти?» [11, с.198]. Он отвечал на этот вопрос положительно. Следовательно, такая диктаторская власть могла, при необходимости, распространяться на разные сферы жизни. Во всяком случае, Ленин дал своё обоснование необходимости диктаторских полномочий для отдельного лица и указал на то, что это не противоречит принципам новой власти.

Итак, Ленин высказал новые мысли, которые приближали партию к вождизму, теоретически обосновывали этот подход. Они могли лечь в основу официального идеологического оформления культа вождя. Однако в идеологии партии — в решениях съездов и конференций, в руководящих документах — эта ленинская идея не отразилась. Она применялась на практике всё более и более в форме крепнувшего единоначалия, сокращения коллегиальности в руководстве разными областями жизни.

В партии незаметно развивался культ вождя. В начале гражданской войны появились агитпоезда, первый из которых именовался «Имени тов. Ленина». Постоянное упоминание имени Ленина не замедлило понемногу поднять на щит руководителя большевистской революции в народном сознании. Уже в начале ноября 1918 г. на родном доме Ленина в Симбирске была установлена мемориальная доска в честь «великого вождя русских рабочих».

О характере культа Ленина свидетельствовала партийная печать. 14 марта 1923 г. «Правда» была посвящена 25-летию юбилею Российской Коммунистической партии. В обращении ЦК партии «Трудящимся

Союза Советских Социалистических Республик» о Ленине писали как об «учителе нашей партии». В статье Н.И. Бухарина «Чем мы побеждаем» о Ленине говорилось очень мало, правда, автор включил в текст такую характеристику: «Всегда гениальные глаза Ленина». Вместе с тем Бухарин указывал на «признания в ошибках (да ещё каких!) со стороны Ленина». Все эти статьи были помещены на первой странице главной партийной газеты. Об ошибках Ленина «вместе с партией» писал и Е. Преображенский в статье «Вождь партии», помещённой на четвёртой странице газеты. И в этой же статье автор употреблял такие характеристики вождя: «несравненный тактический гений», «с гениальной глубиной анализа и чисто сверхчеловеческим чутьём», «могучий лев, готовящийся схватить врага за горло», «гениальная интуиция». Заметно, что эпитет «гениальный» прочно вошёл в характеристику Ленина, что говорило о наделении Ленина качеством харизмы. Но при этом соратники по партии просто и смело говорили и об ошибках вождя. В том же номере «Правды», на 4-й странице, Н. Осинский в статье «Ленин» писал о «будничной» и «нормальной» внешности Ленина, о том, что в разговоре «ничего "особенного", "замечательного", "глубокого" он вам не скажет». Порой у того же автора проскальзывало сравнение, казалось бы, мало подходящее к характеристике гениального вождя: «Он сминал перед собою сомнения, точно кабан тростник». Позже, в 1930-1950-е гг., в характеристике вождя такие выражения были немыслимы, как и указания на ошибки, допущенные в прошлом и известные в более или менее широких кругах партийцев.

«Тов. Ленин очищает землю от нечисти», В.Н. Дени, М.В. Черемных, 1920 г.

То же отношение, — товарищеское, шутовское, отрицающее в Ленине сверхчеловеческое начало, ясно видно в плакате В.Н. Дени и М.В. Черемных «Тов. Ленин очищает землю от нечисти» (1920 г.). Трудно согласиться с В. Е. Боннелл в том, что в этом изображении Ленин представлен исключительно как некий сверхъестественный («lager-than-life») гигант [22, с.142-142]. Думается, что важнее другое — в облике Ленина ещё нет того, что на более поздних плакатах связывалось с обликом сверхчеловека-вождя. Необычный ракурс использовал художник, уникальный для плаката о вожде: он смотрит на Ленина сверху вниз. В руках у Ленина прозаическая метла, которая никак не могла быть закреплена в качестве атрибута облика политического лидера. Выражение лица — ироническое по отношению к тем историческим фигурам, которых он выметает с планеты. Поза Ленина вовсе не торжественная, горделиво выпрямленная. Его спина чуть согнута, как и колени. Заметен небольшой рост Ленина, коренастость. В целом поза рабочая, житейская, не героическая, хотя он занят решением всемирно-исторической задачи — очищением Земли от монархов, попов, капиталистов.

В основе формировавшегося культа Ленина ещё при жизни вождя было признание его интеллектуального превосходства над другими руководителям и партии, верности его политического чутья. Эти качества были испытаны при спорах о необходимости восстания в октябре 1917 г., в дискуссиях по поводу Брестского мира с Германией. В этих судьбоносных событиях Ленин оказывался правым, а его оппоненты — неправы. И жизнь убеждала в этом всех.

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», В. Щербаков, 1920 г.

Новый шаг в формировании культа был сделан в 1920 г., когда IX съезд партии решил впервые опубликовать собрание сочинений Ленина, предназначенного для руководства партии и ответственных работников. В этом же году появляется плакат художника В. Щербакова, озаглавленный «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Работа несла в себе определённое число новых и ярких художественных приёмов.

Образ Ленина являет здесь своеобразное соединение реалистических и символических черт. За неимением возможности представить Ленина на коне и в мундире, в традиционной позе величия, художники находили новые пластические воплощения, способные заменить символы прошлого новыми символическими изображениями — индустриальным пейзажем, трибуной, красным знаменем. Вождь представлен зрителю выступающим на трибуне на фоне заводов и красного знамени. Выражение лица — суровое. Поднятая правая рука указывает на прекрасное будущее, которое пока далеко впереди. Здесь нет ни тени шутиivosti, свойственной предыдущему плакату. Художник смотрит на Ленина снизу вверх, что подчёркивает величие вождя. Этот приём станет традиционным для таких плакатных изображений не только Ленина, но и Сталина. Именно такой приём подчёркивал надчеловечность портретируемого.

Смерть Ленина 21 января 1924 г. вызвала волну статей в партийной печати. В передовой статье «Правды» от 24 января 1924 г., подписанной Н.И. Бухариным, чувствуется человеческая, дружеская близость Бухарина к вождю — в статье по отношению к Ленину употреблены такие слова как «Милый! Незабываемый!». И в то же время Бухарин слагал гимн Ленину: «Тов. Ленин был прежде всего вождём, таким вождём, какими история дарит человечеству раз в сотни лет, по имени которых потом отсчитывают эпохи. По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянстве. По записке рабочего на митинге он, мудрец нашей партии, видел и чувствовал, какими путями бегут мысли рабочего класса». И далее в статье говорилось о необыкновенных талантах Ленина — «величайший организатор масс», «особый дар говорить с людьми», «исключительное обаяние», «очаровывал людей», «вернейший, мудрейший, опытнейший советчик», «мощный головной аппарат», «железная рука».

В статье «Великий мятежник», помещённой параллельно со статьёй Бухарина

на первой странице «Правды» Л.Б. Каменев писал: «Ленин создан был для того, чтобы в самую катастрофическую, самую революционную эпоху мировой истории стать во главе миллионов и вести их в бой».

В воззвании ЦК партии «К партии. Ко всем трудящимся» о Ленине говорилось как о «гигантской фигуре». «Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать громадные исторические переломы, — говорилось в воззвании. — Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности».

С 24 января по 1 февраля «Правда» публиковала статьи и выступления о Ленине. В них имя Ленина было спаяно со словами «гениальный». 27 января, как бы обобщая всё сказанное и написанное о Ленине, М. Калинин и А. Енукидзе в статье «К трудящемуся человечеству», помещённой на первой странице номера писали: «Его способность к предвидению была колоссальна. Его умение организовывать массы было изумительно. Он был самым великим из полководцев всех стран, всех времён и всех народов. Он был полководцем нового человечества, освобождающего мир».

Эти словесные конструкции, говорящие об особой одарённости, исключительности личности Ленина и составили развивавшийся идейный комплекс вождизма. В дальнейшем они использовались как по отношению к Ленину, так и по отношению к Сталину. С течением времени из официальных текстов уходили в прошлое выражения дружеского, лично близкого отношения к Ленину, они были вытеснены отшлифованными, отстоявшимися и как бы официально утверждёнными формулами словесного выражения величия вождя.

«В. Ульянов (Ленин)»,
А. И. Страхов-Браславский, 1924 г.

Кончина Ленина и потрясение, которое она породила, не могли не отразиться на изображении умершего лидера. Ленин должен был возродиться в новом существовании, и его новый образ был призван отразить бессмертие его дела. Ленин мог умереть, но ленинизм остался жить и ленинизм должен был победить. Художникам надлежало выразить посмертную жизнь вождя и его учения.

В том же году образ Ленина явил плакат А. И. Страхова, своего рода памятник Ленину с датами рождения и смерти, с траурной каймой в верхней и нижней частях произведения: своеобразный визуальный некролог. В композиции доминирует фигура Ленина — вождя революции в полный рост на фоне силуэта промышленного центра. В нижней части плаката изображена автомашина, кузов которой заполнен вооружёнными людьми, а за ней движется пешая колонна со знаменем. Заметно, что у людей, изображённых силуэтами, единой военной формы нет. Это — красная гвардия — военная сила революции. Создатель плаката представил Ленина с протянутой вперёд указующей рукой и напряжённым взглядом. Такая деталь уже в 1920-х гг. становится традиционной и весьма существенной в изображении вождя. Художник очень скупно распорядился колоритом своего произведения. Преобладает красный цвет, с помощью которого подчёркнуты фигура Ленина и колонна красногвардейцев. Город дан чёрным цветом. Для того чтобы выделить верхнюю часть фигуры Ленина, в верхней и центральной части плаката художник дал для этой фигуры светлый фон, напоминающий ореол. Этот светлый фон обеспечивает контраст с

изображением Ленина, данным в красном цвете. Скупой набор цветов, сочетание красного и чёрного придаёт произведению строгость, некоторую траурность.

Плакаты Щербакова и Страхова демонстрируют переход в эволюции художественного образа Ленина от товарища по партии к социалистическому пророку, харизматическому лидеру.

Рядом с культом Ленина в более скромных размерах оформлялся культ другого вождя партии — Троцкого. В 1917 г. Троцкий приобрёл широкую популярность. В сентябре он возглавлял Петроградский Совет, в качестве руководителя которого и сыграл огромную роль в организации вооружённого восстания. Хотя Троцкий уступал Ленину в величине авторитета, в послеоктябрьский период антибольшевистские силы часто именовали Совет Народных комиссаров правительством «Ленина и Троцкого». В марте 1918 г. Троцкий становится наркомом военных дел, в первые месяцы деятельности в этой роли он ещё сохранял привычный образ штатского министра. Впоследствии стиль Троцкого зримо милитаризируется: перед публикой он, как правило, выступает в шинели (иногда в кожанке). Как и в случае Керенского, происходит «соединение революционной и военной традиций» [8, с.500]. Его именовали не просто «военным вождём» или «главным вождём», но в отдельных случаях «верховным вождём и руководителем» армии и даже «главнокомандующим сухопутными и морскими войсками». В обращениях от лица простых людей чаще звучали такие традиционные нотки, как «всемиловитейший» вождь, а также «брат» и «учитель» [17]. В 1920 г. вышла биография Троцкого, которая именовала его таким эпитетом, как «Трибун революции» [21].

«Троцкий поражает дракона контрреволюции», В.Н. Дени, 1920 г

«Красный лев Троцкий на могиле контрреволюции», В.Н. Дени, 1922 г.

На плакате 1920 г., созданном в ту пору, когда ещё шли сражения Гражданской войны, Троцкий был изображён в традиционном облике Георгия Победоносца, сражающегося с чудовищем (змеем древнерусской традиции). Как и иконописный Георгий, Троцкий изображён без головного убора, а вместо нимба святого у него — советская пятиконечная звезда. На щите у всадника изображена звезда, в которую вписаны серп и молот. Для связи с современностью змию придан цилиндр (типично буржуазная деталь в восприятии художника и зрителя), а для верности по телу змия была протянута надпись: «Контрреволюция».

Другой плакат был создан в ту пору, когда внутренняя война уже завершилась. Обыгрывая имя Троцкого, Дени изобразил его в виде льва, попирающего передними лапами российский триколор, а вокруг разбросаны предметы, символизирующие ушедший мир: разломанный пополам двуглавый орёл, цилиндр, фуражка с красным околышем и погон, наградной крест, пограничный столб, чьё падение символизировало мировую революцию, ломавшую все прежние государственные границы. Нужно сказать, что изображение вождей в виде животных или птиц, пусть даже и могучих и грозных, не привилось в искусстве плаката. Сталинское словосочетание «горный орёл», употреблённое по отношению к Ленину, не было воплощено в зримом образе ни одним советским художником.

Таким образом, вождизм, то есть признание высочайшего авторитета и даже культ вождя вписывались в жизнь партии и формировали сознание большевиков. А тот, кто вошёл в партию уже в советских условиях, воспринимал этот культ как норму партийной жизни.

Я. Плампер, который изучал развитие культа Сталина по материалам газеты «Правда», писал о том что «зарождение культа Иосифа Сталина (1879-1953) следует отнести к 21 декабря 1929 года, когда по случаю 50-летия Сталина в различных СМИ — и в первую очередь в таких центральных газетах как "Правда", — развернулась широкомасштабная кампания по его возвеличению» [15, с.7]. Думается, что формирование культа началось незаметно и постепенно, скромно на первых порах. Исследователи давно заметили, что в журналах за 1924 г. рядом с ленинианой помещаются статьи Сталина, создавая в сознании населения уверенность в единстве дей-

ствий и мыслей этих вождей, в их преемственности [15, с.101]. С конца 1920-х гг. Сталин стал героем детских журналов «Чиж» и «Ёж», со страниц которых он «предстаёт перед читателями как ученик и друг Ленина» [15, с.114].

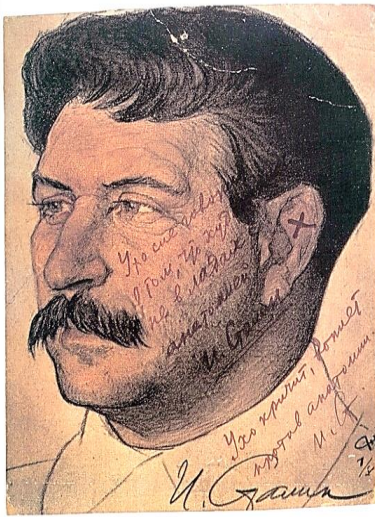
В 1928 в издательстве «Молодая гвардия» был опубликован роман С. Малашкина «Сочинение Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени». Член ВКП(б), человек, друживший с Молотовым, автор чувствовал атмосферу внутри партии, улавливал новые веяния, знал большевизм изнутри. В его романе говорилось о XV съезде партии, на котором Сталин выступал с политическим отчётом ЦК: «Докладчик был выше среднего роста, с приподнятыми кверху крутыми плечами, с бледно-желтым и немного рябоватым лицом, с блестящими, то и дело вспыхивающими чёрным огнём глазами, с обвислыми чёрными, с едва заметной проседью усами, с низко подстриженными зачёсанными назад чёрно-серебристыми жёсткими волосами; одет он был просто, обычно, как всегда: на нём был не то светло-зелёный, не то светло-синий военный френч, но без всяких военных знаков, застёгнутый на все пуговицы; на нём были такого же цвета военные брюки, но не галифе, и были заправлены в мягкие светлые и высокие, до самых колен, сапоги. Сейчас он стоял ровно, неподвижно, как скала,... дожидаясь окончания овации. Казалось, что этому гулу не будет конца» [13, с.614].

Простота внешнего облика Сталина и вместе с тем сравнение со скалой, возвышающее вождя, обожание со стороны партийцев — во всём этом уже чувствуется некое преклонение, зародыш формирующегося культа.

Возвратившийся из заграницы в апреле 1928 г. Н. Валентинов, по его словам, «узнал, что в разных кругах и разговорах всё время приходится наткаться на имя Сталина» [3, с.249]

Итак, уже в 1920-х гг. развивался культ нового вождя. Не исчезнувший при этом культ Ленина узаконивал власть наследника. А культ Троцкого по мере его поражений в столкновениях со Сталиным сворачивался и в официальных изданиях сошёл на нет.

Ещё тогда, когда художники запечатлевали облики вождей революции, Сталин очень внимательно относился к своим портретам, один из которых создал Н. Андреев.

Портрет Сталина, Н. Андреев, 1922 г.

Работа Андреева не понравилась Сталину. В частности, Сталин возражал против того, как нарисовано ухо, он написал в левом нижнем углу: «Ухо кричит, вопиёт против

Трубка Сталина» В. Н. Дени, 1930 г

В эту пору в партийной среде ещё не исчезло товарищеское отношение к Сталину, отношение равных с равным, но с осознанием весомости его авторитета в партии. Эта черта свойственна рисункам Дени начала 1930-х гг. В работе «Трубка Сталина» допущена доля насмешливости по отношению к вредителям, нэпманам, кулакам. Однако сам облик вождя (в отличие от облика Ленина на плакате «Тов. Ленин очищает землю от нечисти») никакого товарищеского юмора в себе не нёс. Сталин изображён с лицом серьёзным и строгим взглядом. А на другом рисунке он стоит под знаменем Ленина, подчёркивая тем самым, что является учеником и последователем гениального вождя. Элементы

анатомии. И. Сталин». Затем, чтобы всё-таки этот портрет не был опубликован, он написал прямо по собственному изображению: «Ухо сие говорит о том, что художник не в ладах с анатомией. И. Сталин». А на той части уха, которая ему показалась неудачной, он поставил жирный крестик. Здесь заметно большое, придирчивое внимание Сталина к портрету. Думается, и другие официальные изображения вождя проходили столь же очень внимательную цензуру самого Сталина.

21 декабря 1929 г. «Правда» была наполнена материалами, посвящёнными юбилею Сталина. При этом в газете были помещены фотографии Сталина и одного и с товарищами по партии — Лениным, Калинин, Молотовым. Однако никакой героизации, никакого следа вождизма в этих фотографиях незаметно. Культ складывался постепенно, к почитанию Сталина ещё нужно было привыкнуть широким слоям населения.

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию», В. Н. Дени, 1931 г.

индустриального пейзажа намекают на важнейшее дело этого человека — руководство выполнением первого пятилетнего плана, индустриализацией страны.

Художник-плакатист Г.Г. Клуцис в своих работах обычно использовал фотографические изображения Сталина. Обязательными деталями уже стали фуражка, шинель, китель. Они подчёркивали в его облике черты солдата партии, революционного борца, готового к сражениям, аскета в быту. В этом отношении изображения Сталина были близки к тому облику Керенского, который был создан в портрете кисти Бродского.

Тот же подход, что в произведениях Дени, замечен в плакате работы Б. Е. Ефимова.

«К концу пятилетки коллективизация в СССР должна быть в основном закончена...», Г.Г. Клуцис, 1932 г.

«Капитан страны советов ведёт нас от победы к победе!», Б.Е. Ефимов, 1933 г.

В 1933 г. Бродский создал портрет Сталина, который наводит на предположение, что живопись, выполняя социальный заказ, обгоняла политический плакат. Сталин был изображён выступающим на трибуне. На светло-красном фоне ярко выделяется его фигура в военном френче. Голова сильно контрастирует с фоном, вокруг неё художник дал высветление, создав, вольно или невольно, некий ореол вокруг головы вождя, ниже этот контраст смягчается, особенно перед фигурой Сталина. Постановка головы Сталина ясно демонстрирует то, что вождь смотрит куда-то поверх зала, перед которым выступает, прозорливо видит некие дали, невидимые рядовым людям. Художник смотрел на Сталина снизу вверх, как бы находясь в зале, над которым возвышалась трибуна с оратором. Такая точка зрения придавала величие фигуре вождя, зрительно делала её выше ростом. Сталин на картине Бродского стоит спокойно и уверенно. Эта неподвижность стала одним из важнейших приёмов у художников при создании образа вождя. Если Ленин нередко изображался с поднятой рукой, в порыве, выступающим перед массами [5, с.212], то изображения Сталина своей неподвижностью тяготели к монументальности. Кроме того, Бродский искусственно увеличил нижнюю часть фигуры Сталина, нарастив её вправо и создавая иллюзию оттопырившейся полы френча. В то же время костюм Сталина застёгнут на все пуговицы. Без этого приёма Сталин выглядел бы гораздо более стройным, но не столь внушительным. Как и в портрете Керенского, нужно было показать крепкую фигуру вождя. Образ Сталина начинают сопутствовать постоянные предметы — трубка в руке, карта, газета или книга. Если трубка отражала всего лишь

одну из привычек Сталина, то карта, газета, книга должны были, по мысли художника, свидетельствовать о работе, неутомимой и серьёзной деятельности Сталина.

Целый ряд приёмов, которые применил Бродский в рассматриваемом портрете Сталина, в дальнейшем станут традиционными и даже в значительной мере обязательными при создании изображений вождя. Тут уже видны сложившиеся черты канона, определённой официальной традиции.

Портрет И. В. Сталина, И.И. Бродский, 1933 г.

После смерти Ленина Сталин ввёл в словарь партийной идеологии и пропаганды такие словосочетания и формулировки по отношению к Ленину как «гениальнейший из гениальных вождей пролетариата», «Ленин был, как всегда, прав», «он зажёл сердца рабочих и крестьян всего мира» «руководитель высшего типа», «горный орёл нашей партии», «новый вождь новых масс», «гений революционных взрывов», «гениальная прозорливость» [18, с.53, 55, 61, 64; 19, с.48, 50, 51]. Если у Ленина осмысление роли руководителей партии и характера их деятельности не приводило к выводам о гениальности этих вождей, не

доходило до их превознесения и воспевания, то в выступлениях Сталина, в его формулах-определениях эта грань была пройдена и оставлена далеко позади. Вождь (гений) был поставлен на недостижимую высоту, о чём ясно говорил образ горного орла. Вождь никогда не делал ошибок. Понятие вождизма получило новое качество. В него вошёл тот набор представлений, определений, характеристик, которые были впоследствии приложены к Сталину.

Однако истоки сталинской идеи вождя были иными, чем у Ленина. В отличие от Ленина, Сталин опирался не на представления об экономической или иной необходимости лидера-диктатора, а на традиционные основы российской действительности, на психику народа. Он не сформулировал этой позиции в своих трудах. Поэтому, чтобы её заметить, нужно обратиться к свидетельствам современников об устных высказываниях Сталина.

В 1927 г. он приехал в Ленинград. После собрания партийного актива Сталин ужинал на квартире у С.М. Кирова вместе с хозяином квартиры и П.И. Чагиным, старым другом Кирова, бывшим редактором газеты «Бакинский рабочий». После ужина зашёл разговор о положении в партии. «Смерть Ленина — страшная утрата для партии, — сказал Киров. — Нам надо всем сплотиться и постараться коллективом заменить Ильича». Сталин молча слушал, потом сказал: "Да, конечно, ЦК, коллектив — это всё очень хорошо. Но русский мужик царист: ему нужен один". При этих словах он поднял кверху указательный палец. Наступила пауза. Собеседники были ошеломлены»[1, с.110].

Обратим внимание на то, что Сталин поднял палец, высказывая свою мысль. Этот жест означал, что он эту мысль о народе-царисте считал важной, значительной, следовательно, он над ней долго размышлял, и она превратилась в его убеждение. В рассуждениях Сталина отразилась та настойчивая мысль, которая постоянно была у Ленина и всего партийного руководства — пролетарская революция победила в крестьянской стране! Народ СССР это главным образом крестьяне. Следовательно, по мысли Сталина, ему нужно было ориентироваться на те традиции, которые сложились в крестьянской среде, учитывать именно эти традиции, именно крестьянскую психологию в своей политике. В 1930-е гг. Сталин снова возвращался к идее вождя. В тесном кругу родственников он, случалось, проговаривался о том, что было годами выношено им. Как отметила его родственница

М.А. Сванидзе в дневнике от 29 апреля 1935 г., «он как-то сказал об овах, устраиваемых ему, — народу нужен царь, т.е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать»[6, с.19]. В этом высказывании примечательна деталь — «и работать». В пору первых пятилеток, когда приходилось задумываться о стимулах к труду, для Сталина наличие «царя», его обращений с призывами к народу, были важными средствами воздействия на массы для их мобилизации на выполнение важнейших хозяйственных задач. В этом было оправдание необходимости «царя» в новых исторических условиях.

Прошло несколько дней после того, как прозвучали и были записаны цитированные слова Сталина, и он снова вернулся к той же мысли. 9 мая, как писала Сванидзе, «Иосиф опять высказал мысль о феишизме народной психики, о стремлении иметь царя»[6, с.20].

Следовательно, на протяжении ряда лет — по меньшей мере, со второй половины 1920-х гг. до середины 1930-х — Сталин размышлял о необходимости вождя в партии и стране, о готовности народа принять идею вождизма, о том, что именно он может и должен взять на себя такую роль в истории страны.

В 1929 г. была опубликована в «Правде» работа К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия», в которой Сталин был представлен творцом основных побед в Гражданской войне. Откликаясь на это произведение, а также на тот культ вооружённых сил, который существовал в СССР в 1930-х гг., Клуцис создал плакаты, представлявшие Сталина-военачальника. Мысль художника, по всей видимости, заключалась в демонстрации военной мощи страны, в прославлении Сталина и Ворошилова как её создателей. Внимание зрителя концентрировалось на изображениях танков и самолётов — самой передовой военной технике того времени.

Та же мысль — в плакате работы Дени. Это произведение было создано в самый канун Великой Отечественной войны — в 1939 г., когда тема обороноспособности, военной силы стала особенно актуальной.

Кроме упомянутой работы Ворошилова «Сталин и Красная армия», произведением, посвящённым Сталину и формирующим культ его личности, была брошюра К. Радека «Зодчий социалистического общества», опубликованная сперва в виде статьи в «Правде» 1 января 1935 г., а потом отдельной брошюрой тиражом в 75 тысяч экземпляров[16].

«Да здравствует рабоче-крестьянская красная армия — верный страж советских границ!», Г.Г. Клуцис, 1935 г.

«Да здравствует наша счастливая социалистическая Родина. Да здравствует наш любимый великий Сталин!», Г.Г. Клуцис, 1935 г.

«Сталинским духом крепка и сильна наша армия и наша страна», В.Н. Дени, Н.А. Долгоруков, 1939 г.

В отличие от статьи Ворошилова, брошюра Радека формировала представление о Сталине уже не только как об активном участнике гражданской войны, но и как об основателе партии («он основал партию снизу»), творце Октябрьской революции. Об этом Радек писал обобщённо, без указания на факты (да и где было набрать убедительных фактов?): «Годы Октябрьской революции видели Сталина не только в штабе революции, но чаще на передовой боевой линии. Он видит революцию не через сообщения, — он смотрит ей прямо в лицо, он видит её величайшие взлёты и он видит её дно» [16.с.16].

Какая «передовая боевая линия» имела ввиду, где она проходила, если её воспринимать как линию фронта? Об этом автор вразумительно не говорил, да и не мог сказать. Радек повторил мысль Ворошилова о том, что Сталин был создателем Красной армии. Наконец, Радек определил Сталина как «величайшего теоретика и политика пролетариата», «великого учителя... не только партии, но всех трудящихся величайшей страны мира» [16, с.17,24].

Брошюра Радека по сравнению со статьёй Ворошилова поднимала культ Сталина на новый уровень. Характеристики, которые формулировал Радек, употреблённые им эпитеты были гораздо сильнее, превосходнее по степени, чем восхваления в статье Ворошилова. Если Ворошилов был

ограничен сравнительно узкими рамками истории гражданской войны, то Радек использовал всемирно-исторический охват.

В том же году, что и брошюра Радека, вышла работа Л.П. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». В 1930-х и в 1940-х гг. доклад был издан и многократно переиздан отдельной книгой с приложениями. Первой концептуальной идеей работы Берии была мысль о том, что «вся история закавказских большевистских организаций, всё революционное движение Закавказья и Грузии с первых дней его зарождения неразрывно связано с работой и именем товарища Сталина» [2].

Вторая концептуальная идея заключалась в утверждении двух центров в процессе образования партии большевиков. В одном главное действующее лицо — Ленин, в другом — Сталин. Сталин, по словам автора, «основоположник революционного марксизма-ленинизма и первых ленинско-искровских социал-демократических организаций Закавказья» [2].

В политическом плакате в 1930-е гг. разрабатывались и закрепились два подхода к преподнесению облика вождя. Один подчёркивал человечность Сталина (типичная тема — «Стали и дети»), другой — недостижимость «горного орла», сверхчеловеческое величие гения всех времён и народов (типичная тема — «Сталин и народ»).

В.И. Городков, 1936 г.

В двух плакатах, созданных в близкое время, ярко видны отмеченные приёмы: в работе В.И. Городкова — первый, в произведении В.Н. Ёлкина — второй. В первом плакате заметны такие типичные приёмы как ярко выраженная радость детей от общения с вождём, их движение к нему, слегка наклонённая поза Сталина, полуобъятие. Во втором плакате типичны укрупнённое изображение Сталина, массы народа как фон, подчёркивающий масштаб личности вождя.

В 1938 г. впервые была опубликована важнейшая в политико-идеологическом плане книга — «История ВКП (б). Краткий курс». Эта работа представляла не столько биографию Сталина, сколько его идеи. Историческая часть этой книги более или менее скромно поддерживала культ Сталина. Здесь не было тех пышных речений, которыми отличалась брошюра Радека. Роль Сталина в гражданской войне была обрисована гораздо скромнее, чем в статье Ворошилова. Ненавязчиво читателю предлагалась мысль о Сталине как выдающемся теоретике марксизма-ленинизма, что являлось важным элементом вождизма.

В 1939 г. вышла в свет краткая биография Сталина. Её готовили параллельно с «Кратким курсом», и вот она-то и должна была осветить то, что в этом курсе, теоретическом по основному содержанию, было сказано коротко, скупно. Именно в этой книге и должны были получить освещение исторические события, деятельность Сталина, его участие в судьбоносных для страны свершениях партии большевиков. В этой книге усиленно проводилась связь между Лениным и Сталиным. Даже если в ранние годы деятельности Сталина между ними не было никаких личных контактов, тем не менее, авторы усматривали некую духовную связь. Уже при освещении событий 1905 г. Сталин характеризуется как «талантливый полемист», «крупнейшая (!) литературная и теоретическая сила партии» [7, с.6] В «Кратком курсе» истории

В.Н. Ёлкин, 1938 г.

ВКП(б) такой характеристики с высокой оценкой Сталина ещё не было. Биографы Сталина выдвинули положение о том, что «Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания» в октябре 1917 г. [7, с.31]. После смерти Ленина Сталин преподносился как главный вождь партии. Он разработал «учение о социалистической индустриализации» и о коллективизации. Биография Сталина вместе с «Кратким курсом» явилась важнейшим идеологическим документом в развитии идей вождизма. Работы Ворошилова и Берии не могли занять равных по значению мест рядом с этими произведениями. Они были посвящены сравнительно узким темам, а кроме того, степень восхваления вождя в них была уже недостаточной. Работа Радека не могла использоваться в пропаганде, так как её автор был расстрелян как «враг народа».

В конце 1939 г. страна отмечала 60-летие Сталина. В главном теоретическом журнале партии «Большевик» передовая статья носила название «Великий вождь и учитель». В ней обобщался жизненный путь вождя обобщённо, без неуместных подробностей, которые не вписывались в величественную картину или даже противоречили ей. В статье была представлена концепция двух вождей в истории партии: «Имена Ленина и Сталина стоят рядом как имена основоположников большевизма, организаторов и вдохновителей Великой Октябрьской социалистической революции, строителей первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, корифеев революционной науки, её новаторов и творцов» [4, с.2].

Завершали статью авторы строками, написанными в духе раболепного панегирика, созданного Радеком: «Как и Ленин, Сталин был рождён для революции. Как и Ленин, он поистине гений революционных взрывов. Как и Ленин, он видит взором яс-

новидца дальнейшее движение классов, вероятные зигзаги революции. Не раз Сталин писал и говорил о гениальной прозорливости Ленина, о его способности быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий. Этими ленинскими свойствами обладает и Сталин...»[4,с.11].

Первый номер того же журнала за 1940 г. был полностью посвящён юбилею вождя. Видимо, того, что было напечатано в 1939 г., сочли недостаточным. Сталину присвоили звание Героя Социалистического Труда. Молотов писал о нём как продолжателе дела Ленина, «любимом вожде и учителе», нарком обороны Ворошилов — как о строителе Красной Армии, нарком путей сообщения Л.М. Каганович — как о машинисте локомотива истории, А.И. Микоян, занимавшийся внешней и внутренней торговлей, конечно, не мог увязать великого вождя со столь прозаичным занятием как торговля, не мог назвать его первейшим красным купцом, поэтому писал о

Г. Г. Клуцис, 1936 г.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в периодической печати использовались довоенные фотографии Сталина. В это время вождь не мог позировать художникам. Поэтому они могли пользоваться только довоенными фотоснимками как основой для своих плакатных произведений.

В начале войны, в период поражений, потерь и отступлений, в прессе резко сократилось количество сталинских фотографий и это не могло не повлиять на творчество художников-плакатистов. В первые месяцы войны культ личности Сталина ослаб, его образ использовался в пропаганде заметно реже, чем до войны.

Ситуация несколько изменилась после событий 6-7 ноября 1941 г. (торже-

Сталине как о «Ленине сегодня». Всего было опубликовано одиннадцать статей, воспевавших вождя. В этих трудах заметно приписывание Сталину заслуг других людей, преувеличение степени участия в важнейших событиях в жизни партии и страны, преувеличение итогов деятельности, приписывание больших заслуг в разработке теории марксизма.

Итак, в 1938-1940 гг. завершилось создание комплекса работ, венчающих собою весь довоенный период развития вождизма. Входившие в этот комплекс книги и статьи выражали идею вождизма в идеологии партии большевиков.

Представление о Сталине как видном теоретике марксизма-ленинизма, стоящим наравне с его основоположниками, запечатлел и политический плакат. Эту идею о четырёх классиках марксистской теории впервые в 1936 г. воплотил в зримых образах Клуцис, а в 1939 — Соколов-Скаля.

П. П. Соколов-Скаля, 1939 г.

ственного заседания Моссовета, проходившего на станции метро «Маяковская» и парада на Красной площади). Понимая значение этих выступлений для людей, власть сделала всё возможное для их максимально широкой пропаганды и распространения. Плакаты в полной мере прочувствовали и адекватно отобразили эту мужественную стилистику военного времени.

На фуражке Сталина появилась звезда. Он по-прежнему в строгой военной шинели. В новой, военной, ситуации сохранилась традиция изображать Сталина укрупнённо, над массами военных людей и военной техники. С 1942 г. начинается постепенный переход к новому образу Сталина — образу главнокомандующего, военного вождя особенно после побед в Сталинградской и главной битве в Курской битве.

В этом образе появился как типичная деталь указующий жест, который направлял наступление советской армии на врага. Этот жест запечатлён в плакатах В.С. Иванова, В.А. Николаева, В.Б. Пинчука 1942-

1944 гг. Типичные детали — Сталин изображён на фоне красного знамени, его взор, как всегда, направлен вдаль, лицо сурово. На красном знамени в качестве политико-идеологического символа — либо изображение Ленина, либо герба СССР.

А. Житомирский, 1942 г.

В. С. Иванов, 1942 г.

Б.Н. Карпов, 1943 г.

В.А. Николаев, 1943 г.

23 февраля и 7 марта 1943 г. в «Правде» был опубликован рисунок Б.Н. Карпова — портрет Сталина. Повторная публикация портрета свидетельствовала о том, что работа художника Сталину понравилась. Его суровый облик стал основой для создания плакатов в это время.

7 ноября 1943 г. в «Правде» был опубликован рисунок П. Васильева, представляющий Сталина в совершенно новом облике — в одеянии победителя. Фуражку со звездой и простую солдатскую шинель без погон сменила парадная форма маршала с золотым шитьём и другими украшениями. Теперь именно такой образ вождя становится типичным для советского политического искусства.

В.Б. Пинчук, 1944 г.

На плакатах завершающего этапа войны Сталин героизирован. Он не жестикулирует. В его облике подчеркнуты неподвижная монументальность и сдержанность.

Таким образом, формируется образ «отца народа», стратега, полководца, и бесстрашного военачальника. Важным элементом на плакатах становится карта: Сталин что-то чертит, водит по карте рукой, расставляет флажки. Его власть над пространством кажется абсолютной. Понятие вождя партии и государства обогатилось рядом черт, особенно представлением о его всевластии.

Таким образом, на протяжении войны в советском плакате сформировались основные типы изображений Сталина в роли руководителя и организатора По-

беды. Эта тенденция получила продолжение и в послевоенные годы. Война, и в особенности победа в войне превратила Сталина в «спасителя отечества». Его образ получил новый статус, более не требовавший прежней легитимации.

К концу войны здоровье И. В. Сталина оказалось серьезно подорвано, количество официальных фотографий вождя в послевоенные годы было сравнительно невелико. Сопоставление официальных изображений Сталина с его же фотографией даёт разительный контраст в чертах внешнего облика вождя.

В.С. Иванов, 1949 г.

В.И. Городков, 1949 г.

К концу 1940-х гг. утвердились основные канонические образы Сталина: «вождь», «народный трибун», «отец народов», «строитель коммунизма». Каждый из образов за собой имел свои визуальные ассоциации: Сталина как «отца народов» неизменно изображали среди представителей различных национальностей; Сталина как «строителя коммунизма» представляли среди тракторов и заводов [15, с. 300-301]. Облик вождя связывался с мирным трудом, хотя форма генералиссимуса ещё использовалась художниками

как напоминание о недавно завершившейся войне, как о победе в ней.

В послевоенной живописи и политических плакатах образ Сталина имеет всё меньше сходства с реальным обликом вождя в этот период. Композиция выстраивается следующим образом: монументальная фигура вождя, как правило, занимающая центральное место изображается в парадной форме с погонами, в любой момент готовой к решительным действиям, полной сил и энергии. На многих плакатах присутствует взгляд «снизу», масштабно увеличивая фигуру вождя.

Б.Н. Беспольский, 1951 г.

В советском изобразительном искусстве создатели парадных портретов Сталина возродили традиции русского парадного портрета XVIII в. Портретируемый изобра-

жался в торжественном официальном облачении с орденами и знаками отличия. Одежда, награды обычно тщательно выписывались. Эти детали должны были сообщать зрителю, каково место человека в системе государства, каковы его заслуги. Фигура портретируемого была неподвижна, поза горделива. Обстановка также должна была говорить о занятиях человека, Сталина изображали в рабочем кабинете как руководителя страны и партии. На заднем фоне в портрете XVIII в. обычно помещались изображения (или бюсты) императоров/императриц. Позади Сталина на стене — портрет Ленина, его Учителя и предшественника. В обоих случаях никакой психологической характеристики, изображения носят исключительно официальный характер.

Портрет Куракина, В.Л. Боровиковский, 1801-1802 гг.

Эволюция образа вождя в плакатном (портретном) искусстве за 1917-1940-е гг. шла тем же путём, что и вся партийно-государственная идеология — от радикальных понятий и представлений к возрождению традиционных для России идей и образов, от мировой революции к защите отечества. По сравнению с изображениями вождей в ранние революционные годы галерея портретов Сталина отличалась разнообразием, доведением идейного комплекса вождизма до логического конца.

Портрет Сталина, Б.Н. Карпов, 1945 г.

Изображения обогащали характеристики вождя партии наглядностью, эмоциональной стороной, эстетизацией. С точки зрения общественного сознания, это было важным и необходимым дополнением к идеологическим текстам. А учитывая низкую грамотность большинства народа, изображения вождя были если и не единственным, то главным средством донесения смысла идейного комплекса вождизма до населения страны.

Список литературы

1. Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. №3. С.106-124.
2. Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье litmir.me/br/?b=187789&p=2 Дата обращения 7.III.2020.
3. Валентинов Н. В. О Ленине. Нью-Йорк: Телекс, 1991 — 465 с.
4. Великий вождь и учитель // Большевик. 1939. № 23-24. С.1-11.

5. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994 – 287 с.
6. «Иосиф бесконечно добр...» Дневник Марии Анисимовны Сванидзе, родственницы И.В. Сталина (отдельные фрагменты за 1933-1937 гг.) // Источник. 1993. № 1. С.4-34.
7. Иосиф Виссарионович Сталин (краткая биография). М.: Госполитиздат, 1939 – 65 с.
8. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). Европейский ун-т в С.-Петербурге, С.-Петербургский Институт истории РАН. СПб.: НЛО, 2017 – 511 с.
9. Ленин В.И. Беседа с защитниками экономизма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.5. С. 360-367.
10. Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.4. С.371-377.
11. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.36 С. 165-208.
12. Ленин В.И. Что делать? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.6. С.1-193.
13. Малашкин С.И. Сочинения Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени. М.: Молодая гвардия, 1928 – 715 с.
14. Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства СССР 1930-х годов. М.: Галарт, 1995 – 218 с.
15. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. СПб.: НЛО, 2010 – 495 с.
16. Радек К.Б. Зодчий социалистического общества. Л.: Ленпартиздат, 1935 – 57 с.
17. Резник А.В. Лев Троцкий и проблема культа вождя в 1920-1927 гг. СПб.: НЛО, 2017 – 324 с.
18. Сталин И.В. О Ленине. Речь на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1924 г. / И.В. Сталин // Соч. Т.6. С.52-64.
19. Сталин И.В. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде советов 26 января 1924 г. / И.В. Сталин // Соч. Т.6. С.46-51.
20. Старцев В.И. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16. С.76-87.
21. Устинов Г. Ф. Трибун революции: Л.Д. Троцкий. М.: Партиздат, 1920 – 70 с.
22. Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Poster under Lenin and Stalin. California: University Press, 1997 – 363 p.

THE BOLSHEVISM IDEOLOGY AND LEADER IMAGE IN THE SOVIET ART

The article presents the evolution of the ideological complex of chiefdom in the ideology of the Bolshevik Party and the reflection of this idea in political posters, drawings, paintings dedicated to the leaders. The images were studied mainly by I.V. Stalin without connection with the evolution of the ideology of the Bolsheviks. The chronological framework of their works was limited to the years 1930-1950. The chronological framework of this study covers the period from 1917 to the early 1950s. The article examines the prerequisites for the emergence of the cult of the leader in the public consciousness after the February Revolution and in the ideology of the Bolshevik Party. In this ideology, the complex of leadership emerged gradually. At the beginning of his revolutionary activity, Lenin justified the need for leaders for the party. After coming to power in the country, Lenin characterized their role as dictators in the management of the economy. In the 1930s, Stalin came to the conclusion that in Russia the need for a leader lies in the traditional views of the Russian people. This idea was political realism and at the same time a departure from Lenin's class position. During his lifetime and soon after Lenin's death, artists presented his image in a friendly and humorous spirit. Later, his image in the visual arts is canonized, the cult of Lenin develops. Images of Stalin have undergone an even greater evolution. In the 1930s, the ideological complex of his cult was formed in literature and embodied in a number of works of fine art. The evolution of the image of the leader in the visual arts in the 1930s and 1940s followed the same path as the entire party-state ideology - from radical concepts and ideas to the revival of traditional ideas and images for Russia.

Keywords: V.I. Lenin, Joseph Stalin, revolution, leadership, poster, ideology, cult of personality, image, gesture, figure.

References

1. Antonov-Ovseenko A.V. Stalin i ego vremia // Voprosi istorii. 1989. №3. S.106-124.
2. Beria L.P. K voprosu ob istorii bolshevistskikh organizatsii v Zakavkazie litmir.me/br/?b=187789&p=2 Дата обращения 7.III.2020.
3. Valentinov N.V. O Lenine. N.Y.: Telex, 1991 – 465 s.
4. Velikii vozhd i uchitel // Bolshevik. 1939. № 23-24. 1-11 s.
5. Golomshtok I.N. Totalitarnoe iskusstvo. M.: Galart, 1994 - 287 s.
6. “Iosif beskonechno dobr...” Dnevnik Marii Anisimovni Svanidze, rodstvennici Stalina (otdelnie fragmenti za 1933-1937 gg.) // Istochnik. 1993. № 1. S.4-34.
7. Iosif Vissarionovich Stalin (kratkaia biografia). M.: Gospolitizdat, 1939 – 65 s.

8. Kolonitskii B.I. "Tovarishch Kerenskii": antimonarhicheskaia revolutsia i formirovanie kulta "vozhdia naroda" (mart-iun 1917 goda). Evropeiskii universitet v S.-Peterburge, S.-Peterburgskii Institut istorii RAN. SPb.: NLO, 2017 – 511s.
9. Lenin V.I. Beseda s zashchitnikami ekonomizma / V.I. Lenin // Poln. sobr.soch. T.5. S. 360-367.
10. Lenin V.I. Nasushchnie zadachi nashego dvizhenia / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T.4. S.371-377.
11. Lenin V.I. Ocherednie zadachi sovetskoj vlasti / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T.36 S. 165-208.
12. Lenin V.I. Chto delat? / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T.6. S.1-193.
13. Malashkin S.I. Sochinenia Evlampia Zavalishina o narodnom komissar i o nashem vremeni. M.: Molodaia gvardia, 1928 – 715 s.
14. Morozov A.I. Konets utopii. Iz istorii iskusstva SSSR 1930-h godov. M.: Galart, 1995 – 218 s.
15. Plamper Ia. Alhimia vlasti. Kult Stalina v izobrazitel'nom iskusstve. SPb.: NLO, 2010 – 495 s.
16. Radek K.B. Zodchii socialisticheskogo obshchestva. L.: Lenpartizdat, – 57 s.
17. Reznik A.V. Lev Trotski i problema kulta vozhdia v 1920-1927 gg. SPb.: NLO, 2017 – 324 s.
18. Stalin I.V. O Lenine. Rech na vechere kremliovskikh kursantov 28 ianvaria 1924 g. / I.V. Stalin // Soch. T.6. S.52-64.
19. Stalin I.V. Po povodu smerti Lenina. Rech na II Vsesouznom siezde sovetov 26 ianvaria 1924 g. / I.V. Stalin // Soch. T.6. S.46-51.
20. Startsev V.I. Kerenskii: Sharzh i lichnost // Dialog. 1990. № 16. S.76-87.
21. Ustinov G.F. Tribun revolutsii: L.D. Trotskii. M.: Partizdat, 1920 – 70 s.
22. Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Poster under Lenin and Stalin. California: University Press, 1997 – 363 p.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Карпухин Артур Андреевич — бакалавр образования, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: arthurkarpuhin@yandex.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovich — Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of Department of History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Karpuhin Artur Andreevich — bachelor of education, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: arthurkarpuhin@yandex.ru

УДК 94(47)

Зверев К.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственный университет (Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

В статье рассматривается вопрос о становлении и развитии политики памяти на постсоветском пространстве в 1990-е – 2010-е гг. Исторический дискурс анализируется и сравнивается в странах Балтии, Беларусь, Украине, Молдове и Грузии. По результатам проведённого исследования можно констатировать, что в целом ряде постсоветских государств, выбравших прозападный курс и, одновременно, конфронтацию с Российской Федерацией (страны Балтии, Украина, Молдова, Грузия) просматривается целый ряд сходных тезисов государственной исторической политики, которые можно представить в виде таких составляющих, как этноцентризм, апеллирование к правопреемственности по отношению к ранним государственным образованиям (в обход СССР), введение в оборот понятия «советская оккупация», кардинальная переоценка событий «Великой Отечественной войны» вплоть до отказа от самого данного термина в пользу понятия «Вторая мировая война» и институциональное оформление политики памяти в виде создания специализированных, политически ангажированных учреждений (в качестве Институтов национальной памяти) для аккумуляции, формулирования и популяризации основных тезисов политики памяти. При этом, по нашему мнению, Украиной, Молдавией, Грузией, белорусской оппозицией в середине 2000-х были заимствованы многие прибалтийские тезисы политики памяти, которые проявились в странах Балтии гораздо раньше, чем у южных соседей и реализовывались более последовательно ещё с начала 1990-х. Можем предположить, что наряду с восточноевропейским трендом политики памяти существует и его более узкий вариант, направленный на республики бывшего Советского Союза – прибалтийский, который и характеризуется обозначенными выше составляющими.

Ключевые слова: политика памяти, государственная историческая политика, страны Балтии, Беларусь, Украина, Молдова, Грузия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-40-50

С распадом СССР произошли коренные изменения в политической и социально-экономической ориентации бывших союзных республик, в одночасье ставших независимыми государствами. Одновременно возникла необходимость выработки новых трактовок как национальной истории в целом, так и недавнего (советского) прошлого в частности. Как результат – данные поиски оформились в виде исходящей от правящих верхов политики памяти (или государственной исторической политики). В данной статье под политикой памяти мы подразумеваем набор практик, применяемых отдельными политическими силами для утверждения определённых интерпретаций исторических событий как доминирующих [20, с. 6-23]. Понятие «государственная историческая политика» используется нами как синоним политики памяти. В представленном исследовании мы бы хотели обратиться к опыту развития государственной исторической линии стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) и сопоставить её с аналогичными устремлениями других бывших советских республик (на примере Белоруссии, Украины, Молдовы, Грузии).

Следует отметить, что три прибалтийские республики – Эстония, Латвия, Литва, в отличие от других субъектов СССР в межвоенный период имели опыт собственного государственного строительства и были инкорпорированы в состав Советского Союза лишь в 1940 г. Фактически же, из-за начавшейся Великой Отечественной войны, советизация этих территорий растянулась вплоть до конца 1940-х гг. Данные обстоятельства наложили свой отпечаток на формирование местной политики памяти, о которой речь пойдёт ниже.

В странах Балтии дискуссии об истории особенно активизировались в период перестройки в СССР и быстро переросли в движение за независимость. Общность социально-культурного и исторического развития региона, а также идентичные цели (стремление к выходу из состава Советского Союза, утверждение на мировой арене в качестве самостоятельных государств) обусловили схожесть основных параметров и этапов развития местной политики памяти. Так, к характерным чертам прибалтийской государственной исторической линии можно отнести апеллирование

к тезису о «советской оккупации», правовому континуитету (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализация национальных государств 1920-х — 1930-х гг. и интерпретация всего предшествовавшего периода развития как борьба за свободу и независимость от иностранных угнетателей (последний тезис характерен в большей степени для Эстонии и Латвии, в меньшей степени для Литвы, имевшей опыт собственного развития в лице Великого княжества Литовского).

Проявление общей исторической линии эстонского, латвийского и литовского истеблишмента обозначилось ещё в период «Поющей революции» — а именно, на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюдис Литвы), которая проходила в Таллине 13–14 мая 1989 г. [1] Помимо прочего, на конференции обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения Прибалтийских республик в состав СССР в 1940 г. В этой части мероприятия деятельное участие принял учёный-юрист, советолог из ФРГ Дитрих Лёбер — один из руководителей «Института права, политики и общества социалистических государств», а также, наряду с Борисом Мейснером, участник Гёттингенской рабочей группы учёных, занимавшейся изучением истории и культуры немцев Восточной Европы, а также обоснованием непризнания восточной границы Германии по Одеру — Нейсе правительством ФРГ [23]. Дитрих Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа [32, с. 104–105], доказывая тем самым факт «незаконности» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, т.е. обосновывая правильность исторической «концепции оккупации стран Балтии», в разработке которой он принимал участие, вместе с Борисом Мейснером, ещё с 1950-х гг. [31]

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменовании 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему) — 23 августа 1989 г. Народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь»,

которая была призвана привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников континуитета и популяризации тезиса о необходимости «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик. На это указывают хотя бы результаты выборов в Верховные Советы Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, где уверенную победу одержали представители Народных фронтов, позже выступившие за «восстановление» довоенной государственности [4, с. 310–311].

Кроме того, всё большую роль в политических движениях стран Балтии стали играть националисты и эмигрантские круги [5], которые и были особенно заинтересованы в «восстановлении» довоенной государственности. Ведь «концепция оккупации стран Балтии» и вытекавшая из неё идея непрерывности существования Эстонской, Латвийской и Литовской республик позволяла претендовать на утраченные в результате национализации активы и собственность. Свою роль здесь сыграла и Декларация Уэллеса [33; 29], принятая Вашингтоном 23 июля 1940 г. и давшая начало политике непризнания вхождения Прибалтийских республик в состав СССР (декларация сохраняла действие вплоть до выхода Эстонии, Латвии, Литвы из состава Советского Союза в 1991 г.)

Фактически, мы можем констатировать, что уже на этапе 1989 г. «концепция оккупации стран Балтии», выработанная Гёттингенской рабочей группой, становится «краеугольным камнем» борьбы прибалтийских народных фронтов за независимость от СССР, а также обоснованием принципов реституции в законодательном и институциональном оформлении республик.

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Прибалтийских республиках и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса в том числе и посредством выпуска тенденциозной научной литера-

туры [10, с. 79–81]. Если концепция оккупации нашла своё развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» с 1940–1991 гг. — в подавляющем большинстве — русскоязычным) [9, с. 202–215; 12, с. 70–77]. Литва же, в силу более моноэтнического характера, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно) отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому [14, с. 03–13].

Литва, имевшая традиционно тесные связи с соседней Польшей и другими Восточноевропейскими странами, первой в Прибалтике создала координирующее и направляющее учреждение по конструированию политики памяти — своего рода «институт национальной памяти» под названием «Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы» [25], основанный ещё в 1992 г. В Эстонии подобное ведомство возникло в 1998 г. в виде Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (IKUERK, также известная как комиссия Макса Якобсона), с 2008 г. — преобразована в Эстонский институт исторической памяти [26]. И лишь в Латвии, вплоть до настоящего времени, по разным причинам не было создано собственного института национальной памяти, хотя неоднократные призывы к организации данного учреждения на базе Комиссии по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР звучат всё чаще на самом высоком уровне [8, с. 163–177]. Тем не менее, в Риге координирующую и направляющую роль в исполнении национальной политики памяти взял на себя Музей оккупации и Ассоциация Музея оккупации Латвии.

Таким образом, странам Балтии удалось достаточно быстро сформулировать внятную и преемственную политику памяти, став в данном отношении своеобразными «первопроходцами» на постсоветском пространстве, а в последующем и

«экспортёрами» целого ряда тезисов в другие республики бывшего СССР.

Вместе с тем, следует отметить, что повсеместно на постсоветском пространстве возобладал тренд на строительство национальных государств, а значит стала очевидна необходимость замены советского варианта истории национальной. В этой связи мы бы хотели подробнее рассмотреть данный процесс в Белоруссии, Украине, Молдавии и Грузии в сопоставлении с взаимовлияниями со стороны Прибалтийских республик. Выбор данных государств объясняется достаточно активными контактами с Эстонией, Латвией, Литвой, антисоветским / антироссийским уклоном внешней и внутривнутриполитической риторики (за исключением Белоруссии), а также существованием целого ряда сходных черт исторического развития (о которых речь пойдёт ниже).

Начать хотелось бы с Республики Беларусь в силу её территориальной близости к странам Балтии и весьма активными (до недавнего времени) контактами с Литвой. Так, официальный Вильнюс, используя приграничное сотрудничество, максимальную лояльность в выдаче шенгенских виз гражданам Беларуси (в том числе учебных), стремится оказывать непосредственное влияние на внутривнутриполитическую жизнь Минска, подчёркивая историко-культурную общность времён Великого княжества Литовского (ВКЛ). Так, литовским истеблишментом посредством образовательных программ, научных конференций и грантов культивируется миф литвинизма, согласно которому, нынешние белорусы — прямые потомки литвинов ВКЛ, поэтому необходимо искать то, что объединяет белорусов и литовцев, то есть общую традиционную культуру и историческое прошлое. Этому способствуют и традиционные пролитовские симпатии оппозиционно настроенной белорусской интеллигенции, которая использует в своей деятельности, в том числе символы Великого княжества Литовского (герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг) [24, с. 443–465]. В качестве примера можно привести и события августа 2020 г. в Беларуси, когда один из оппозиционных кандидатов после президентских выборов эмигрировал в Литву и продолжил призывы к смене власти в Республики Беларусь. Однако, безусловно, политика памяти официального

Минска намного сложнее и не является производной литовского варианта. Так, следует отметить, что попытки создания самостоятельного белорусского исторического нарратива относятся к периоду перестройки, когда истоки белорусской государственности возводились к эпохе Полоцкого княжества. Великое Княжество Литовское в первых националистических исторических работах начала 1990-х также соответствовало мифу о «золотом веке» для белорусского народа [19, с. 88-99]. В первые годы независимости прослеживались и попытки проведения параллелей по исторической правопреемственности между современной Республикой Беларусь и Белорусской народной Республикой (БНР), провозглашённой в марте 1918 г. [2] (была даже заимствована её государственная символика как официальная). Однако, с приходом к власти Александра Лукашенко произошло возвращение к советскому историческому нарративу в сплаве с белорусской спецификой, в которой определяющее место заняла память о Великой Отечественной войне (как и в Российской Федерации). Так, важнейшие государственные праздники в Республике Беларусь — День Независимости и День Победы — непосредственно связаны с триумфальными моментами периода Великой Отечественной войны. Вместе с тем, можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика, чья победа в войне была оплачена трагической ценой (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о каждом четвертом белорусе, погибшем во время войны). Во-вторых, подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый «партизанский миф». Постепенно уходит в тень «советский народ как победитель фашизма», и это почётное место занимает белорусский народ [19, с. 88-99]. При этом следует отметить, что и усилия соседней Литвы по конструированию общего исторического контекста в лице Великого княжества Литовского не остались незамеченными. По данным всех социологических

исследований молодое поколение белорусов более критично относится к советскому прошлому и более позитивно к ВКЛ, нежели респонденты старшего возраста [там же 19, с. 88-99].

Однако, наиболее радикальные преобразования, без сомнения, претерпела украинская политика памяти, которая за последние 15 лет значительно приблизилась, по нашему мнению, к прибалтийскому варианту исторического дискурса. Изначально, в начале 1990-х официальный Киев, как и другие постсоветские государства, ощутил необходимость создания национальной истории взамен переставшего быть актуальным советского варианта, и взял курс на украинизацию прошлого. В частности, была издана научная, учебная литература и создан учебный курс истории, рассматривавший Киевскую Русь как исключительно украинскую историю, а Запорожскую Сечь как прототип национальной государственности, другими словами, произошла «национализация» исторического нарратива [15, с. 217-255]. Но, попытки выработки общей исторической линии как объединяющего фактора для всего украинского народа не увенчались успехом ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. [7, с. 182-199]. Причину здесь следует искать в языковой и ментальной разобщённости украинцев (по линии Запад / Восток), для которых наиболее болезненной разграничительной линией стало отношение к советскому периоду истории в целом, и Великой Отечественной войне в частности. Если до «Оранжевой революции» 2004 г. официальный Киев стремился лавировать между «националистически» настроенным Западом Украины и «пророссийским» Востоком страны в оценках событий XX века, то в период президентства В. Ющенко был взят крайне националистический курс по выстраиванию концепций о «преступности» советского тоталитарного режима (Голодомор, репрессии как «геноцид украинского народа») и героизация УПА (Украинской повстанческой армии), якобы боровшейся за независимость Украины. При этом преступления УПА и их связи с нацистами откровенно замалчиваются [там же 7, с. 182-199]. Переписывание истории, часто сводящееся к прямой фальсификации, стало обыденным явлением и основой государственной исторической политики по-

сле создания в 2006 г. Украинского института национальной памяти (по аналогии с Польшей, Литвой). Одним из первых «проектов» данной организации стал не выдерживающий никакой критики тезис о массовом голоде 1932–1933 гг. как о «Голодоморе» — «акте геноцида украинского народа, инспирированного властями Советского Союза» (данное определение зафиксировано в специальном законе Верховной Рады от 2006 г.) [21, с. 10]. О миллионах жертв голода в РСФСР, Казахской ССР официальным Киевом не говорится ни слова. Упомянутая тенденция по ревизии прошлого (характерная в 1990-х для Западной Украины) активизировалась с новой силой после Евромайдана 2014 г. и по нашему мнению стала особенно походить на прибалтийский вариант политики памяти. Другими словами, жителям всей Украины с 2014 г. стал активно навязываться западноукраинский радикально националистический взгляд на отечественную историю. Так, следует выделить следующие его черты, характерные для современного украинского исторического и общественного дискурса:

- Этноцентризм
- Тезис о правопреемственности: современная Украина является правопреемницей Украинской Народной Республики (УНР) 1918–1920 гг. с заимствованием символики УНР;
- Тезис о «советской оккупации» и декоммунизация: возрождение украинской государственности в лице УНР было пресечено Красной Армией, как и попытка её реставрации со стороны УПА в 1944–1945 гг. [28]. Запрет коммунистической символики;
- Героизация нацизма: местные коллаборационисты воспринимаются как патриоты и борцы за свободу от советского тоталитаризма;
- Отказ от понятия «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война»: отказ от

факта освобождения Украины Красной Армией в пользу «смены немецкой оккупации — советской» (ярко выраженный тезис польской, прибалтийской историографии) [8, с. 163–177; 9, с. 202–215];

- Религиозный контекст: отказ юрисдикции над Украинской Православной Церковью Московскому Патриархату в пользу Константинопольского под лозунгом «независимому государству — независимая церковь» [подробнее см.: 11, с. 227–235; 13, с. 93–98];
- Институционализация украинской государственной исторической политики посредством создания в 2006 г. Украинского института национальной памяти (По аналогии с Польшей, Литвой, Эстонией).

В Молдавии конструирование национальной памяти пошло несколько иным путём, нежели в соседней Украине и других постсоветских государствах. С распадом СССР и провозглашением независимости в 1991 г., молдавские академические круги восприняли румынский вариант исторической политики, согласно которому Молдавия — исконная территория Румынии, а молдавского народа как такового не существует — это составная часть румынского этноса (сторонники данных тезисов получили наименование «румынисты»¹). Однако, местный политический истеблишмент, вышедший из советской номенклатуры, наоборот стремился к легитимизации собственной власти и укреплению национальной молдавской государственности, отмежёвываясь от румынского нарратива в пользу обоснования самодостаточности молдавского этноса [18, с. 256–291] (сторонники — «молдовенисты»²). Кроме того, официальный Кишинёв, претворяя в жизнь ярко выраженный националистический курс во внутренней политике столкнулся в начале 1990-х с вооружённым конфликтом в Приднестровье и вынужден был лавировать во взаимоотношениях с Москвой. Всё это породило противоречивость

¹ «Румынистами» производится прямое заимствование тезисов румынской историографии по вопросам исторического развития (в русле националистического, антисоветского дискурса) и полное отождествление молдаван с румынским этносом (превалируют в академической среде и интеллигенции).

² «Молдовенисты» выступают за конструирование молдавской национальной истории, в которой основополагающее внимание уделяется событиям XX в. В частности, в традиционном ключе трактуются события Великой Отечественной войны, положительная оценка даётся периоду существования Молдавской ССР, критика румынизации 1920-х — 1930-х гг. и др. Отстаивают позицию, согласно которой в силу исторических причин молдаване обладают собственной этнической и национальной идентичностью, отличающей их от румын.

молдавского исторического дискурса и отсутствие общественного консенсуса по основополагающим вопросам исторического развития. Вместе с тем, румынский нарратив оставался доминирующим в академической среде, в 1990-х — 2000-х было выпущено значительное количество научных и учебных трудов прорумынской ориентации, а в общеобразовательных школах преподавался особый предмет — «История румын» [6, с. 204-230]. Приход к власти в начале 2000-х молдавских коммунистов на короткое время изменил прорумынский дрейф местной политики памяти в сторону её более умеренного варианта (в лице «молдовенистов»). Однако, политический кризис 2009 г. и победа прозападной оппозиции вновь усилила позиции «румынистов», в стране возобладали восточноевропейские тренды политики памяти в виде декоммунизации, тезисов о «советской оккупации» и др. Так, уже в 2009 г. по аналогии с Румынией, Латвией и другими восточноевропейскими государствами официальный Кишинёв создал «Комиссию по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Республике Молдова», 28 июня с 2010 г. был объявлен «Днём советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима»¹. В 2012 г. принят закон о декоммунизации, запрещающий использование коммунистической символики. Таким образом, в современной Молдове, как и странах Балтии, период вхождения в состав СССР интерпретируется как период «советской оккупации». Однако, в отличие от Прибалтийских республик, Украины и большинства стран Восточной Европы в молдавском историческом дискурсе продолжается ожесточённая борьба между «румынистами» и «молдовенистами», исход которой напрямую зависит от политической конъюнктуры и электоральных циклов. Данный «дуализм» в оценочных суждениях как в исторических, так и политических кругах касается всего исторического дискурса, в особенности — событий XX столетия. Кардинальные различия касаются оценки обстоятельств инкорпорации в состав СССР — от тезисов о «советской оккупации» со стороны «руменистов» до освобождения и добровольного присоединения со стороны «молдовенистов».

Оценка Второй мировой также разнится до противоположности — от смены «немецкой оккупации советской» до освободительного характера Великой Отечественной войны для молдавского народа [22].

Грузинская политика памяти также имеет целый ряд схожих черт с рассмотренными выше постсоветскими государствами. Обретение независимости здесь, как и в случае с Молдавией, обернулось внутренним конфликтом, фактической гражданской войной и потерей контроля над территориями Абхазии и Южной Осетии. В целом, по нашему мнению, развитие грузинской исторической политики можно разделить два этапа: 1-й характеризуется становлением национального исторического дискурса как такового и охватывает период 1990-х — начало 2000-х; 2-й этап начинается после Революции роз 2003 г. и характерен переходом к восточноевропейским / прибалтийским трендам. Первый этап представляет собой появление запроса на написание «национальной» истории грузин и обоснование их притязаний на «потерянные» территории Абхазии, Южной Осетии. Однако, политики памяти как таковой в этот период ещё не оформляется — фактическая гражданская война 1991–1993 гг., череда политических и экономических кризисов обусловили слабое внимание грузинского общества в первое десятилетие независимости к историческому дискурсу, который остался в этот период прерогативой академической среды [17, с. 374-395]. Тем не менее, именно в 1990-е возникло значительное количество научных и учебных трудов, рассматривающих развитие Грузии в националистическом духе и даже с позиций этноцентризма [16].

С приходом к власти оппозиции во главе с Михаилом Саакашвили в грузинском историческом дискурсе обозначились существенные изменения. Так, произошла радикальная переоценка событий XX столетия, в особенности советского периода развития, который стал именоваться (по аналогии с историографией стран Балтии) «советской оккупацией», начавшейся с советизации Грузинской Демократической Республики (ГДР), существовавшей в 1918–1921 гг. При этом всячески стала подчёркиваться древность грузинской государственности и апеллирование к ней — в

¹ 28 июня 1940 г. по требованию Советского Союза Румыния вывела свои войска и администрацию из Бессарабии, а регион отошел к СССР.

частности, одним из первых актов новых властей Грузии стала замена флага ГДР, на новый стяг с изображением пяти красных крестов на белом фоне, который приписывался средневековым правителям Грузии — царю Давиду и царице Тамаре [3]. Окончательное размежевание с Россией произошло после Югоосетинского конфликта 2008 г., одним из последствий которого стало принятие в мае 2011 г. Хартии свободы с её тремя главными постулатами: укрепление национальной безопасности, запрещение советской и фашистской идеологий с полным уничтожением любых символов ассоциирующихся с ними [27]. Другими словами, грузинский истеблишмент по примеру стран Балтии, Украины, Молдовы и др. поставил знак равенства между фашизмом и коммунизмом. 25 февраля с 2011 г. стал отмечаться как «День советской оккупации»¹. Ещё раньше, с 2006 г. в Тбилиси функционирует Музей советской оккупации, который в Грузии играет координирующую роль в местной политике памяти, аналогичную польскому, украинскому, литовскому, эстонскому Институтам национальной памяти [17, с. 374–395].

Таким образом, анализируя политику памяти на постсоветском пространстве, можно констатировать, что целом ряде государств, выбравших прозападный курс и, одновременно, конфронтацию с Российской Федерацией (страны Балтии, Украина, Молдова, Грузия) просматривается целый ряд сходных тезисов государственной исторической политики, которые можно представить в виде следующих составляющих:

- Этноцентризм или национализация истории (имеет место в той или иной степени во всех постсоветских государствах) — вполне закономерный процесс, связанный с заменой советского исторического нарратива национальным;
- Тезис о преемственности современных Республик к досоветской государственности: связан со стремлением отмежеваться от советского прошлого и закрепить в общественном сознании самодостаточность и легитимность собственной государственности (в той или иной степени

прослеживается во всех рассматриваемых государствах);

- Тезис о «советской оккупации» и декоммунизация: изначально наиболее последовательно оформился в странах Балтии, после «цветных революций» переключался в Украину, Молдову, Грузию;
- Переоценка событий «Великой Отечественной войны»: изначально являясь скрепляющим звеном и наименее идеологизированной составляющей коллективной памяти для всего советского народа испытала на себе основной удар националистических сил (в Прибалтике, Украине, Молдове, Грузии произошёл отказ от понятия «Великая Отечественная война» пользу понятия «Вторая мировая война»; отказ от освободительного характера действий Красной Армии в пользу «оккупации» и т.д.)
- Институционализация политики памяти: создание специализированных, политически ангажированных учреждений (часто номинально не государственных) для аккумуляции, формулирования и популяризации основных тезисов политики памяти.

Обозначенные составляющие политики памяти отсутствуют разве что в Республике Беларусь, но оппозиционно настроенные элиты, находясь под влиянием извне, безусловно тяготеют к перечисленным выше тезисам. При этом, наиболее агрессивный вариант государственной исторической линии в Прибалтике, Украине, Молдове и Грузии (антисоветский, часто русофобский её вариант) стал реализовываться вовсе не на заре независимости, а лишь со второй половины 2000-х — что совпадает с началом конфронтации коллективного запада и России, и говорит об определяющем влиянии внешнеполитического фактора на конструирование политики памяти обозначенных государств. При этом, по нашему мнению, Украиной, Молдавией, Грузией, белорусской оппозицией в середине 2000-х были заимствованы многие прибалтийские тезисы политики памяти, которые проявились в официальных Таллине, Риге, Вильнюсе гораздо раньше, чем у юж-

¹ 25 февраля 1921 г. Красная Армия вошла в Тбилиси, Грузинская Демократическая Республика была ликвидирована, а её территория в виде Грузинской ССР вошла в состав Советского Союза.

ных соседей и реализовывались более последовательно ещё с начала 1990-х. Можем предположить, что наряду с восточноевропейским трендом политики памяти существует и его

более узкий вариант, направленный на республики бывшего советского союза — прибалтийский, который и характеризуется обозначенными выше составляющими.

Список литературы

1. Балтийская ассамблея: Сборник докладов, Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.
2. Белый А. Что делать с БНР в современной Беларуси? // Евразия. Эксперт URL: <https://eurasia.expert/cto-delat-s-bnr-v-sovremennoy-belarusi/> (дата обращения: 08.12.2021).
3. Бочоришвили К. Грузия поменяла государственный флаг // BBC Russian URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3399000/3399707.stm (дата обращения: 15.12.2021).
4. Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: Ой Неа Лугу, 2012. 392 с.
5. Вербин В. 20 лет Конгрессу Эстонии, или Темная сторона Луны // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения 15.07.2021)
6. Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. 2018. № 3. С. 204–230.
7. Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки // История и современность. 2013. № 2. С. 182–199.
8. Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. N 1 (58). С. 163–177.
9. Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. N 1 (64). С. 202–215.
10. Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. N 1. Т. 25. С. 79–81.
11. Зверев К.А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. N 4 (28). С. 227–235.
12. Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. 2020. N 4. Т. 26. С. 70–77.
13. Зверев К.А. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / отв. ред. А.А. Корников. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 93–98.
14. Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. N 3. С. 03–13.
15. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 217–255.
16. Киградзе Т. Грузия: как пишут учебники истории (2013). URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia (дата обращения: 15.12.2021).
17. Кирчанов М.В. «Политика прошлого» в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 374–395.
18. Кушко А. «Политика памяти» и «историческая политика» в постсоветской Молдове // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 256–291.
19. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной Перспективой // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 4. С. 88–99.
20. Миллер А.И. Россия: Власть и общество // Pro et Contra. 2009. N 3–4 (46) май–

август. С. 6–23.

21. Найем М., Строкань С. Виктор Ющенко настоял на геноциде. Верховная рада приняла закон о голодоморе // Коммерсантъ №223 от 29.11.2006. С. 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/725676> (дата обращения: 18.12.2021).

22. Офицеров-Бельский Д. «Войны памяти»: Румыния навязывает Молдове альтернативную историю Второй мировой // Евразия Эксперт URL: <https://eurasia.expert/kak-rumyniya-navyazyvaet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroy-mirovoy/> (дата обращения: 14.12.2021).

23. Официальный сайт Гёттингенской рабочей группы URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (дата обращения 14.07.2020)

24. Петровская О.В. Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь // Прибалтийские исследования в России. 2015 / Сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. С. 443–465.

25. Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения 05.07.2021).

26. Сайт Эстонского Института Исторической Памяти URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения 05.07.2021).

27. Хартия свободы // Законодательный Вестник Грузии URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1381526?publication=16> (дата обращения: 15.12.2021).

28. Шаповал Ю. Украинская вторая мировая // Зеркало недели. Украина 15. 2005. 22 апреля – 6 мая.

29. Ээсма: 80 лет спустя нам все еще нужна декларация Уэллеса // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения 23.07.2020).

30. Bluzma Valdis, Jundzis Talavs, Sharp Gene, Strods Heinris Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. 672 p.

31. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica. Tallinn: Bhiselu, 1995. 319 p.

32. Graf M. Imperiumi lopp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo. 2012. 456 p.

33. Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles (Заявление исполняющего обязанности государственного секретаря, почтенного Самнера Уэллеса) // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения 23.07.2021)

CONSTRUCTION OF MEMORY POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE: GENERAL APPROACHES

The article examines the issue of the formation and development of the politics of memory in the post-Soviet space in the 1990s - 2010s. Historical discourse is analyzed and compared in the Baltic countries, Belarus, Ukraine, Moldova and Georgia. According to the results of the study, it can be stated that in a number of post-Soviet states that have chosen a pro-Western course and, at the same time, confrontation with the Russian Federation (the Baltic countries, Ukraine, Moldova, Georgia), there is a number of similar theses of state historical policy that can be presented in the form of such components as ethnocentrism, an appeal to succession in relation to early state formations (bypassing the USSR), the introduction of the concept of «Soviet occupation» into circulation, a cardinal revision of the events of the «Great Patriotic War» up to this term in favor of the concept of «World War II» and the institutionalization of the memory policy in the form of the creation of specialized, politically engaged institutions (as Institutes of national memory) for the accumulation, formulation and popularization of the main theses of the memory policy. At the same time, in our opinion, Ukraine, Moldova, Georgia, the Belarusian opposition in the mid-2000s borrowed many Baltic theses of the memory policy, which appeared in the Baltic countries much earlier than from their southern neighbors and were implemented more consistently. since the early 1990s. We can assume that along with the Eastern European trend of memory politics, there is also a narrower version of it aimed at the republics of the former Soviet Union – the Baltic, which is characterized by the components indicated above.

Keywords: politics of memory, state historical politics, the Baltic states, Belarus, Ukraine, Moldova, Georgia

References

1. Baltijskaja assambleja: Sbornik dokladov [Baltic Assembly: Collection of reports], (1989). Tallinn, 13–14 maja 1989 g. *Narodnyj front Estonii*. Tallinn: Valgus, 15 s. (in Russian)
2. Belyj, A. *Chto delat' s BNR v sovremennoj Belarusi?* [What to do with BNR in modern Belarus?], *Evrasiya. Ekspert*, available at: <https://eurasia.expert/chto-delat-s-bnr-v-sovremennoy->

belarusi/ (accessed: 08.12.2021). (in Russian)

3. Bochorishvili, K. *Gruziya pomenyala gosudarstvennyj flag*. [Georgia has changed the state flag]. *BBC Russian*, available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3399000/3399707.stm (accessed: 15.12.2021). (in Russian)

4. Vahter, T. (2012) *Estoniya: zharkoe leto 91-go Avgustovskij putch i vozrodenie nezavisimosti*. [Estonia: the hot summer of 1991 The August putsch and the revival of independence]. Tallinn: Ob Hea Lugu, Estonia, 392 p. (in Russian)

5. Verbin V. *20 let Kongressu Estonii, ili Temnaya storona Luny*. [20 years of the Estonian Congress, or the Dark Side of the Moon], rus.DELFI.ee available at: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (accessed: 15.07.2021) (in Russian)

6. Voronovich, A.A. (2018). Rol' evropejskoj politiki pamyati v gosudarstvennoj istoricheskoy politike Moldovy i Ukrainy v 2000-h godah. [The role of the European policy of memory in the state historical policy of Moldova and Ukraine in the 2000s.]. *Politicheskaya nauka*. № 3. pp. 204–230. (in Russian)

7. Grebennik, G.P. (2013). Politika pamyati v Ukraine: kriticheskie zametki. [Memory politics in Ukraine: critical notes], *Istoriya i sovremennost'*. № 2. pp. 182–199. (in Russian)

8. Zverev, K.A. (2020). Gosudarstvennaya istoricheskaya politika v sovremennoj Latvii. [State Historical Policy in Contemporary Latvia], *Problemy nacional'noj strategii*. N 1 (58). pp. 163–177. (in Russian)

9. Zverev, K.A. (2021). Istoricheskaya politika Estonskoj Respubliki v kontekste nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Historical policy of the Republic of Estonia in the context of nation-building], *Problemy nacional'noj strategii*. N 1 (64). pp. 202–215. (in Russian)

10. Zverev, K.A. (2019). Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoy bor'be Pribaltijskih respublik v 1990-e – 2000-e gg. [History as a propaganda tool in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s - 2000s.], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. N 1. T. 25. pp. 79–81. (in Russian)

11. Zverev, K.A. (2020). Pravoslavnaya cerkov' v nezavisimyh Pribaltijskih respublikah. [Orthodox Church in the independent Baltic republics], *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. N 4 (28). pp. 227–235. (in Russian)

12. Zverev, K.A. (2020). Russkoyazychnoe naselenie Latvii v novejsij period: vzaimosvyaz' statusa s mestnoj politikoj pamyati. [The Russian-speaking population of Latvia in the recent period: the relationship of status with the local politics of memory], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. N 4. T. 26. pp. 70–77. (in Russian)

13. Zverev, K.A. (2019). Sopernichestvo Moskovskogo i Konstantinopol'skogo patriarhata na territorii byvshej Rossijskoj imperii. [Rivalry between the Moscow and Constantinople Patriarchates on the territory of the former Russian Empire], *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ivanovo, 3–4 aprelya 2019 g.* [State, society, church in the history of Russia XX–XXI centuries: Materials of the XVIII International scientific conference. Ivanovo, 3–4 April 2019] / otv. red. A.A. Kornikov. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, pp. 93–98. (in Russian)

14. Zverev, K.A. (2020). Formirovanie oficial'noj istoricheskoy paradigmy nezavisimoj Litvy. [Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania]. *Vseobshchaya istoriya*. N 3. pp. 03–13. (in Russian)

15. Kas'yanov, G. (2012). «Nacionalizaciya» istorii v Ukraine ["Nationalization" of history in Ukraine], *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej* [Historical politics in the XXI century: Collection of articles] pod red. A. Millera, M. Lipmana. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, Russia, pp. 217–255. (in Russian).

16. Kigradze, T. *Gruziya: kak pishut uchebniki istorii* [Georgia: how history textbooks are written], *BBC* available at: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia (accessed: 15.12.2021). (in Russian)

17. Kirchanov, M.V. (2016). «Politika proshlogo» v sovremennoj Gruzii, ili kak SMI i publichnye politiki formiruyut kollektivnye predstavleniya o proshlom. ["Politics of the Past" in Modern Georgia, or How the Media and Public Politicians Form Collective Views of the Past], *Dialog so vremenem*. 2016. № 56. pp. 374–395. (in Russian)

18. Kushko, A. (2012). «Politika pamyati» i «istoricheskaya politika» v postsovetsoj Moldove. ["Politics of Memory" and "Historical Politics" in Post-Soviet Moldova], *Istoricheskaya politika v*

- XXI veke: Sbornik statej* [Historical politics in the XXI century: Collection of articles], pod red. A. Millera, M. Lipmana. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, Russia, pp. 256–291. (in Russian)
19. Lastovskij, A. (2009). Specifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdru sovetskim proshlym i nacional'noj Perspektivoj. [Specificity of Historical Memory in Belarus: Between the Soviet Past and the National Perspective], *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, № 4. pp. 88–99. (in Russian)
20. Miller, A.I. (2009). Rossiya: Vlast' i obshchestvo. [Russia: Power and Society], *Pro et Contra*, N 3–4 (46) May – August. pp. 6–23. (in Russian)
21. Najem, M., Strokan' S. (2006). Viktor Yushchenko nastoyal na genocide. Verhovnaya rada prinyala zakon o golodomore. [Viktor Yushchenko insisted on genocide. The Verkhovna Rada adopted a law on Holodomor], *Kommersant* №223 ot 29.11.2006. p. 10. available at: <https://www.kommersant.ru/doc/725676> (accessed: 18.12.2021). (in Russian)
22. Oficerov-Bel'skij, D. «Vojny pamyati»: Rumyniya navyazyvaet Moldove al'ternativnuyu istoriyu Vtoroj mirovoj. ["Memory Wars": Romania imposes an alternative history of World War II on Moldova], *Evraziya Ekspert*, available at: <https://eurasia.expert/kak-rumyniya-navyazyvaet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroy-mirovoj/> (accessed: 14.12.2021). (in Russian)
23. Official website of the Guttingen Working Group URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (Accessed 14.07.2020)
24. Petrovskaya, O.V. (2015). Litovskij faktor v formirovanii nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti naseleniya Respubliki Belarus'. [The Lithuanian factor in the formation of the national-state identity of the population of the Republic of Belarus], *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*. / Sost. M. A. Vil'kov, V. V. Simindej. Moscow: Izdatel'skij centr fonda «Istoricheskaya pamyat'», Russia, pp. 443–465. (in Russian)
25. Website of the Lithuanian Genocide Research and Resistance Research Center URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (accessed 07/05/2021).
26. Website of the Estonian Institute of Historical Memory URL: <http://mnemosyne.ee/> (accessed 05.07.2021).
27. Freedom Charter // Legislative Bulletin of Georgia URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1381526?publication=16> (date of access: 12/15/2021).
28. Shapoval, Y. (2005). Ukrainskaya vtoraya mirovaya. ["Ukrainian World War II"], *Zerkalo nedeli. Ukraina* 15. 22 aprelya – 6 maya. (in Russian)
29. *Eesma: 80 let spustya nam vse eshche nuzhna deklaraciya Uellesa* [Esma: 80 years later, we still need the Welles declaration], *rus.DELFI.ee* available at: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-eshe-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (accessed: 23.07.2020).
30. Bluzma V., Jundzis T., Sharp G., Strods H. (2009). *Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991*. Riga: Latvian Academy of Sciences, Latvia, 672 p.
31. Meissner B., Loeber D.A. (1995). *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und vulkerrechtlichen Wandel: Beitrge 1954–1994* [The Baltic states in global political and international law change: Contributions 1954–1994] Hamburg: Bibliotheca Baltica. Tallinn: bhiselu, Estonia, 319 p.
32. Graf, M. (2012). *Imperiumi lxxp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991* [The end of the empire and the re-independence of Estonia in 1988–1991.], Tallinn: Argo. Estonia, 456 p.
33. Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (accessed: 23.07.2021)

Об авторе

Зверев Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Истории Костромского государственного университета (Россия). E-mail: zwerew.kir@yandex.ru

Zverev Kirill Aleksandrovich — PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University (Russia). E-mail: zwerew.kir@yandex.ru

Колобов О.А., профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия);

Хохлышева О.О., профессор, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия);

Шамин И.В., доцент, доктор политических наук, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия);

Рыжов И.В., доктор исторических наук, профессор, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия);

Гадалин Д.Ю., магистрант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия).¹

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В статье анализируются предпосылки формирования палестинского вопроса в политике «великих держав» периода, предвещающего Первую мировую войну. Анализируются действия «великих держав» в отношении Османской империи в период Первой мировой войны в практике решения палестинского вопроса. Авторами сделан акцент в исследовании на подготовку и практику реализации политики Российской Империи в отношении решения палестинского вопроса в контексте мировой политики соответствующего периода времени. Авторами оцениваются результаты, согласно данным, отражённым в исторических источниках об урегулировании палестинского вопроса и последствия, сказавшиеся на последующем развитии событий на территории Палестины. В статье анализируется содержание письма русского посла в Константинополе Чарыкова Н.В. временно управляющему министерством иностранных дел Нератову А.А. 23 (10) мая 1911 года, процесс подготовки и заключение соглашения Сайкс – Пико, политико-дипломатическая борьба за статус Палестины после его заключения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Палестина, Палестинский вопрос, Ближний Восток, Османская Империя, дипломатия и внешняя политика «великих держав» на Ближнем Востоке, соглашение Сайкс – Пико 1916 г.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-51-61

«Тройственное согласие не распространяется на Ближний Восток»
С.Д. Сазонов

Введение. Исследование ближневосточного и палестинского вопроса в политике «великих держав» в исторической ретроспективе сохраняет свою актуальность. Одним из аспектов, заслуживающих специального рассмотрения, является практика урегулирования палестинской проблемы в контексте внешней политики и дипломатии «великих держав». Одним из наиболее важных периодов исследования проблематики связан с хронологическими рамками, предвещающими начало Первой мировой войны или Великой войны 1914–1918 гг., связанной, в свою очередь, с последующими событиями трансформации Российской Империи, что сказалось на процессе формирования современной политической карты современного Ближнего Востока. События Первой мировой войны и её итоги, а также российская политика в

контексте и условиях смены общественного-политического строя привели к появлению новых методов дипломатии и изменению характера внешней политики, постепенно приобретшей открытые черты, что ранее было не свойственно существовавшим методам и устоявшимся формам внешней политики и дипломатии. Одним из примеров столкновения внешнеполитических противоречий «великих держав», сохраняющий актуальность для рассмотрения и исследования, является практика палестинского урегулирования. Вкратце, проблематика исследования обычно описывается авторами как распад Османской империи, проблема Константинополя, начало новой колонизации и процесс нового освоения Палестины, вовлечение в «Палестинский вопрос» Соединенных

© Колобов О.А., Хохлышева О.О., Шамин И.В., Рыжов И.В., Гадалин Д.Ю.

© Kolobov O.A., Khoklysheva O.O., Shamin I.V., Ryzhov I.V., Gadalin D.Y.

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России научного проекта FSWR-2022-0001 в рамках государственного задания «Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России».

Штатов Америки. Одним из наиболее важных вопросов является сохранение роли России и фактор её присутствия в регионе и практика реализации внешней политики посредством российской дипломатии в регионе. Предпосылки формирования Палестинского вопроса невозможны без анализа исторических источников периода начала Первой мировой войны и её ведения [8;12;2;11].

Методы. Авторы провели контент-анализ ряда исторических документов, содержащих сведения о том, как мировые державы видели решение Палестинского вопроса.

Результаты. Практика новой колонизации или нового освоения Палестины (с точки зрения интересов усилившихся и упрочивших своё влияние на политической арене банкиров, промышленников) оказалась взаимосвязанной с той, характерной для указанного периода времени, политикой Великобритании, Германии, Франции, США и Турции, которая осуществлялась на Ближнем Востоке, в первую очередь, против России в период времени, предвещающий начало ведения военных действий 1914-1918 гг. Следует обратить внимание на факт осуществления политики в условиях прочных имперских династических монарших связей, сказавшихся на политических событиях, нашедших отражение в исторических источниках. Так, в секретном письме (под грифом «весьма секретно») российского посла в Константинополе Н. В. Чарыкова временно управляющему министерством иностранных дел Нератову А.А. от 23 (10) мая 1911 г. не случайно были отмечены «систематические злобные нападки на русское правительство и на Россию со стороны крайне радикальной турецкой печати, субсидируемой различными революционными организациями»; отмечается факт антироссийской пропаганды, ведущийся на территории Российской Империи с задействованием определённых групп российского общества, анализируемого периода времени, но отмечается и факт собственно турецкой печати, среди представителей которой, по словам Чарыкова Н.В. имеются не только благоразумные и умеренные деятели, но и убежденные сторонники дружбы с Россией

и при их поддержке, «голос этих людей станет слышимее». [8, С.32-35]. Кроме того, в письме отмечен существенный факт, вызывающий озабоченность государства, связанный с нецелесообразностью ведения военных действий Российской Империи, но вынужденной быть готовой реагировать на вероятные нападки с оборонительной целью: «пункт 3. Морские вооружения, замедленные на полтора года нашими дипломатическими средствами, принимают форму открыто направленную против нас, с заказом турками дредноутов. Правда, безденежье затрудняет этот заказ. Но оно не составляет непреодолимого препятствия, в особенности, если Германия будет толкать Турцию¹ на путь увеличения морских сил. Кстати, те транспорты, которые недавно куплены турками в Германии и Англии, предназначены, несомненно для перевозок войск по Чёрному морю во вред нам...» [8, С.32-35]. Чарыков Н.В., характеризуя вероятность соглашения, отмечает в письме: «...самое категоричное соглашение с Германией может быть для нас лишь подспорьем в области наших отношений к Турции: основой же этих отношений должна служить наша собственная сила и боевая готовность на море и на суше [8, С.32-35]. В числе предложений предполагаемого соглашения Германии и России, Чарыковым Н.В. предлагался следующий вариант развития ситуации и снижения уровня её эскалации: «3. Относительно морских вооружений Турции было бы достаточно заручиться обещанием с германской стороны не отпускать в Турцию германских морских офицеров-инструкторов...» [8, С.32-35]

Отмеченное обстоятельство, наряду с отсутствием согласия «великих держав» на Ближнем Востоке дополнялось растущим влиянием новых националистических движений, претендовавших на создание «национальных очагов» на Ближнем Востоке в будущем, действовавших при поддержке определенного круга лиц, занимавших ключевые должности в местных германских торгово-промышленных предприятиях, в значительной степени находившихся в зависимости от германского правительства и германских банков и, в свою очередь, оказывающих существенное материальное и иное вспоможение немецкой политики в Османской империи, формиру-

¹ Под Турцией имеется ввиду Османская (Оттоманская) Империя соответствующего периода времени.

ясь в условиях и при наличии существующего и набирающего силу политического арабского национализма, связанного с возможностью создания единого арабского государства или союза арабских государств на Ближнем Востоке [3].

Кроме того, следует отметить, что до подписания соглашения Сайкс-Пико в 1916 году Великобритания, лишь один раз очевидно обнаружила свои претензии на Палестину, территории, являвшейся частью Османской империи, а именно в переписке с шейхом Мекки Хусейном ибн Али аль-Хашими¹ (июль 1915 – март 1916) [13; С.432 – 433; 12].

Переписка сэра Г. Макамагона² верховного комиссара Британии в Египте с шейхом Мекки Хусейном ибн Али аль-Хашими (1915-1916 гг.) представляет собой 10 писем³, которыми они обменивались во время Первой мировой войны. Согласно содержанию писем правительство Соединенного Королевства согласилось признать независимость арабов после войны в обмен на то, что шериф Мекки начнет восстание арабов против Османской империи. Переписка оказала существенное влияние на историю Ближнего Востока и является одним из основных и важных источников для оценки ситуации в Палестине и её дальнейшего развития. Основной причиной этого соглашения было противодействие объявлению Османской империей джихада («священной войны»)⁴ против союзников во время Первой мировой войны и поддержание 70-ти миллионов мусульман в Британской Индии (особенно тех, кто служил в армейских частях, развернутых на основных театрах военных действий). Территория арабской независимости была определена как находящаяся «в пределах и границах, предложенных шерифом Мекки», за исключением «частей Сирии», лежащих к западу от «районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо»; противоречивые толкования этого описания должны были вызвать

большие споры в последующие годы, в том числе вопрос о прибрежном районе, носящий сугубо внутригосударственный характер. Позднее, после публикации в ноябре 1917 года Декларации Бальфура, требующей отдельного детального рассмотрения, и после факта утечки секретного Соглашения Сайкса-Пико 1916 года, в котором Великобритания и Франция предлагали разделить и оккупировать части территории, шериф Хусейн и другие арабские лидеры сочли, что соглашения⁵, заключенные в переписке полковника Макмагона - шерифа Мекки Хусейна, были нарушены. Впоследствии, шериф Мекки Хусейн отказался ратифицировать Версальский договор 1919 года и подписывать договор о принятии системы мандатов о передаче Палестины и Сирии. Дальнейшая британская попытка заключить договор потерпела неудачу в 1923–1924 годах, и переговоры были приостановлены в марте 1924 года; в течение шести месяцев британцы отказались от своей поддержки в пользу своего центрально-арабийского союзника Ибн Сауда, который приступил к завоеванию королевства Хусейна.

Переписка сопровождала развитие англо-арабских отношений на протяжении нескольких десятилетий после означенных событий. Она же оказала влияние на общее понимание контекста политических отношений государств в рамках и в контексте «Палестинского вопроса» в системе международных отношений. В переписке содержится материал, имеющий отношение к согласованию позиций Великобритании с Францией, выделяемое как приоритетное, и Российской Империей, что позволяет проследить развитие политики России в отношении Палестины в дальнейшем. Переписка окончательно была рассекречена в 1964 году.

Письмо шерифа Хусейна от 14 июля 1915 года содержит определение «арабской

¹ Хусейн ибн Али аль-Хашими (1854-1931) – шериф Мекки, первый король Хиджаза (1916 -1924 гг.), потомок пророка Мухаммада.

² Сэр Артур Генри Макмагон (1862 г. - 1949 г.) офицер британской армии и дипломат.

³ Перечень писем: № 1 от 14 июля 1915 года, №2 от 30 августа 1915 года, №3 от 9 сентября 1915 года, №4 от 24 октября 1915 года, №5 от 5 ноября 1915 года, №6 от 14 декабря 1915 года, №7 от 1 января 1916 года, №8 от 25 января 1916 года, №9 от 18 февраля 1916 года, 310 от 10 марта от 1916 года //Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938-39 [Cmd. 5957]

⁴ Подразумевается акт официального вступление в войну Османской империей.

⁵ Под соглашением подразумевается согласование позиций сторон в переписке, но не договор (соглашение сторон) в полном правовом оформлении.

нации», которая «вся, без исключения, решила в последние годы существовать вместе, реализовав свою свободу и взять бразды правления в свои руки,...принимая во внимание, что она нашла и поняла, что в интересах Правительства Великобритании поддержать и помочь нации в достижении её твердых намерений (которые основаны на сохранении её чести и достоинства) без каких-либо скрытых мотивов; и принимая во внимание, что в интересах арабов предпочесть помощь Правительства Великобритании в рассмотрении их географического положения и экономических интересов, а также предпочесть позицию вышеназванного Правительства. [13, С.432 — 433; 12]. Кроме того, согласно означенному письму, фундаментальные предложения шерифа Хусейна состояли в следующем: «Первое. Англия признает независимость арабских стран, граничащих на севере в Мерсине и Адане вплоть до 37 градусов широты, под этот градус попадают Бирджик, Урфа, Мардин, Мидиат (Мидьят), Джезират, Амадия, вплоть до границы с Персией; на востоке — до границ Персии в районе Залива Басры; на юге — у Индийского океана, за исключением положения Адена, в котором тот сейчас пребывает, на западе граничащих с Красным морем, Средиземным морем, вплоть до Мерсины; Англия одобрит провозглашение Арабского Халифата Ислама. [13, С.432 — 433; 12]. Второе, арабское правительство Шерифа признает, что Англия будет иметь предпочтение во всех экономических предприятиях в арабских странах. [13, С.432 — 433; 12]. Третье, в целях безопасности арабской независимости и уверенности в таком предпочтении экономическим предприятиям, обе высокие договаривающиеся стороны предложат взаимную помощь для поддержания лучшей боеспособности их сухопутных и военно-морских сил, чтобы противостоять любой иностранной державе, которая сможет напасть на какую-либо из сторон. Мир может быть установлен только с согласия обеих сторон [13, С.432 — 433; 12]. Четвертое. Если одна из сторон вступит в агрессивный конфликт, другая сторона займет нейтральную позицию, но они обсудят вопросы помощи в случае одной из сторон оказать таковую

[13, С.432 — 433; 12]. Пятое. Англия признает ликвидацию иностранных привилегий в арабских странах и поможет Правительству шерифа в международном оформлении такой ликвидации [13, С.432 — 433; 12]. В-шестых, пункты 3 и 4 договора должны оставаться действующими в течение пятнадцати лет с возможностью дальнейшего продления.

В ответе на письмо, 30 августа 1915 года, в котором подтверждено британское стремление и одобрение Великобританией независимости Аравии (Арабского халифата), как самостоятельного государства в будущем. В письме полковник Г. Макмагон отмечает: «Имеем честь поблагодарить Вас за откровенное выражение искренности Ваших чувств к Англии. Мы рады, кроме того, что ваше высочество и ваш народ придерживаются одного мнения, что интересы арабов — это интересы англичан и английских арабов. С этой целью мы подтверждаем вам условия послания лорда Китченера¹, которое было передано вам через Али Эффенди и в котором было ясно изложено наше стремление к независимости Аравии и ее жителей, а также наше одобрение арабского халифата, когда это должно быть провозглашено. Мы еще раз заявляем, что правительство Его Величества приветствовало бы восстановление Халифата арабом истинной расы. Что касается вопросов пределов и границ, было бы преждевременно тратить наше время на обсуждение таких деталей в пылу войны, и хотя во многих их частях турки до сих пор находятся в фактической оккупации; тем более, что мы с удивлением и сожалением узнали, что некоторые из арабов в тех самых краях не только не помогают нам, но пренебрегают этой своей высшей возможностью и сдают оружие немцам и туркам, новому грабителю и старому угнетателю» [12].

В следующем письме шерифа Мекки Хусейна от 9 сентября 1915 года подтверждается важность согласования «пределов и границ» будущего арабского государства или нескольких государств с учетом доверия и взаимности. В указанном письме сделан акцент, что переговоры зависят от отказа или принятия решения Великобританией о вопросе об ограничениях и защите веры и религии, а затем остальных прав от любого вреда или опасности [12; 1].

¹ Горацио Герберт Китченер (1850 - 1916) - фельдмаршал, барон, Великобритании, с 1911 года британский агент и генеральный консул Великобритании в Египте.

Согласно ответу, содержащемуся в письме сэра Г. Мак-Магона от 24 октября 1915 года по вопросу о границах Великобритании отмечена и признана важность согласования границ. В письме содержится заключение о том, что «два района Мерсин и Александретта и части Сирии, лежащие к западу от районов Дамаск, Хомс, Хама и Алеппо, нельзя назвать чисто арабскими, и их следует исключить из требуемых пределов.

Что касается тех регионов, лежащих в пределах этих границ, где Великобритания может действовать без ущерба для интересов своего союзника, Франции ... Великобритания готова признать и поддержать независимость арабов во всех странах, в пределах, установленных (определённых) шерифом Мекки» [12]. В письме подтверждается обещание Великобритании об охране Святых мест, предоставление помощи и советов в указанном вопросе. Предусмотрено исключение для вилайетов Багдад и Басра, допускающее предоставление «особых административных мер» для Великобритании. Поскольку правительство Великобритании было осведомлено о содержании письма и предложениях шерифа Мекки Хусейна Ибн-Али, то в отношении территориальных владений будущего государства Арабского Халифата Ислама были переданы следующие предложения: два района - Мерсин, Александретта и части Сирии, лежащие к западу от Дамаска, Хамса, Хамы и Алеппо не могут считаться полностью арабскими и должны быть исключены из требуемых пределов, ограничения принимаются без ущерба отношений Великобритании с арабскими вождями. [13, С.432 – 433]. С учетом вышеуказанных изменений Великобритания готова признать и поддержать независимость арабов во всех регионах в пределах, требуемых шерифом Мекки.

В письме содержится положение о ненанесении ущерба в районах в определенных границах союзнице Великобритании — Франции. Кроме того, отмечено, что с учетом вышеуказанных оговорок, Великобритания готова признать и поддержать независимость арабов во всех районах, находящихся в пределах границ, затребованных шерифом Мекки. В письме отмечается, что Великобритания оградит Святые Места от попытки любой внешней

агрессии и признает их неприкосновенность; а в тех случаях, когда позволит ситуация, Великобритания даст арабам совет и поможет им установить то, что может показаться наиболее подходящей формой правления на этих различных территориях. В письме констатируется ясность факта в том, что арабы решили искать совета и направления только у Великобритании и что европейскими советниками и официальными лицами, приглашенными для установления достойной формы правления, будут англичане. В письме содержится уточнение в отношении вилайетов Багдада и Басры то, что арабы признают, что положение и интересы Великобритании вызывают необходимость специальных административных мероприятий по охране этих территорий иностранной агрессии, для повышения благосостояния местного населения и защиты наших общих экономических отношений [13, С.432 – 433]. В завершении письма сэр Г. Мак-Магон заверяет: «Я убежден в том, что это заявление заверит вас вне всяких сомнений, в симпатиях Великобритании, которую она питает в отношении ее друзей, арабов, и будет иметь результатом твердый и прочный союз, непосредственными итогами которого будут изгнание турок из арабских стран и освобождение арабского народа от турецкого ига, которое столь много лет тяготило их.» [13, С.432 – 433; 12].

Письмо шерифа Хусейна от 5 ноября 1915 год содержит уточнение позиции о вилайетах Мерсин и Адана: «Мы отказываемся от своих требований о включении двух вилайетов Алеппо и Бейрута и их побережья», поскольку они, согласно тексту письма, «являются чисто арабскими вилайетами, и нет никакой разницы между арабами-мусульманами и христианами - оба они потомки одного праотца¹», то есть преваляли территориальные приобретения, а не культурная и /или духовно-религиозная принадлежность населения в формировании будущего государства. В письме обсуждаются опасения арабов по поводу восстания в контексте риска того, что союзники одновременно с этим будут требовать мира с османами. Относительно ускорения начала восстания шериф Хусейн отмечает: «В вашем желании ускорить движение мы видим не только преимущества, но

¹ Имеется ввиду Авраам

и опасения. Первым из этих оснований является боязнь порицания мусульман противоположной стороны (как это уже случилось в прошлом), которые заявят, что мы восстали против ислама и разорили его силы. Второе состоит в том, что, стоя перед лицом Турции, которую поддерживают все силы Германии, мы не знаем, что сделала бы Великобритания и ее союзники, если бы одна из держав Антанты была ослаблена и вынуждена заключить мир» [12]. Кроме того, шериф Хусейн выражает опасения в отношении Османской империи и её политики в отношении к формированию арабского государства, заявляя о необходимости в поддержке Великобритании: «Когда арабы узнают, что правительство Великобритании является их союзником, который не оставит их в покое при заключении мира перед лицом Турции и Германии, и что она их поддержит и будет эффективно защищать, тогда вступать в войну сразу, без сомнения, будет соответствовать общим интересам арабов» [12].

Следующее письмо полковника Г. Макмагона шерифу Мекки Хусейну от 14 декабря 1915 года содержит подтверждение и согласие относительно вилайетов Мерсин и Адана и исключения их из границ арабских территорий. В отношении вилайетов Алеппо и Бейрут, с учетом подтверждения верности интересам союзника Великобритании — Франции, в письме отмечается: «поскольку в них обоих вовлечены интересы нашего союзника, Франции, вопрос потребует тщательного рассмотрения, и дальнейшее сообщение по этому поводу будет направлено вам в установленном порядке». В отношении «Багдадского вилайета» в письме отмечено, что обсуждение этого вопроса требуется отложить. В письме содержится подтверждение того, что Великобритания «не намерена заключать какой-либо мир, по условиям которого свобода арабских народов от немецкого и турецкого господства не является существенным условием» [12].

В письме от 1 января 1916 года шериф Мекки Хусейн затрагивает вопрос о будущем Ирака и предлагает договориться о компенсациях после войны. В отношении Эль-Ирака шериф Хусейн выражает согласие, отмечая мудрость и справедливость Великобритании в этом вопросе. В отношении северных частей и их побережья в

письме отмечается, что все возможные модификации уже сделаны, а при ближайшей возможности после окончания войны можно задаться вопросом об оставлении Бейрута и района побережья Франции, как союзнице Великобритании, чтобы не нанести ущерба этому союзу.

Далее, в письме от 18 - го февраля 1916 года от шерифа Хусейна предлагались и описывались детали первоначального приготовления к восстанию. В письме содержалась просьба о 50 000 фунтов стерлингов золотом, а также оружием, боеприпасами и продовольствием, утверждая, что Фейсал ожидает прибытия «не менее 100 000 человек» для запланированного восстания. Согласно информации шерифа Хусейна, отправившего одного из сыновей в Сирию для командования там операциями, которые будут сочтены необходимыми был получен подробный отчет, в котором говорится, что тирании правительства Сирии не оставили лиц, на которых они могли бы положиться, будь то солдаты разных чинов или другие, за исключением лишь нескольких и второстепенных; и что он (отправленный в Сирию сын) ожидает прибытия войск, объявленных из разных мест, особенно от жителей страны и окружающих арабских регионов, таких как Алеппо и юг Мосула, общее количество которых, по их оценке, составляет не менее 100 000 человек; и он намеревается, если большинство упомянутых сил будут арабами, начать движение ими; одновременно наблюдая за турками и их продвижением к Каналу, изменив свои действия, которых от него ожидают, во время сражения.

Согласно тексту письма шериф Мекки Хусейн намеревался послать старшего сына в Медину с достаточными силами, чтобы укрепить его брата, который находился в Сирии, и с любой возможностью занять железнодорожную линию или провести такие операции, какие могут позволить обстоятельства. Данные действия в письме определяются как начало движения. Далее, в письме излагаются нужды на текущий момент, а также тайный знак, по которому можно определить участника движения: «...мы пришлем к нам конфиденциального агента, чтобы получить их либо все сразу, либо двумя частями, в зависимости от того, насколько он в состоянии, и это (тайный) знак (X), который следует распознавать для принятия мужчины.

... Наш посланник, который получит деньги, будет отправлен в Порт-Судан через три недели, то есть он будет там 5-го Джамад-Авала (9 марта) с нашим письмом, адресованным Аль-Хаваге Элиасу» [12].

В письме от 10-го марта 1916 года от полковника Г. Макмагона обсуждались первоначальные приготовления к восстанию. В письме подтверждено согласие и одобрение правительства Великобритании на просьбы, изложенные в предыдущих письмах. В письме упоминается об определении мест и посредников, которые будут выполнять заказы по их получению.

Обсуждение. Переписка полковника Г.Макмагона и шерифа Мекки Хусейна проясняет условия формирования палестинского вопроса в мировой политике и политике «великих держав». Однако, англичане поставили своих союзников в известность о ней лишь постфактум и не раскрыли её содержания. В результате длительных англо-русско-французских переговоров с февраля по май 1916 г. Великобритания, используя заинтересованность России в Константинополе и черноморских проливах, а Франции — в Сирии и Киликии, сумела выторговать для себя часть территории Палестины.

В меморандуме (памятной записке) посольств Великобритании и Франции в Петрограде министру иностранных дел Российской Империи С.Д Сазонову содержится официальное уведомление Российской Империи о плане территориального раздела, в случае образования арабского государства с учетом итогов совещания с Россией. [5, С. 443 - 446]. В целом, Меморандум содержит основные положения будущего соглашения Сайкс-Пико 1916 года о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке между Великобританией, Францией, а также Россией. Этот раздел на многие годы определил статус-кво как на политической карте арабского мира, так и в отношении интересов и позиций Лондона и Парижа в конкретных арабских странах.

Согласно тексту документа, французское и английское правительства, убедившись на основании дошедших до них сведений, что арабские народности как на Аравийском полуострове, так и в провинциях Османской империи, настроенные против турецкого владычества, предполагали основать арабское государство или

федерацию (имеется ввиду союз арабских государств), одновременно враждебное турецкому правительству и благоприятно настроенное по отношению к Великобритании и Франции. Документ содержит факт о достижении согласия относительно принципов, о которых сообщается российскому правительству прежде, чем идти в своих действиях дальше. В статье 3 Меморандума отмечалось, что в «коричневой зоне» будет учреждено международное управление, форма которого будет решена после совещания с Россией, а также по соглашению с другими союзниками и представителями шерифа Мекки¹» (рис.1). В последующих документах - Памятной записке министра иностранных дел России С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу от 13/26 апреля 1916 г. № 280, в ноте французского посольства министру иностранных дел России С. Д. Сазонову от 13/26 апреля 1916г., телеграмме российского посла в Лондоне Л. К. Бенкендорф — министру иностранных дел России С. Д. Сазонову от 17/30 мая 1916 г., прослеживается процедура согласования позиций трех держав.

Окончательный вариант согласования приобрел в телеграмме №289 Российского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа министру иностранных дел С.Д. Сазонову, Лондон 17/30 мая 1916 г. в которой изложена позиция Российской Империи по указанному вопросу в связи с характером отношений России и Великобритании. Пункт 1 соглашения устанавливает аннексию Россией областей Эрзерума, Вана, Трапезонда, Битлиса вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Черного моря, к западу от Трапезонда. Пункт 2 устанавливает, что область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортм, течением Тигра, Джебзире — ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России; а начиная от области Мергевера граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в указанный период времени оттоманскую территорию от персидской. Означенные пределы определены в общих чертах и их детали и уточнения предлагалось сделать комиссией по разграничению на ме-

¹ (цвет на карте указанной зоны — оранжевый)

стах. Пункт 3 документа содержит признание сохранения во всех частях Османской территории¹ таким образом уступленных России, концессий, предоставленных британским подданным османским правительством. Если российское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение будет иметь место только по соглашению с правительством Великобритании. Пункт 4 содержит положение о том, что во всех частях оттоманской территории, уступленных России, существующие британские права навигации и преимущественного права получения концессий (заявки), а также права и привилегии британских религиозных, школьных и больничных учреждений должны быть сохранены. Правительство Великобритании со своей стороны признает, что аналогичные русские права и привилегии будут сохранены в тех областях, которые в силу настоящего соглашения будут или вполне британскими, или в которых британские интересы будут признаны преобладающими. Пункт 5 предполагает, что оба правительства признают, что каждое из государств, аннексирующих часть Оттоманской империи, должно участвовать в служебных органах оттоманского долга. Подлинник документа содержит собственноручную пометку Николая II (черта и две точки) и с резолюцией: «Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница», Царская ставка, 22 мая 1916 г. (рис.1)²

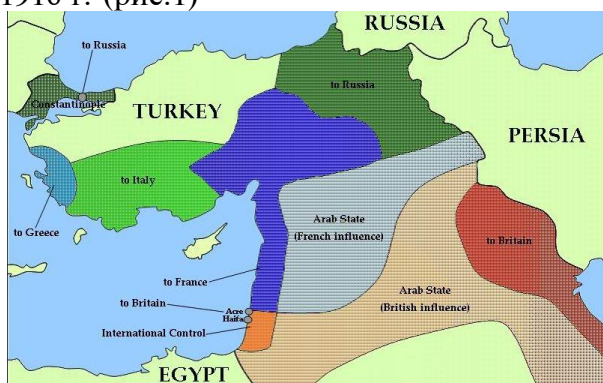

Рис.1. Коричневая зона, Меморандум. Карта соглашения Сайкса -Пико³

Окончательно Великобритания и Россия уведомили друг друга в обмене телеграммами а августе 1916 года, подписавшись Джорджи и Ники, продемонстрировав тёплые родственные отношения. В телеграмме Императора Николая II — королю Георгу V, 26 августа 1916 г. в общем контексте ближневосточной политике в борьбе за Константинополь отмечается следующую озабоченность: «Еще более серьезным объектом для борьбы я считаю влияние некоторых из наших банков, которые до войны были в германских руках и влияние которых дает себя незримо, но сильно чувствовать — особенно в медленности выполнения приказов об изготовлении военных припасов, снаряжения и т. д. Я часто обращал внимание моего правительства на это обстоятельство. Я надеюсь, что г. Барк преодолет эту трудность. Я уверен, что короткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франции считают обладание Россией Константинополем и проливами неизменным условием мира, успокоило бы все умы и рассеяло бы всякое недоверие» [4;13].⁴

Заключение. Таким образом, в феврале 1916 года армия Российской Империи оказалась на ближайших подступах к Сирии и Ираку, заняв Эрзерум и Битлис. Опасаясь перехода арабских стран под оккупацию России, союзники поспешили согласовать свои предложения по разделу Османской империи с Петербургом. В обмен на признание Россией независимого арабского государства под эгидой Англии и Франции, за Россией признавались следующие территории: 1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Чёрного моря, к западу от Трапезунда». Область Курдистана, расположенная к югу от вана и Битлиса будет уступлена России». Кроме того, российская империя получала контроль над проливами Босфор и Дарданеллы и город Константинополь (Стамбул). Особую роль России отводила будущему Палестины. В памятной записке МИД Российской Империи

¹ В тексте «оттоманской территории»

² Телеграмма №289 Российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа министру иностранных дел С.Д. Сазонову, Лондон 17/30 мая 1916 г.

³ https://yandex.ru/images/search?rpt=simage&noreask=1&source=qa&text=Соглашение%20Сайкса%20-%20Пико&type=image&lr=47&pos=1&img_url=http%3A%2F%2Finosmi.by%2Fwp-content%2Fuploads%2F2016%2F05%2Fimage-5-801x500.jpeg

⁴ Секретная телеграмма посла России в Париже а. п. Извольского от 17/30 сентября 1914 г.

послам Англии и Франции от 4 (17) марта 1916 года содержится: «Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся на Святой Земле, свободное отправление своего культа, равное как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране» [5;6;7].¹ Данное заключение сделано в контексте наличия собственности России, именуемое Русской Палестиной, на

территории Палестины, предназначенное для обеспечения представительств Русской духовной миссии, паломнических маршрутов, обеспечиваемое посредством практики МИДа России при содействии ИППО (с 1882 г.) (до указанного времени — Палестинский комитет, а затем Палестинская комиссия). Данный аспект требует дальнейшего анализа с учетом контекста прав арабского населения Палестины, при условии, что территория, в рассматриваемый период времени, входила в состав территории Османской Империи.

Список литературы

1. Арапов Д.Ю. Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «Заключение» по «Мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии 2002 год.
2. Император Николай II — королю Георгу V, 26 августа 1916 г., телеграмма // <https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140>
3. Король Георг V — императору Николаю II, август 1916 г., телеграмма // <https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140>
4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878 — 1917 гг. Серия третья, 1914 — 1917 гг. Т.10. М., 1938.
5. Меморандум посольств Великобритании и Франции в Петрограде министру иностранных дел Российской Империи С.Д. Сазонову. 21 февраля / 6 марта 1915 года // Сборник договоров России с другими государствами. 1856 — 1917. М.: Госполитиздат, 1952. С.443 - 446.
6. Нота французского посольства министру иностранных дел России С. Д. Сазонову Петроград, 13/26 апреля 1916 г.
7. Памятная записка министра иностранных дел России С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу. Петроград, 13/26 апреля 1916 г. № 280 В
8. Письмо русского посла в Константинополе Н. Чарыкова временно управляющему министерством иностранных дел А.А. Нератову от 23 (10) мая 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878 — 1917 гг. Серия вторая, 1900 — 1913 гг. Т.18. Ч. 1. М., 1939.
9. Российский посол в Лондоне Л. К. Бенкендорф — министру иностранных дел России С. Д. Сазонову Телеграмма Лондон, 17/30 мая 1916 г.
10. Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова, диссертация 2001 г.
11. Чернов О.А. «Демарш Чарыкова» в мемуарах Н.В. Чарыкова // Самарский научный вестник 2014 №4(9) с.139-140
12. Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938-39 [Cmd. 5957]
13. The Hussein — McMahon Correspondence. In July 1915 — 10 April 1916 // Crescent and Star. Arab — Israeli Perspectives on the Middle East Conflict. Edited by Y. Alexander and N.N. Kittrie. N.Y.: Ams Press, Inc., 1973, pp. 432 — 433.

FEATURES OF DIPLOMATIC ACTIVITY OF THE ENTENTE POWERS IN THE MIDDLE EAST DURING THE FIRST WORLD WAR

The article analyzes the prerequisites for the formation of the Palestinian question in the policy of the "great powers" of the period preceding the First World War. The actions of the "great powers" in relation to the Ottoman Empire during the First World War are analyzed in the practice of resolving the Palestinian issue. The authors emphasized in

¹ Памятная записка министерства иностранных дел французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену Петроград, 4/17 марта 1916 г.

the study the preparation and practice of implementing the policy of the Russian Empire in relation to the solution of the Palestinian issue in the context of world politics of the corresponding period of time. The authors evaluate the results, according to the data reflected in the historical sources on the settlement of the Palestinian issue and the consequences that affected the subsequent development of events in the territory of Palestine. The article analyzes the letter of the Russian ambassador in Constantinople, Charykov N.V. Acting Head of the Ministry of Foreign Affairs Neratov A.A. (May 23 (10), 1911, the process of preparing and concluding the Sykes-Picot agreement and the political and diplomatic struggle about the status of Palestine after its conclusion.

Keywords: World War I, Palestine, the Palestinian question, the Middle East, the Ottoman Empire, diplomacy and foreign policy of the "great powers" in the Middle East, the Sykes-Picot agreement of 1916/7

References

1. Arapov D.Ju. (2002). Russkij posol v Turcii N. V. Charykov i ego «Zakljuchenie» po «Musul'manskomu voprosu». [Russian Ambassador to Turkey N. V. Charykov and his "Conclusion" on the "Muslim Question"]. Vestnik Evrazii. [Bulletin of Eurasia].
2. Imperator Nikolaj II — korolju Georgu V. [Emperor Nicholas II to King George V], 26 avgusta 1916 g., telegramma. From: <https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140>
3. Korol' Georg V — imperatoru Nikolaju II. [King George V to Emperor Nicholas II], avgust 1916 g., telegramma. From: <https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140>
4. Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma. Dokumenty iz arhivov Carskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878 — 1917 gg. Serija tret'ja, 1914 — 1917 gg. [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments 1878 - 1917. Series three]. T.10. M., 1938.
5. Memorandum posol'stv Velikobritanii i Francii v Petrograde ministru inostrannyh del Rossijskoj Imperii S.D Sazonovu. 21 fevralja / 6 marta 1915 goda [Memorandum of the Embassies of Great Britain and France in Petrograd to the Minister of Foreign Affairs of the Russian Empire S.D. Sazonov. February 21 / March 6, 1915] // Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. [Collection of treaties between Russia and other states. 1856 - 1917.]. 1856 — 1917. M.: Gospolitizdat, 1952. S.443 - 446 .
6. Nota francuzskogo posol'stva ministru inostrannyh del Rossii S. D. Sazonovu. [Note of the French embassy to the Minister of Foreign Affairs of Russia S. D. Sazonov] Petrograd, 13/26 aprelja 1916 g.
7. Pamjatnaja zapiska ministra inostrannyh del Rossii S. D. Sazonova francuzskomu poslu v Petrograde M. Paleologu. [Memorandum of the Minister of Foreign Affairs of Russia S. D. Sazonov to the French Ambassador in Petrograd M. Paleolog.]. Petrograd, 13/26 aprelja 1916 g. № 280 V
8. Pis'mo rossijskogo posla v Konstantinopole N. Charykova vremenno upravljajushhemu ministerstvu inostrannyh del A.A. Neratovu ot 23 (10) maja 1911 g. [Letter from the Russian ambassador in Constantinople N. Charykov to the temporary head of the Ministry of Foreign Affairs A.A. Neratov dated May 23 (10), 1911] // Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma. Dokumenty iz arhivov Carskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878 — 1917 gg. Serija vtoraja, [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments 1878 - 1917. Series two], 1900 - 1913 T.18. Part 1. M., 1939. 1900 — 1913 gg. T.18. Ch. 1. M., 1939.
9. Rossijskij posol v Londone L. K. Benkendorf — ministru inostrannyh del Rossii S. D. Sazonovu. [Russian Ambassador in London L. K. Benkendorf to the Minister of Foreign Affairs of Russia S. D. Sazonov]. Telegramma London, 17/30 maja 1916 g.
10. Chernov O.A. (2001). Diplomaticheskaja dejatel'nost' i istoricheskie vzgljady N.V. Charykova, dissertacija. [Diplomatic activity and historical views of N.V. Charykov, dissertation].
11. Chernov O.A. (2014). «Demarsh Charykova» v memuarah N.V. Charykova [“Charykov's demarche” in the memoirs of N.V. Charykova]. Samarskij nauchnyj vestnik. [Samara Scientific Bulletin]. №4(9) s.139-140
12. Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938-39 [Cmd. 5957]
13. The Hussein — McMahon Correspondence. In July 1915 — 10 April 1916 // Crescent and Star. Arab —Israeli Perspectives on the Middle East Conflict. Edited by.Y. Alexander and N.N. Kittrie. N.Y.: Ams Press, Inc., 1973, pp. 432 — 433.

Об авторах

Колобов Олег Алексеевич — профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: kolobov@imomi.unn.ru

Хохлышева Ольга Олеговна — профессор, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: khokhlysheva@imomi.unn.ru

Шамин Игорь Валерьевич — доцент, доктор политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: shamin@imomi.unn.ru

Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России ИМОМИ ННГУ, Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: ivr@imomi.unn.ru

Гадалин Дмитрий Юрьевич — магистрант факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия), E-mail: gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

Kolobov Oleg Alekseevich — Professor, Doctor of Historical Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Department of World Diplomacy and International Law, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, (Russia), E-mail: kolobov@imomi.unn.ru

Khokhlysheva Olga Olegovna — Professor, Doctor of Historical Sciences, PhD in Law, Head of the Department of World Diplomacy and International Law, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, (Russia), E-mail: khokhlysheva@imomi.unn.ru

Shamin Igor Valerievich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky(Russia), E-mail: shamin@imomi.unn.ru

Ryzhov Igor Valerievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, (Russia), E-mail: ivr@imomi.unn.ru

Gadalin Dmitry Yuryevich - Master student of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, (Russia), E-mail: gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

УДК 94(476)

Короневский В.И., лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОЙ ПЕЧАТИ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ ИЗ КИЕВА В ПОЛОЦК В 1910 г.¹

Статья посвящена осмыслению российскими правыми публицистами значения имевшей место в 1910 г. церемонии перенесения мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк. Использовались материалы, опубликованные на страницах таких периодических изданий, как «Московские ведомости», «Русское знамя», «Русский стяг», «Окраины России», «Русская земля», «Русская правда» и др. Консервативные публицисты уделили торжеству большое внимание и, как правило, пытались увидеть в нем один из признаков грядущего «возрождения» России в том виде, в каком они хотели ее видеть. Предполагалось, что перенесение мощей преподобной княжны будет способствовать «пробуждению» русского народа, укреплению в его среде позиций православной веры, преданность которой, по их мнению, свойственна душе русского человека от природы. В торжестве также виделся залог решения актуальных для начала XX в. проблем. Настрой правых публицистов характеризовался предельным оптимизмом. На вызовы современности, к числу которых относились рост польского влияния, распространение католицизма и общее снижение уровня религиозности части российского общества, как предполагалось, должный ответ непременно будет дан за счет сплочения единого православного русского народа. Перенесение мощей св. Евфросинии в Полоцк считалось одним из символов будущего триумфа.

Ключевые слова: Евфросиния Полоцкая, Полоцк, коммеморация, периодическая печать, публицистика, православие, национализм, консерватизм

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-62-68

Отличительно особенностью культурно-политической жизни России конца XIX — начала XX вв. стала организация череды масштабных празднеств, значительная часть которых имела патриотический или религиозно-патриотический характер. Империю охватила настоящая, по удачному выражению К.Н. Цимбаева, «юбилеямания» — стремление с помощью организации грандиозных коммемораций отвлечь население от насущных проблем и путем апелляции к славному прошлому внушить ему приемлемые представления о настоящем и будущем страны [28, с. 42-51; 29, с. 98-108]. Однако не только круглые даты «заставляют выстраивать историческую перспективу, создают некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, а и к будущему», «побуждают оценивать пройденный путь, создают атмосферу диалога с прошлым» [29, с. 98] — то же самое можно сказать и о целой серии религиозно-патриотических мероприятий начала XX в. Саратовские (1903 г.) и Кашинские (1909 г.) торжества, а отчасти и канонизация патриарха Гермогена в 1913 г. не имели четко выраженного юбилейного характера, но, тем не менее, предлагали участвовавшему в

них обывателю задуматься о прошлом и будущем народа и страны.

То же самое касается и Полоцких торжеств 1910 г. — празднования перенесения мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киево-Печерской лавры в основанный княжной Спасо-Евфросиниевский монастырь. Их специфика обусловлена особенностями обстановки, сложившейся на Северо-Западных окраинах империи после событий 1905-1907 гг. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. фактически развязал руки местным католическим проповедникам, пытавшимся распространять среди местного православного белорусского населения католицизм и, в ряде случаев, польскую идентичность. Совершившийся в первые годы после официального разрешения переход нескольких десятков тысяч номинальных православных в католицизм [1, с. 276], регулярное использование в католических крестных ходах польской национальной символики [1, с. 398], функционирование многочисленных тайных польских школ [16, л. 52 об. — 53, 55 об. — 57, 60 об. — 62 об.], рост числа конфликтов на этноконфессиональной почве [15, л. 2 — 2 об., 51; 7, с. 6] — все это не могло не вызывать

© Короневский В.И.

© Koronevskii V.I.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".

опасений у имперской бюрократии, православного духовенства и русских националистов, прекрасно помнивших уроки не только 1905, но и 1863 гг. Поскольку перспектива полонизации Северо-Западных губерний и их потенциальной потери никого не радовала, одним из основных мотивов Полоцких торжеств 1910 г. стало стремление как можно крепче привязать регион к имперскому целому.

Празднества на несколько месяцев приковали к себе все внимание населения Витебской губернии и, отчасти, соседних регионов. В «Витебских губернских ведомостях» и «Полоцких епархиальных ведомостях» выходили десятки статей, печаталось и распространялось среди паломников невиданное для провинциального Полоцка количество брошюр. Однако Евфросиниевские торжества также привлекли к себе внимание публицистов, не имевших прежде никакого отношения к жизни края — и в первую очередь речь идет о российских правых, традиционно болезненно переживающих проблемы, с которыми империя и нация сталкивались на Северо-Западных окраинах. Едва ли не первое крупное религиозно-патриотическое торжество в истории региона (единственным значимым исключением можно считать празднование 50-летия присоединения к православию униатов Северо-Западного края в 1889 г. [24, с. 107-135]) дало мыслителям Петербурга, Москвы и остальной России повод задуматься о судьбе родной земли на примере одного из наиболее противоречивых ее регионов, буруемых проблемами в несравненно большей степени, чем Кашин или Саров.

Когда было принято окончательное решение о перенесении в Полоцк мощей св. Евфросинии и началась непосредственная подготовка к торжеству, российские правые достаточно активно в нее включились. Так, газета «Русский стяг», печатный орган московского отдела Союза русского народа, публиковала на своих страницах призывы к православным совершить пожертвование на новую серебряную раку для реликвии [2, с. 120], а «Русская земля» от лица Русского монархического союза и Русского монархического собрания собирала средства на сооружение лампы к ней [10, с. 1]. Националистическая пресса, не имевшая прежде никакого отношения к Северо-Западному краю, публиковала ту

или иную версию текста жития Евфросинии, разъясняя своим читателям важность для русского народа и православной церкви почитания далекой полоцкой святой. Этим отметились не только активно освещавшие события через своих корреспондентов «Московские ведомости» [17, с. 1] или столичное «Русское знамя» [25, с. 3], но и екатеринославская «Русская правда» [8, с. 3], ярославский «Русский народ» [30, с. 1-2], нижегородский «Козьма Минин» [9, с. 2], елисаветградский «Новороссийский край» [21, с. 4] и даже кишиневский «Друг» [19, с. 2-3].

Прибывавшие в Полоцк накануне торжеств правые журналисты возлагали на церемонию огромные надежды, что нашло отражение в их описаниях самого города, построенных на контрасте неприглядного настоящего и прекрасного будущего. На корреспондента «Курской были» он произвел впечатление «небольшого, пыльного, наполовину заселенного евреями» местечка, который, однако, должен был «скоро, на днях ... пережить радостные, редкие дни своей жизни, которые занесутся на скрижали истории» [20, с. 2].

Проблемы современности авторами ассоциировались, в первую очередь, с событиями 1905-1907 гг. и последующими за ними изменениями, однако если местные публицисты Северо-Западных губерний в основном обращали внимание на возросшую активность польских националистов и католических проповедников [14, с. 237-239; 13, с. 479-482], то правые журналисты из других уголков России больше писали о росте влияния революционеров и общем падении авторитета Православной церкви, когда «пыхтят и тужатся» «книжники, вероотступники, сектанты и язычники всех степеней» [12, с. 1].

Ярким примером последнего является одна из статей публициста И. Кашкарова на страницах «Русского знамени», в которой он, порицая современное неверие, писал, что «в нынешней России, в коей во времена святой княжны Евфросинии блистало благочестие и крепка была вера православная, теперь оскудело и то, и другое, особенно в высших классах нашего общества, которое примером его языческой жизни и гнилыми словами отрицания развращает простой народ, трудников нашей земли» [12, с. 1]. Еще более характерно выражался корреспондент «Русского чтения»

И. Родкевич, оценивавший Полоцкие торжества «как триумф победы над мраком безбожия и неверия», высмеивал всех «проповедников безбожия и всех утверждающих, что наш народ потерял веру», клеймя их «жалкими пигмеями мысли и духа» [22, с. 2].

Не последнюю роль играли традиционные для радикальной части российских правых антисемитские настроения, которые в Северо-Западных губерниях находили особенно благоприятную для себя почву, поскольку в том же Полоцке евреи, согласно переписи 1897 г., составляли 61,3% населения [18, с. 2, 78]. В 1905 г. они принимали весьма активное участие в уличных беспорядках, и, разумеется, не могли не стать для некоторых правых олицетворением самого революционного движения. Современный историк Ш. Родевальд, несколько преувеличивая страх консерваторов перед «еврейством», и вовсе полагает, что именно стремление символически отвоевать у евреев для православия «сакральное городское пространство» было главной причиной, по которой имперские власти решились организовать перенесение в Полоцк мощей св. Евфросинии [23, с. 509-510]. Хотя с этим утверждением исследователя сложно согласиться, поскольку для подчеркивания значимости антисемитских мотивов он закрывает глаза на подавляющее большинство пропагандистских текстов, в качестве главного противника позиционировавших именно католицизм и «полонизм», однако зерно истины в его рассуждениях есть: численное доминирование евреев в, как предполагалось, «исконно православном» Полоцке действительно раздражало многих публицистов. Статья уже упомянутого выше И. Кашкарова, написанная в духе идей о «Святой Руси» и России как «Новом Израиле» [31], хотя и была в основном посвящена обоснованию невероятного религиозного значения перенесения мощей («Милостью милосердного Господа, Царя вселенной, в настоящее лето 1910 года снова на святой Руси повторяется чудо для того же, для чего совершались чудеса среди избранных народов Божиих древнего и нового заветов...»), дышала неприязнью по отношению к «прежнему» избранному народу, которому «вместо Моисеева закона книжники дали человеко-ненавистное тал-

мудистское учение», и теперь евреи «осуждены Богом и являются соблазном для новозаветного избранного православного русского народа, коего евреи стараются всеми силами отвратить от Господа Бога нашего Иисуса Христа и растлить души наши» [12, с. 1].

Отличительная особенность приведенных текстов, выражавшаяся в предельно жесткой критике политических и идейных оппонентов, будь это атеисты, евреи или католики, в отдельных немногочисленных случаях была доведена едва ли не до конспирологических построений. В первую очередь, речь идет об опубликованной в «Русской земле» статье «Совпадение не случайное» автора, скрывающегося под псевдонимом «Д. П.». Традиционно восхищенно описывая торжество перенесения мощей св. Евфросинии, которое он считал «большим народным западно-русским праздником», автор пускается в рассуждения о методах, при помощи которых «фанатики-ксендзы» «неустанно работают над разъединением западнорусского народа». Главным из них он считает организацию «ловкими иезуитами» своеобразного контрпраздника, а именно повторного коронования Ченстоховской иконы Богоматери путем возложения на образ нового венца взамен недавно украденного, которое, по мысли публициста, должно было отвлечь внимание христиан Западных окраин империи от чествования Евфросинии Полоцкой. В потворстве «коварным полякам» он обвиняет не только либеральную прессу («наша “освободительная” печать»), но даже Петербургское Телеграфное Агентство, «в один день дающее чуть ли не по пяти телеграмм из Ченстохова с подробнейшим описанием тамошних католических торжеств и столь скупое в отношении торжеств евфросиниевских» [5, с. 1]. Истинность позиции автора весьма сомнительна, поскольку отнюдь не только Россия переживала в это время череду торжественных церемоний и юбилеев, которые следовали буквально один за другим. Так, к примеру, спустя всего лишь несколько недель после коронования Ченстоховской иконы Богоматери состоялось важное для поляков празднование 500-летия Грюнвальдской битвы [11, с. 80-85]. Едва ли имеет смысл сводить причины организации польских торжеств к желанию местных

националистов и католического духовенства усложнить жизнь России и Православной церкви: поляки, как и подавляющее большинство европейских наций той эпохи, сами испытывали необходимость в масштабных религиозно-патриотических торжествах.

Интересно, что, в отличие от местных публицистов, зачастую склонных подчеркивать белорусское происхождение Евфросинии Полоцкой и роль событий 1910 г. в судьбе белорусского народа (понимаемого, разумеется, в духе господствующей идеологии как часть «триединого русского народа») [6, с. 464-467; 26, с. 596-601], правые авторы из Москвы или Петербурга склонны были намного меньше внимания уделять белорусскому фактору. Порой они и вовсе смотрели на происходящее сугубо через общерусскую призму, игнорируя особенности местной истории: «... и восстанет и теперь наша обновленная духом и сильная телом родина как восставала она прежде после постигавших ее тяжелых невзгод: татарского ига, удельно вечевой неурядицы, междоусобицы, нашествия двенадцати языков и расколов, и лжеучений, и напора на нее безбожников, сектантов и иноземцев» [12, с. 1].

Однако главной чертой, характеризующей соответствующие тексты российских правых, был их радикальный оптимизм, готовность видеть в перенесении мощей символ триумфа над всеми врагами России и православия и стремление эту идею рьяно отстаивать. Эта особенность выражается весьма простой формулой, высказанной на страницах «Окраин России»: «Великое событие для православной церкви совершилось в Полоцке и Православие теперь твердо стоит в этом исконно русском крае» [3, с. 334].

Главным признаком грядущей победы авторы, как правило, полагали единение всех слоев русского народа, которое, как предполагалось, было достигнуто в ходе Полоцких торжеств. Автор статьи «Святые огни» в газете «Русская земля» сравнивает православных святых с засиявшими в Сарове, Кашине и Полоцке огнями, которые во мраке современных смут «пробуждают народную душу» и ведут ее к свету. С умилением он описывает единый порыв простонародья и элит (в случае последних внимание акцентируется на роли великой княгини Елизаветы Федоровны):

«Народ, “бояре и князья” — собрались в Полоцке — на сретение Святой Настоятельницы, возвратившейся в свою обитель. У раки Святой Княжны — печальницы за родину — молится и наша княгиня, основавшая обитель христианского милосердия в Москве... И “смерды и знатные” собрались на празднике полоцком — всех их привлекли к себе святые спасительные огни!» [27, с. 2].

Показательны идеализированные образы представителей русского народа, приведенные на страницах газеты «Верность», которые, вне зависимости от степени их реалистичности, показывают, каким хотел видеть влияние Полоцких торжеств на народ правый публицист. Позиционируя свою статью как наблюдение за реальными богомольцами, автор под псевдонимом «Брат» особенное внимание уделяет двум персонажам. Один из них — «старик-белорус, сухой, с горящими глазами», который бросил свой крестьянский труд (“не до того теперь”) и теперь «умиленным, расстроганным голосом рассказывает он о тысячах народа, пришедших поклониться мощам, указывает на свое собственное настроение: “вышел, — в костях ломило, преподобной помолился, трое суток постился — и теперь здоров, жив-живехонек”». Другой яркий образ — «крестьянин из села Пашеевки», который пришел из-под Шклова поклониться мощам Евфросинии, закрыв глаза на то что «дома у него ксендзы не дают покоя: “или в костел иди, или прогонят с мызы”»: «И он пришел сюда, бросив службу, забыв о том, что завтра придется ему просить милостыню. Но все это он снесет для того, чтобы хоть раз помолиться “по-русски”». Говоря о «тысячах» крестьян, которые идут поклониться реликвии, «тратя последние гроши на покупку жития св. Евфросинии», автор восклицает: «Какая горячая вера в этом загнанном польскими панями и ксендзами белорусском крестьянине; как огромно это народное религиозное движение к светочу, к воплощению и торжеству святого и родного Православия!» [4, с. 2-3].

В целом, несмотря на, казалось бы, сугубо локальное значение св. Евфросинии Полоцкой, торжество перенесения ее мощей привлекло пристальное внимание российских правых из разных уголков Российской империи. Публикациями, посвященными преподобной княжне, отметились

практически все основные правые газеты, существовавшие в 1910 г., в той или иной степени на события обратили внимание публицисты из многих провинциальных городов, удаленных от Полоцка на тысячи километров — от Кишинева до Нижнего Новгорода. Уделяя не столь пристальное внимание главным для Витебской губернии проблемам, связанным, в первую очередь, с противостоянием католическому

прозелитизму и польскому национализму, они пытались разглядеть в Полоцких торжествах начало «возрождения» России — той России, которую они хотели видеть в будущем: лишенной проблем неверия и социальной розни, в которой русский народ, «сухой, с горящими глазами», как старик из одной из приведенных выше статей, в едином порыве стремится к возрождению своей «православной русской души».

Список литературы

1. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. — 439 с.
2. Боголюбивые братья христиане! // Русский стяг. 1910. №15. С. 120.
3. Богомолец. Обзорение событий и окраинная жизнь. Полоцк. // Окраины России. 1910. №22. С. 334.
4. Брат. Среди богомольцев // Верность. 1910. №20. С. 2-3.
5. Д. П. Совпадение не случайное // Русская земля. 1910. №102. С. 1.
6. Довгялло Д.И. Преподобная Евфросиния, моли Бога о нас! // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. №20. С. 464-467.
7. Издевательства и наглость католиков (письмо в редакцию) // Минское слово. 1910. №1. С. 6.
8. К перенесению мощей св. Евфросинии // Русская правда. 1910. №1002. С. 3.
9. К перенесению св. мощей Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (исторический очерк) // Козьма Минин. 1910. №18. С. 2.
10. К торжествам во славу преподобной Евфросинии Полоцкой // Русская земля. 1910. №102. С. 1.
11. Касович А.А. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. №2. С. 79-90.
12. Кашкаров И. Святая Евфросиния, моли Бога о нас // Русское знамя. 1910. №100. С. 1.
13. Матюшенский А., протоиерей. Заседание церковно-исторического кружка, посвященное памяти Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. №20. С. 479-482.
14. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // Полоцкие епархиальные ведомости. 1909. №15. С. 237-239.
15. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46383.
16. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48050.
17. Опарин С. Преподобная Евфросиния Полоцкая // Московские ведомости. 1910. №105. С. 1.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: V. Витебская губерния. Тетрадь 3 (последняя). СПб., 1903. — 282 с.
19. Перенесение мощей св. Евфросинии // Друг. 1910. №89. С. 2-3.
20. Полоцк в ожидании торжеств // Курская быль. 1910. №113. С. 2.
21. Преподобная княжна Евфросиния Полоцкая (К перенесению ея мощей из Киева в Полоцк) // Новороссийский край. 1910. №671. С. 4.
22. Родкевич И. Следование св. мощей преп. Евфросинии // Русское чтение. 1910. №103. С. 2.
23. Родэвальд Ш. «Пра Полацкую Венецыю»: Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. — да 1914 г.). Мінск: Лімарыус, 2020. — 632 с.
24. Романов С.Л. Празднование ликвидации Брестской церковной унии в городах и местечках Беларуси (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Белорусский исторический обзор. 2020. №4 (1). С. 107-135.

25. С. Г. К перенесению св. мощей Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой... (Исторический очерк) // Русское знамя. 1910. №88. С. 3.
26. Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. №25. С. 596-601.
27. Старый писатель. Святые огни // Русская земля. 1910. №112. С. 2.
28. Цимбаев К.Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42-51.
29. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеями в российской общественной жизни конца XIX - начала XX века // Вопросы истории. 2005. №11. С. 98-108.
30. Ярославль, 23-го Мая // Русский народ. 1910. №728. С. 1-2.
31. Strickland J. The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. New York: Holy Trinity Publications, 2013. — 305 p.

THE REACTION OF THE RUSSIAN RIGHT PRESS TO THE TRANSFER OF THE RELICS OF ST. EUPHROSINE OF POLOTSK FROM KYIV TO POLOTSK IN 1910.

The article is devoted to the understanding by Russian right-wing publicists of the significance of the ceremony of transferring the relics of St. Euphrosyne of Polotsk from Kyiv to Polotsk. Materials published on the pages of such periodicals as «Moskovskiyе Vedomosti», «Russkoye Znamya», «Russkiy Styag», «Okrainy Rossii», «Russkaya Zemlya», «Russkaya Pravda», etc. were used. Conservative publicists paid great attention to the celebration and, as a rule, tried to see in it one of the signs of the coming "revival" of Russia in the form in which they wanted to see it. It was assumed that the transfer of the relics of the venerable princess would contribute to the "awakening" of the Russian people, strengthening the positions of the Orthodox faith, devotion to which, in their opinion, is inherent in the soul of a Russian person by nature. The ceremony was also seen as a pledge of solving problems that were relevant for the beginning of the 20th century problems. The mood of right-wing publicists was characterized by extreme optimism. The challenges of modernity, which included the growth of Polish influence, the spread of Catholicism and the general decline in the level of religiosity of part of Russian society, as expected, would certainly be answered properly by uniting the united Orthodox Russian people. Transfer of the relics of St. Euphrosyne in Polotsk was considered one of the symbols of the future triumph.

Keywords: Euphrosyne of Polotsk, Polotsk, commemoration, periodicals, journalism, Orthodoxy, nationalism, conservatism

References

1. Bendin A.Yu. (2010) Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossijskoj imperii (1863-1914 gg.) [Problems of Religious Tolerance in the North-Western Territory of the Russian Empire (1863-1914)]. Minsk: BSU. 439 s.
2. Bogolyubivye brat'ya hristiane! (1910) [God-loving Christian brothers!] // Russkiy Styag. №15. S. 120.
3. Bogomolec. (1910) Obozrenie sobytij i okrainnaya zhizn'. Polock. [Review of events and outlying life. Polotsk] // Okrainy Rossii. №22. S. 334.
4. Brat. (1910) Sredi bogomol'cev [Among the pilgrims] // Vernost' №20. S. 2-3.
5. D. P. (1910) Sovpadenie ne sluchajnoe [Coincidence is not accidental] // Russkaya zemlya. №102. S. 1.
6. Dovgyallo D.I. (1910) Prepodobnaya Evfrosinie, moli Boga o nas! [Saint Euphrosyne, pray to God for us!] // Polockie eparhial'nye vedomosti. №20. S. 464-467.
7. Izdevatel'stva i naglost' katolikov (pis'mo v redakciju) (1910) [Bullying and impudence of Catholics (letter to the editor)] // Minskoe slovo. №1. S. 6.
8. K pereneseniyu moshchej sv. Evfrosinii (1910) [To the transfer of the relics of St. Euphrosyne] // Russkaya Pravda. №1002. S. 3.
9. K pereneseniyu sv. moshchej Prepodobnoj Evfrosinii, knyazhny Polockoj (istoricheskij ocherk) (1910) [To the transfer of St. relics of the Monk Euphrosyne, Princess of Polotsk (historical essay)] // Koz'ma Minin. №18. S. 2.
10. K torzhestvam vo slavu prepodobnoj Evfrosinii Polockoj (1910) [To the celebrations in honor of the Monk Euphrosyne of Polotsk] // Russkaya zemlya. №102. S. 1.
11. Kasovich A.A. (2010) Prazdnovanie yubileev Gryunval'dskoj bitvy v XX veke [Celebration of anniversaries of the Battle of Grunwald in the 20th century] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. №2. S. 79-90.
12. Kashkarov I. (1910) Svyataya Evfrosiniya, moli Boga o nas [Holy Euphrosyne, pray to God for us] // Russkoe znamya. №100. S. 1.

13. Matyushenskij A. (1910) Zasedanie cerkovno-istoricheskogo kruzhka, posvyashchennoe pamyati Prepodobnoj Evfrosinii, knyazhny Polockoj [Meeting of the Church History Circle Dedicated to the Memory of St. Euphrosyne, Princess of Polotsk] // Polockie eparhial'nye vedomosti. №20. S. 479-482.
14. Matyushenskij A. (1909) Popytki k pereneseniyu moshchej prepodobnoj Evfrosinii, knyazhny Polockoj (cerkovno-istoricheskaya spravka) [Attempts to transfer the relics of St. Euphrosyne, Princess of Polotsk (church-historical reference)] // Polockie eparhial'nye vedomosti. №15. S. 237-239.
15. National Historical Archives of Belarus. F. 1430. Op. 1. D. 46383.
16. National Historical Archives of Belarus. F. 1430. Op. 1. D. 48050.
17. Oparin S. (1910) Prepodobnaya Evfrosiniya Polockaya [Venerable Euphrosyne of Polotsk] // Moskovskie vedomosti. №105. S. 1.
18. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.: V. Vitebskaya guberniya. Tetrad' 3 (poslednyaya) (1903) [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897: V. Vitebsk province. Notebook 3 (last)]. St. Petersburg. 282 s.
19. Perenesenie moshchej sv. Evfrosinii (1910) [Transfer of the relics of St. Euphrosyne] // Drug. №89. S. 2-3.
20. Polock v ozhidanii torzhestv (1910) [Polotsk in anticipation of celebrations] // Kurskaya byl'. №113. S. 2.
21. Prepodobnaya knyazhna Evfrosiniya Polockaya (K pereneseniyu eya moshchej iz Kieva v Polock) (1910) [Reverend Princess Euphrosyne of Polotsk (On the Transfer of Her Relics from Kyiv to Polotsk)] // Novorossijskij kraj. №671. S. 4.
22. Rodkevich I. (1910) Sledovanie sv. moshchej prep. Evfrosinii [Following St. relics of St. Euphrosyne] // Russkoe chtenie. №103. S. 2.
23. Rohdevald S. (2020) «Pra Polackuyu Venecyyu»: Kalektyŭnyya dzeyanni sacyal'nyh grup gorada pamizh Uskhodnyaj i Central'naj Eŭropaj (Syarednyavechcha, ranni Novy chas, XIX st. – da 1914 g.) ["About Polotsk Venice": Collective actions of social groups of the city between Eastern and Central Europe (Middle Ages, early Modern times, XIX century - until 1914)]. Minsk: Limarius. 632 s.
24. Romanov S.L. (2020) Prazdnovanie likvidacii Brestskoj cerkovnoj unii v gorodah i mestechkah Belarusi (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Celebration of the liquidation of the Brest Church Union in the cities and towns of Belarus (second half of the 19th - early 20th centuries)] // Belorusskij istoricheskij obzor. №4 (1). S. 107-135.
25. S. G. (1910) K pereneseniyu sv. moshchej Prepodobnoj Evfrosinii, knyazhny Polockoj... (Istoricheskij ocherk) [To the transfer of St. relics of the Monk Euphrosyne, Princess of Polotsk ... (Historical essay)] // Russkoe znamya. №88. S. 3.
26. Sapunov A.P. (1910) Ocherk istoricheskikh sudeb pravoslaviya i russkoj narodnosti v Belorussii voobshche i v predelah Polockoj eparhii v chastnosti [Essay on the historical fate of Orthodoxy and the Russian people in Belarus in general and within the Polotsk diocese in particular] // Polockie eparhial'nye vedomosti. №25. S. 596-601.
27. Staryj pisatel'. (1910) Svyatye ogni [Holy fires] // Russkaya zemlya. №112. S. 2.
28. Tsimbaev K.N. (2005) Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvennye yubilei imperatorskoj Rossii [Orthodox Church and State Anniversaries of Imperial Russia] // Otechestvennaya istoriya. № 6. S. 42-51.
29. Tsimbaev K.N. (2005) Fenomen yubileemanii v rossijskoj obshchestvennoj zhizni konca XIX - nachala XX veka [Anniversary Mania Phenomenon in Russian Public Life in the Late 19th - Early 20th Century] // Voprosy istorii. №11. S. 98-108.
30. Yaroslavl', 23-go Maya (1910) [Yaroslavl, May 23] // Russkij narod. №728. S. 1-2.
31. Strickland J. (2013) The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. New York: Holy Trinity Publications. 305 p.

Об авторе

Короневский Виктор Ильич — лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), E-mail: iliich2000@mail.ru

Koronevskii Viktor Iliich — Research Assistant of St. Petersburg State University (Russia), E-mail: iliich2000@mail.ru

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия).

ЯНТАРНЫЙ БЕРЕГ В ЭПОХУ АТТИЛЫ

Представленные в статье свидетельства археологических и письменных источников неуклонно показывают участие германских и балтских обитателей окрестностей дельты р. Вислы в гуннских войнах на довольно кратком историческом отрезке — в эпоху власти Атиилы, соответственно — в сер. V в. н.э. Контакт эстиев и части северных германцев с населением Подунавья эпохи гуннских войн базировался как на янтарной торговле, так и на стремлении к обретению римских богатств. Часть их попала в руки воинов, уроженцев Северной Европы и Балтии и вместе с ними, возвращавшимися на родину, оказалась в земле пруссов.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, Самбия, эстии, пруссы, гуннские войны.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-69-78

Современный уровень развития, достигнутый археологической наукой в юго-восточной Балтии, создаёт возможность рассмотрения достаточно кратких временных отрезков истории населения Янтарного берега, в частности — в эпоху Атиилы. Он правил гуннами и покорёнными ими народами в 434–453 гг., т.е. — в конце фазы D₂ системы европейской хронологии Тишлера-Годловского-Тейрала (этап *Untersiebenbrunn*).

Как раз в это время в среде эстиев Янтарного берега формируется прусская¹ археологическая культура, для фазы D₂ для неё характерны арбалетовидные фибулы типа *Schnwarling/Skowarcz* [22, с. 64]. В погребальных древностях населения Самбии и её округи происходят изменения: урны начинают перекрывать камнями, с течением времени дробящими их верхние части. Возможно и нарочитое уничтожение урн [19, с. 7]. Этот феномен — маркер сложения одного из ведущих признаков обрядности раннесредневековой прусской культуры — безурновой кремации. К сер. V в. н.э. эта новая культура окончательно складывается на Янтарном берегу [19, с. 120]. Ещё 30 лет тому назад литовский археолог В.Г. Шименас высказал тезис о возвращении после битвы при Недао, завершившей эпоху владычества Атиилы, отрядов балтских воинов на Янтарный берег и в Поманья [25, с. 100]. Проблему контактов ранних пруссов с гуннской «державой» автор этих строк обозначил два десятилетия тому назад. Было выдвинуто предположение о том, что по инициативе одного из предшественников Атиилы на гуннском троне из Подунавья на Янтарный берег

были отправлены группы германцев с целью налаживания торговых (?) контактов с местными жителями. Показателем этой миграции «в приказном порядке» было появление в юго-восточной Балтии восточной версии декоративного стиля *Sozoveni-Scsdala* и формирование на западной границе балтского мира германоязычной общности *vidivarii* [8, с. 249].

Недавно известный парижский (ранее — ленинградский) коллега Михаил Михайлович Казанский выступил с тезисом об отсутствии гуннского влияния на Янтарном берегу в эпоху Атиилы, фактически тем самым поддержав тезис В. Новаковски о прусском «оазисе покоя» в бурную эпоху Атиилы [36, S. 429]. М.М. Казанский обозначил упомянутый феномен как результат своеобразной «блокады» пруссов со стороны соседствующих групп восточных германцев и, возможно, родственных балтов Занеманья [6, с. 142], правда, не назвав причину появления этой «блокады». При этом автор картировал пункты находок на Самбии предметов «дунайской традиции гуннского и постгуннского времени» [6, рис. 1]. Схожая ситуация на Янтарном берегу была реализована в позднеримское время, когда гепиды Эльблонгской возвышенности, являясь посредниками в янтарной торговле эстиев с Империей, отправляли поставщикам янтаря лишь бронзовую римскую монету, серебро и золото оставляя себе [16, с. 21]. Здесь мотив обмана эстиев германцами ясен: жажда обогащения в рамках посредничества в торговых операциях.

Судя по искажённым в тексте статьи топонимам юго-восточной Балтии, М.М. Казанский слабо ориентируется в прусской

© Кулаков В.И.

© Kulakov V.I.

¹ Термин основан на раннесредневековом этнониме «пруссы» и для V в. условен.

топонимии [6, с. 131] и совершенно не знает норм немецкого языка. Последнее сделало для парижского коллеги закрытой германоязычную литературу, по гуннскому вопросу. Русская историография по данной теме вообще не привлекла внимания М.М. Казанского, что, разумеется, значительно обеднило его работу.

Попробуем обратиться к проблеме наличия или отсутствия следов гуннского влияния в междуречье рек Вислы и Немана в эпоху правления Атиллы посредством привлечения данных прусской археологии.

В погребальной обрядности обитателей Самбии на пороге формирования прусской культуры отмечены черты, представленные в обрядности гуннского круга древностей. В погр. Н-35 могильника Ньненберг/Гора Великанов в западном и восточном бортах трапециевидной в плане могиле с группой остатков кремации выявлены грунтовые ступеньки, предназначенные для крепления деревянного перекрытия могилы. Данный комплекс датируется по элементам инвентаря временем ок. 450-500 гг. [6, с. 121] и находит аналогии в гуннском погребальном материале [2, с. 95]. Также степные погребальные традиции нашли своё отражение в устройстве могилы погр. Н-62 упомянутого могильника. Там по периметру могилы отмечены ямки от наклонных кольев, являвшихся каркасом для созданного над могилой шатра/юрты (рис. 1). По инвентарю данный комплекс датируется временем ок. 300-450 гг. [11, с. 213].

Распространившийся на Самбии с сер. V в. обычай помещать на дно воинской могилы или шкуру коня, или тушу коня с подогнутыми ногами характерны для кочевых традиций тюркских народов Центральной Азии [24, рис. 5,2] и, скорее всего, занесены на Янтарный берег под гуннским влиянием.

Наконец, на упоминавшемся выше могильнике Ньненберг/Гора Великанов в погр. Н-254 среди деталей снаряжения для верховой езды был обнаружен лежащий, очевидно, в истлевшей сумке из кожи или материи комплекс из ножниц, скребницы и шила [11, рис. 78]. Шило здесь является принадлежностью для добывания конской крови путём прокалывания шкуры коня и сцеживания крови в безопасных для ездового животного количествах. Подобный кочевой обычай стал известен европейским народам от гуннов, которые использовали

конскую кровь как экстраординарное питание в голодную пору [23, с. 261]. По деталям инвентаря погр. Н-254 датируется временем ок. 450-500 гг. н.э. [19, с. 127]. Кстати, степной по происхождению обычай питья прусской знатью кобыльего молока (кумыса ?) зафиксирован в IX в. Вульфстаном [21, с. 26]. Правда, этот феномен мог стать результатом контактов пруссов со степными народами постгуннского времени. Доказательства таких контактов обильно представлены в прусской археологии [34, S. 72-82].

В составе погребального инвентаря носителей прусской культуры на её ранней фазе также найдены маркеры влияния традиций гуннского времени. Они представлены обнаруженными на могильнике Warnikam/Первомайское сделанными на гончарном кругу сероглиняными кувшинами с лощёной поверхностью (рис. 2). М.М. Казанский, признав дунайское происхождение этих сосудов, отнёс их к фазе D₂ [6, с. 139], т.е. непосредственно к эпохе царствования Атиллы. Примечательно то, что и на одном из этих кувшинов, и в подобных сосудах гуннского времени в Подунавье присутствуют отверстия в ручке сосуда, предназначенные как для охлаждения жидкости в кувшине, так и для удобства её потребления (рис. 2,3,4). Парижский коллега забыл отметить, что погр. Wa-30 и Wa-31, из которых происходят эти кувшины, принадлежат знатым прусским воинам (дружинным вождям ?) с роскошным инвентарём, включавшим провинциально-римские шпоры группы Гинальски Н (импорт из Скандинавии или из пшеворского ареала — 12, с. 179) и нож-кинжал [9, с. 354]. Уникальная для Балтии посуда подчёркивает высокий социальный статус воинов, захороненных в погр. Wa-30 и Wa-31. В погр. Wa-1 и Wa-4 упомянутого могильника встречены фрагменты удила, покрытые золочёной бронзовой фольгой и многочисленные серебряные умбоны, соответствующие кочевой традиции сер. — второй пол. V в. н.э. [37, S. 57].

Упомянутый нож-кинжал распространяется на Янтарном берегу именно в гуннское время. Ошибочно называя эти специфические клинки «скрамасаксами», М.М. Казанский, опираясь на исследования Я. Прасолова, повторяет его тезис о местных и скандинавских прототипов этого вида клинкового оружия [6, с. 142], высказанный

мною ранее [14, с. 104]. При этом парижский коллега не пытается понять, для чего жители Янтарного берега использовали это специфическое оружие. Его уникальность заключается в том, что острие ножей-кинжалов имело шилообразную форму дл. до 3 см, а режущая поверхность одностороннего клинка никогда не затачивалась, что отличает это оружие от скрамасаксов с режущей стороной клинка. Такие специфические черты прямо указывают на особый способ применения ножей-кинжалов: колющие удары, наносимые в т.ч. в стыки между деталями доспехов противника. Это наблюдение позволило мне предложить версию тактики жителей Янтарного берега в эпоху гуннских войн [17, с. 30, 31]. Они, скорее всего, шли в процессе атаки вторым эшелоном после гуннов-лучников, добивая поражённых стрелами противников войска Аттилы (**рис. 3**). Две волны атакующих гуннов (сначала — лучники, затем — мечники) отмечены в письменных источниках [11, с. 265]. Вернувшиеся на родину владельцы ножей-кинжалов, влившиеся в общность видивариев, обладали в обществе Янтарного берега высоким социальным статусом [14, с. 104, 105]. Ножи-кинжалы стали важным маркером для ранней фазы прусской культуры.

Подробно исследуя пластинчатые и арбалетовидные фибулы сер. V в. н.э., известные в погребальных древностях Янтарного берега, М.М. Казанский совершенно справедливо отмечает присутствие в их массиве артефактов, своим происхождением связанных с захваченным в то время гуннами Средним Подунавьем [6, с. 132-136]. Они представлены в северной части Самбии и в её ближних окрестностях [6, рис. 1]) и в Мазурском Поозерье [31, р. 33]. Возможно, часть этого материала могла поступать в Балтию эпохи Аттилы в рамках интереса, проявлявшегося гуннами к янтарной торговле [31, р. 130].

К эпохе Аттилы может относиться шлем типа Spangenhelm (**рис. 4**), обнаруженный в зольнике на могильнике Dollkeim/Коврово [12, с. 179]. Такие шлемы, восходящие к сасанидским традициям III-IV вв. н.э., были характерны для восточно-римского оборонительного снаряжения V-VI вв. [30, р. 97, 99] и могли оказаться на берегах Балтики с воинами, вернувшимися с полей гуннских войн.

Кроме фибул, свидетельства контактов эстиев/прусов с гуннской «державой»

засвидетельствованы и в других находках. Так, например, гривны клада С из Hammerdorf/Młoteczno, ошибочно считавшиеся М.М. Казанским «скандинавским импортом» [3, с. 6], на самом деле являвшиеся римским *domatium* неким варварам, оформлены в традициях искусства гуннского круга этапа *Untersiebenbrunn* [33, S. 26] и связаны с общностью видивариев, сформировавшейся в устье Вислы в сер. V в. н.э. [34, s. 59] при участии жителей западного побережья Балтики [7, с. 109]. Клад С, включавший упомянутые гривны, являлся очевидным приношением видивариев их божествам в целях сакрализации обретенного ими участка (у Симона Грунау — *Hgrains Halba*) на западном рубеже прусского ареала [13, с. 88].

Путь скандинавов на поля войн эпохи Аттилы удобнее всего пролегал по Висле, по Великому янтарному пути, что обозначено распространением здесь находок североевропейского происхождения [5, с. 163]. Присутствие скандинавских воинов в сер. V в. н.э. в Паннонии археологически подтверждено [29, S. 229]. Путь от запада Балтии к Подунавью пролегал через побережье позднейшего Поморья в устье р. Вислы. Это зафиксировано находками на грунтовом могильнике *Czarnywk*, где были обнаружены скандинавские прототипы фибул со звёздчатой ножкой сер. V в. н.э. [27, S. 29, 30], позднее связанных с древностями видивариев. Их общность соответствовала малому «варварскому» королевству, одному из многих, возникших в эпоху гуннских войн по южному и юго-восточному берегам Балтики [4, с. 339].

Последний раз северные германцы пользовались Вислинским путём в 491 г., когда герулы пробирались из Подунавья на свою скандинавскую прародину [20, с. 86]). К этому времени в Восточной Германии прекращаются захоронения с искусственно деформированными по гуннскому обычаю черепами [29, S. 49-58]).

Видиварии оказали заметное влияние на древности обитателей Янтарного берега и участвовали в формировании прусской культуры. Этот факт отразился, в частности, на появлении черт керамики жителей о. Борнхольм на урнах Самбии V в. н.э. [15, с. 107].

Важнейшее свидетельство о ситуации на западной окраине балтского мира в эпоху Аттилы имеется в древнеанглийской поэме «Видсид», оставшейся, видимо, недоступной М.М. Казанскому. Об этих

событиях автор поэмы сообщает:

«...воевало там непрестанно

Войско хредов (т.е. — готов) в лесах у

Вистлы

Мечами точёными

Часто обороняя

Древний трон свой

От народа Этлы (т.е. — Аттилы)»

Среди этих германцев англо-саксонский сказитель упоминает двух персонажей, один из которых поразительно соответствует герою прусских сказаний Видевуту:

«Вудья и Хама

Хоть и в изгнаныи,

Мужами и жёнами

Державили, и златом» [1, с. 21, 22].

Это важнейшее письменное свидетельство, представленное в поэме IV-V вв. н.э., свидетельствует не только о пребывании гуннских или союзных им германских отрядов на границе балтского мира во время правления Аттилы, но и упоминает о вождях «готов» (очевидно, видивариев Йордана). Одного из них зовут Видья (готск. «Ведающий»), что созвучно с именем прусского легендарного князя Видевута [10, с. 48, 49].

С деятельностью видивариев следует,

очевидно, связать и клад С и другие клады в Hammersdorf/Młoteczno, а также 4 находки отдельных солидов, являвшихся свидетельством участия тех, кто их депонировал, в войнах против Империи в V в. [16, с. 19].

Представленные выше свидетельства различных источников неуклонно показывают участие германских и балтских обитателей окрестностей дельты р. Вислы в гуннских войнах на довольно кратком историческом отрезке — в эпоху власти Аттилы. К сожалению, наш парижский коллега М.М. Казанский не смог решить поставленную им в 2020 г. задачу выяснения контактов эстиев/прусов с «державой» Аттилы. Но польза в статье М.М. Казанского всё же есть: она стимулировала обращение к данной тематике автора этих строк.

Так что, отягощённые римским золотом ветераны гуннских войн благополучно возвращались на свою северную родину, оставляя свои следы на западной окраине балтского мира. Эти следы, не замеченные М.М. Казанским, чётко читаются в археологическом материале юго-восточной Балтии сер. V в. н.э.

Список литературы

1. Видсид. Древнеанглийская поэзия, М.: «Наука», 1982 - 250 Сс.
2. Засецкая И.П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV-V вв. // АСГЭ, т. 18, Л.: Издательство «Аврора», 1977 - С. 92-100.
3. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus, № 4, Кишинёв-СПб-Одесса-Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2010а - С. 1-111.
4. Казанский М.М. О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху Великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы, СПб.: ИИМК РАН, 2010б - С. 330-336.
5. Казанский М.М. Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов // Археологические вести, вып. 24, СПб: ИИМА РАН, 2018 - С. 153-167.
6. Казанский М.М. Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время // Археологические вести, вып. 27, СПб.: ИИМК, 2020 - С. 131-152.
7. Кулаков В.И. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск: ВКП «Арты-Фэкс». 1998 - С. 98-119.
8. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г., М.: «Индрик», 2003 - 364 С.
9. Кулаков В.И., Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // STRATUM plus "Между певкинами и феннами", № 4, Санкт-Петербург - Кишинёв — Одесса - Бухарест, 2003-2004 - С. 278-382.
10. Кулаков В.И. Боги Видевута // Letonica, vol. 10, Riga: Institute of Literature, Folklore and Art of the University Latvia, 2004 - С. 36-67.
11. Кулаков В.И. Ньенберг — «Гора Великанов». Могильник III-IV вв. на севере Самбии // Światowit Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa, 2014: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014 - С. 199-363.
12. Кулаков В.И. Внешние контакты эстиев по данным вооружения и конского

снаряжения // КСИА, вып. 241, М.: «Наука», 2015 - С. 173-183.

13. Кулаков В.И. Археологический комментарий к легенде о Видевуте //Историко-археологические записки, вып. III, Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016 - С. 86-97.

14. Кулаков В.И., О происхождении ножей-кинжалов // Записки ИИМК РАН, вып. 15, СПб.: ИИМК РАН, 2017 - С. 97-109.

15. Кулаков В.И. Внешние контакты эстиев в римское время (по данным погребальной керамики) // Матэрыялы па археологіі Беларусі, вып. 29, Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2018 - С. 106-115.

16. Кулаков В.И. Римские монеты в древностях эстиев (историографический экскурс) // Исторический формат, № 3-4, М., 2019а - С. 18-22.

17. Кулаков В.И. Тактика и приёмы боя пруссов // Stratum plus, № 5, СПб Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2019б - С. 29-38.

18. Кулаков В.И. Рубеж между древностями позднеримского периода и ранней фазой прусской культуры Самбии // Проблемы межрегиональных связей, вып. 15, М.-Калининград-Клайпеда: ООО «Аксиос», 2021 - С. 6-12.

19. Кулаков В.И., Тюрин Е.А. Комплексы V в. н.э. могильника «Гора Великанов» // РА, 2005, № 2, М.: «Наука», 2005 - С. 115-130.

20. Лавров В.В. Из истории скандинаво-причерноморских связей (II-IV вв. н.э.) // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 1997 - 272 С.

21. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий, М.: «Наука», 1979 - 267 С.

22. Медведев А.М. К вопросу о происхождении и хронологии украшений эпохи Великого переселения народов (фибулы типа Вильканцы) // Матэрыялы па археологіі Беларусі, вып. 17, Минск: РУП «Выдавецкі дом «Беларуская навука», 2009 - С. 63-77.

23. Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического Общества (ЗВОРАО), т. I (XXVI), СПб.: ИИМК, 2002 - С. 223-323.

24. Серёгин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований, Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2017 - С. 36-48.

25. Шименас В. Боевые ножи-кинжалы в Балтийском ареале в V-VI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли, Псков, 1992 - С. 96-100.

26. Andrzejowski J. Czarnywk, Fpl. 5. Vor- und frühgeschichtliche Grdberfelder in Pomern. Teil 1, Lębork-Warszawa: Muzeum w Lęborku, 2015 - 42 S.

27. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts, Teil 2, Katalog & Tafeln, Weissbach: Verlag Beier und Beran, 1999 - 156 S.

28. Bemann J. Eine völkerwanderungszeitliche Bestattung aus Epul, kom. Esztergom, mit Schwertriemendurchzügen skandinawischer Form // Mihalescu-Birliba V., Hriban C., Munteanu L. (ed.), Miscellanea romana-barbarica in Honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblate, Iași: Editura Academiei, 2006 - S. 217-246.

29. Bemann J. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert — eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donaauraum? // Schauder M. (herausgeb.), Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden, Awaren, Slawen, Bonn, 2008 - S. 145-228.

30. Biernacki A.B. Early Byzantine Iron Helmets from Novae (the Diocese of Thracia) // Bohlendorf-Arslan B., Ricci A. (ed.). Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts, Istanbul: MAS Matbaacilik A.S., 2012 - P. 91-104.

31. Bliujienė A., Curta F. Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (ad c 380 to c 620) // Medieval Archaeology, vol. 55, Swansea: Published on behalf of The Society for Medieval Archaeology, 2011 - P. 29-65.

32. Kontny B. How Did Amber Come in the Pontic Area in the Migration Period? // Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (ed.), The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956-2013, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2017 - P. 121-138.

33. Kulakov W. Herkunft der Halsringe aus Hammersdorf/Młoteczno // *Slavia Antiqua*, t. LII, Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2011 - S. 17-32.
34. Kulakov W. Zespól dwóch złotych naszyjników/pierścieni z Młoteczna (Hammersdorf) i grzywny typu R300 w krajach nadbałtyckich // *Pruthenia*, t. IX, Olsztyn, 2014 – S. 45-63.
35. Kulakov W. Die Prußen und die Welt der Steppe: die Konflikte und Kulturentlehnungen // *Contact zones of Europe from the 3rd Mill. BC to the 1st Mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings*, Moscow, 2017 - S. 72-82.
36. La Baume W. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreußen // *Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit*, 15. Jg., H. 11/12, Mit Unterstützung des Preussischen Ministeriums für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung. Hrsg. von Martin Jahn. Leipzig: Verlag von Kurt Kabitzzsch, 1939 - S. 297-300.
37. Nowakowski W. Nördlich der Olsztyn-Gruppe. Der völkerwanderungszeitlichen Gräberfelder an der mittleren Alle // *Terra Barbarica*, t. II, Łódź-Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2010 - S. 423-432.
38. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehuf des 5. Jahrhunderts n. Chr. // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 39, Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 2007 - S. 35-64.
39. Prussia-Archiv, Museum für Ur- und Frühgeschichte, Berlin

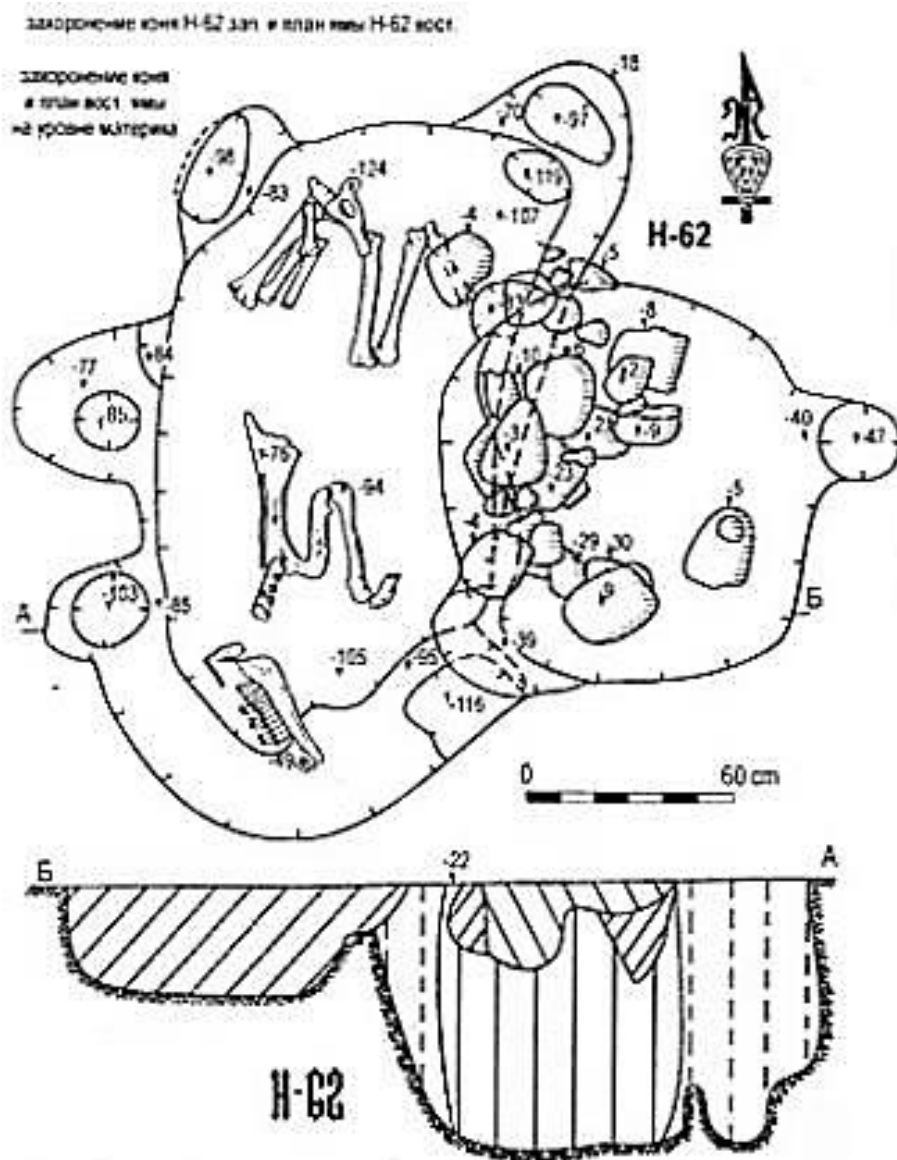

Рис. 1. План и сечение конского захоронения в погр. Н-62 могильника Ньенберг/Гора Великанов [11, рис. 34].

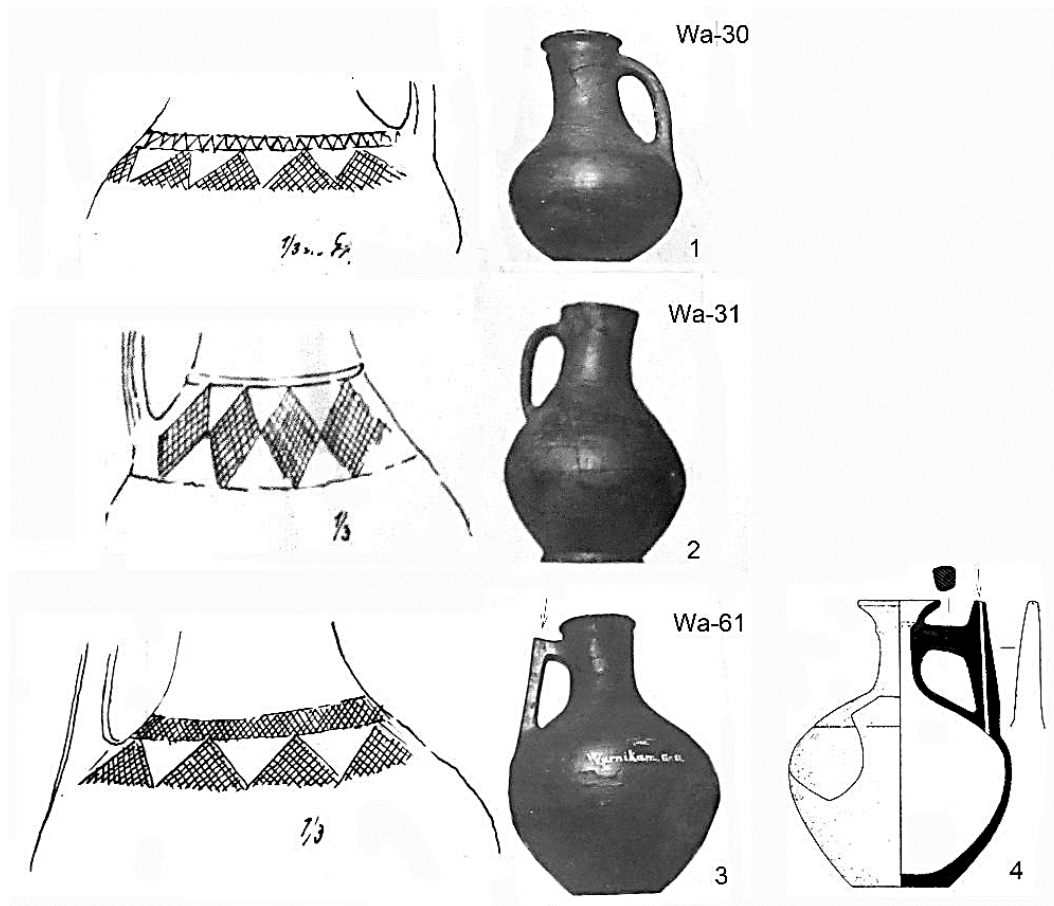

Рис. 2. Лощёные кувшины в древностях Балтии и Среднего Подунавья: 1-3 — кувшины из погребений могильника Warnikam/Первомайское: 1 — погр. Wa-30, 2 — погр. Wa-31, 3 — погр. Wa-61 [39, Signatur PM-A, 612/1]; 4 — погр. 3 могильника Wien-Leopoldau [28, Taf. 50,6].

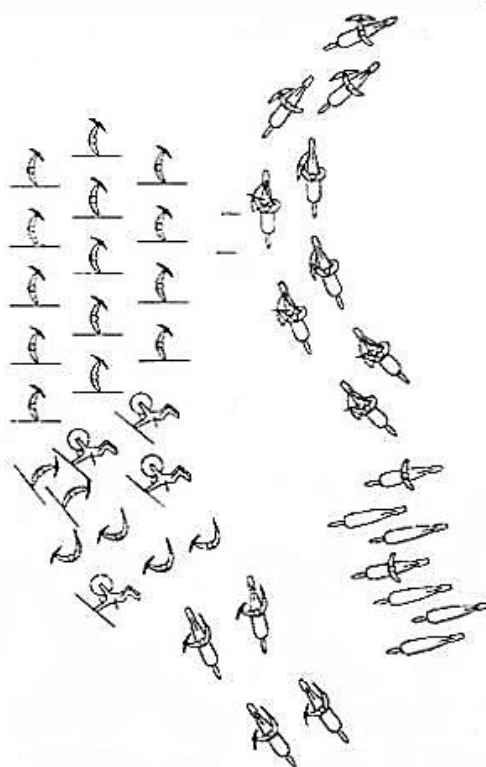

Рис. 3. Реконструкция совместной атаки лучников-гуннов и пруссов, вооружённых ножами-кинжалами[17, рис. 2].

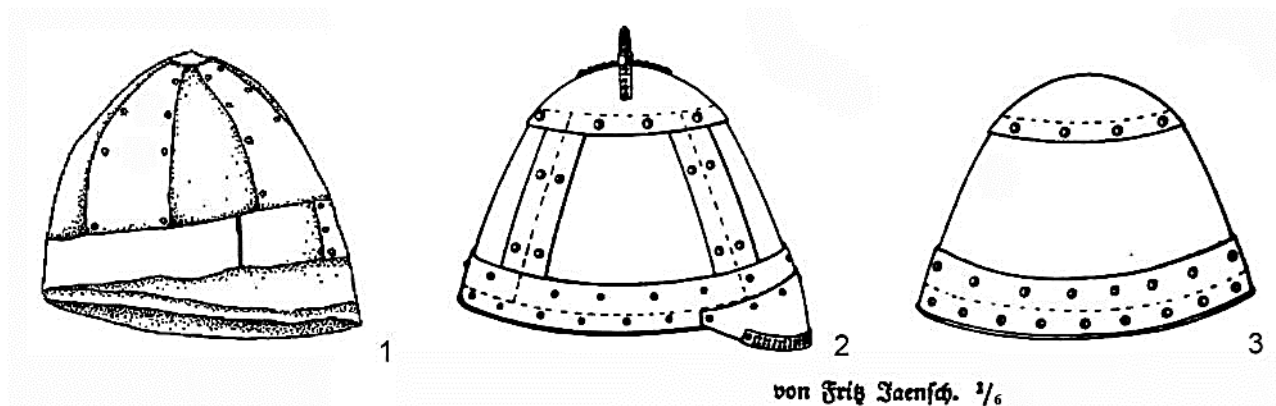

Рис. 4. Позднеримские шлемы типа Spangenhelm: 1 – Novae (Болгария), 2, 3 – Dollkeim/Коврово (Самбия) [30, fig. 8; 2, 3 – 36, Abb. 1-2].

Список сокращений

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
М. – Москва
СПб – Санкт-Петербург

AMBER COAST IN THE AGE OF ATILA

The evidence presented in the article from archaeological and written sources consistently shows the participation of Germanic and Baltic inhabitants of the vicinity of the river delta. Vistula in the Hunnic wars on a rather short historical period - during the era of Attila's rule, respectively - in the middle. V century AD The contact of the Aestians and part of the northern Germans with the population of the Danube during the Hunnic Wars was based both on the amber trade and on the desire to acquire Roman wealth. Some of them fell into the hands of warriors, natives of Northern Europe and the Baltic States, and together with them, returning to their homeland, ended up in the land of the Prussians.

Keywords: southeastern Baltic, Sambia, Aestii, Prussians, Hunnic wars.

References

1. Vidsid. Old English poetry, M.: "Science", 1982 - 250 pp.
2. Zasetzkaya I.P. On the role of the Huns in the formation of the culture of the South Russians steppes of the late 4th-5th centuries // ASGE, vol. 18, L.: Publishing house "Aurora", 1977 - S. 92-100.
3. Kazansky M.M. Scandinavian fur trade and the "Eastern Route" in the era resettlement of peoples // Stratum plus, no. 4, Chisinau-SPb-Odessa-Bucharest: Higher Anthropological School, 2010a - pp. 1-111.
4. Kazansky M.M. About contacts of the population of the territory of Eastern Estonia and Scandinavia in the era of the Great Nations Migration // Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe, St. Petersburg: IIMK RAS, 2010b - pp. 330-336.
5. Kazansky M.M. Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of the Eastern Baltics with Byzantium in the era of migration of peoples // Archaeological news, vol. 24, St. Petersburg: IIMA RAN, 2018 - pp. 153-167.
6. Kazansky M.M. Estia and Attila: on the contacts of the Sambian-Natangian population culture with the Middle Danube in the Hunnic and post-Hunnic times // Archaeological news, vol. 27, St. Petersburg: IIMK, 2020 - S. 131-152.
7. Kulakov V.I. Holibo. Interfluve Ilfing and Frisching in the 5th century. // Gistarychna-archaeological collection. № 13. Minsk: VKP "Arty-Fax". 1998 - S. 98-119.
8. Kulakov V.I. History of Prussia until 1283, M.: "Indrik", 2003 - 364 p.
9. Kulakov V.I., Archaeological criteria for the social history of the Amber Coast in I-XI centuries. AD // STRATUM plus "Between singers and fenns", No. 4, St. Petersburg - Chisinau - Odessa - Bucharest, 2003-2004 - pp. 278-382.
10. Kulakov V.I. Gods of Videuta // Letonica, vol. 10, Riga: Institute of Literature, Folklore and Art of the University Latvia, 2004 - pp. 36-67.
11. Kulakov V.I. Њьненберг - "Mountain of the Giants". Burial ground III-IV centuries. in the north Sambia // Światowit Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa, 2014: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014 - pp. 199-363.

12. Kulakov V.I. External contacts of aesties according to weapons and horse equipment // KSIA, vol. 241, M.: "Science", 2015 - S. 173-183.
13. Kulakov V.I. Archaeological commentary on the legend of Videvut // Historical and archaeological notes, vol. III, Zimovniki: Zimovnikovsky Museum of Local Lore, 2016 - pp. 86-97.
14. Kulakov V.I., On the origin of knives-daggers // Notes of the IIMK RAS no. 15, St. Petersburg.: IIMK RAN, 2017 - pp. 97-109.
15. Kulakov V.I. External contacts of the Aestians in Roman times (according to burial ceramics) // Materials pa archeologii Belarusi, vol. 29, Minsk: Installed histors of the National Academy of Sciences of Belarus, 2018 - pp. 106-115.
16. Kulakov V.I. Roman coins in the antiquities of the Aestians (historiographic excursion) // Historical format, No. 3-4, M., 2019a - pp. 18-22.
17. Kulakov V.I. Tactics and techniques of battle of the Prussians // Stratum plus, no. 5, St. Petersburg Chisinau-Odessa-Bucharest, 2019b - pp. 29-38.
18. Kulakov V.I. The boundary between the antiquities of the late Roman period and the early phase of the Prussian culture of Sambia // Problems of interregional relations, vol. 15, M.-Kaliningrad-Klaipeda: LLC "Axios", 2021 - p. 6-12.
19. Kulakov V.I., Tyurin E.A. Complexes of the 5th century AD burial ground "Mountain Giants" // RA, 2005, No. 2, M.: "Science", 2005 - pp. 115-130.
20. Lavrov V.V. From the history of the Scandinavian-Black Sea relations (II-IV centuries AD) // First Scandinavian Readings. Ethnographic and cultural-historical aspects. SMb.: MAE RAN, 1997 - 272 p.
21. Matuzova V.I. English medieval sources IX-XIII centuries, Texts, translation, commentary, M.: "Science", 1979 - 267 p.
22. Medvedev A.M. To the question of the origin and chronology of jewelry of the era Of the Great Migration of Peoples (fibula of the Vilkantsy type) // Materials pa archeologii Belarusi, vol. 17, Minsk: RUE "Vydavetsky House" Belaruskaya Navuka", 2009 - pp. 63-77.
23. V.P. Nikonorov. Military affairs of the European Huns in the light of the data of the Greek Latin written tradition // Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society (ZVORAO), vol. I (XXVI), St. Petersburg: IIMK, 2002 - pp. 223-323.
24. Seregin N.N. Separate burials of horses in ritual practice early medieval Turks of Central Asia // Theory and practice of archaeological research, Barnaul: Altai State University Publishing House, 2017 - pp. 36-48.
26. Shimenas V. Combat knife-daggers in the Baltic area in the V-VI centuries. // Archeology and history of Pskov and the Pskov land, Pskov, 1992 - pp. 96-100.
27. Andrzejowski J. Czarnywk, Fpl. 5. Vor- und frhgeschichtliche Grdberfelder in Pomern. Teil 1, Lębork-Warszawa: Muzeum w Lęborku, 2015 - 42 S.
28. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts, Teil 2, Katalog & Tafeln, Weissbach: Verlag Beier und Beran, 1999 - 156 S.
29. Bemann J. Eine vulkerwanderungszeitliche Bestattung aus Epul, kom. Esztergom, mit Schwertriemendurchzügen skandinavischer Form // Mihalescu-Birliba V., Hriban C., Munteanu L. (ed.), Miscellania romana-barbarica in Honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblate, Iași: Editura Academiei, 2006 - S. 217-246.
29. Bemann J. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert – eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donaauraum? // Schauder M. (herausgeb.), Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden, Awaren, Slawen, Bonn, 2008 - S. 145-228.
30. Biernacki A.B. Early Byzantine Iron Helmets from Novae (the Diocese of Trace) // Bohlendorf-Arslan B., Ricci A. (ed.). Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts, Istanbul: MAS Matbaacilik A.S., 2012 - P. 91-104.
31. Bliujienė A., Curta F. Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (ad c 380 to c 620) // Medieval Archaeology, vol. 55, Swansea: Published on behalf of The Society for Medieval Archaeology, 2011 - P. 29-65.
32. Kontny B. How Dit Amber Come in the Pontic Area in the Migration Period? // Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (ed.), The Crimea and the Norten Black Sea Coast in Archaeological Research 1956-2013, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2017 - P. 121-138.

33. Kulakov W. Herkunft der Halsringe aus Hammersdorf/Młoteczno // *Slavia Antiqua*, t. LII, Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2011 - S. 17-32.
34. Kulakov W. Zespyl dwuch złotych naszyjnikyw/pierścieni z Młoteczna (Hammersdorf) i grzywny typu R300 w krajach nadbałtyckich // *Pruthenia*, t. IX, Olsztyn, 2014 – S. 45-63.
35. Kulakov W. Die Prußen und die Welt der Steppe: die Konflikte und Kulturentlehnungen // *Contact zones of Europe from the 3rd Mill. BC to the 1st Mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings*, Moscow, 2017 - S. 72-82.
36. La Baume W. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreußen // *Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit*, 15. Jg., H. 11/12, Mit Unterstützung des Preussischen Ministeriums für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung. Hrsg. von Martin Jahn. Leipzig: Verlag von Kurt Kabitzzsch, 1939 - S. 297-300.
37. Nowakowski W. Nördlich der Olsztyn-Gruppe. Der vulkerwanderungszeitlichen Gräberfelder an der mittleren Alle // *Terra Barbarica*, t. II, Łódź-Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2010 - S. 423-432.
38. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzans. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehuf des 5. Jahrhunderts n. Chr. // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 39, Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 2007 - S. 35-64.
39. Prussia-Archiv, Museum für Ur- und Frühgeschichte, Berlin

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich - Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

Лупанова Е.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей М.В. Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Россия)

ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ В ВЕЛИКОСВЕТСКИХ САЛОНАХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Физические и химические опыты привлекают к себе внимание как яркие необычные зрелища, что активно используется как элемент мотивации к изучению предмета в педагогике и в музейном деле. История научно-популярных шоу в России восходит к первым десятилетиям работы Санкт-Петербургской Академии наук и Кунсткамеры. Постепенно набиравшая силу мода достигла пика к последнему десятилетию XVIII в. и нашла зримое воплощение в виде ряда изданий, адресованных широкому кругу читающей публики. В них раскрывались секреты различных «увеселений», основанные на современном научном знании законов природы. Подобная литература до сих пор никогда не рассматривалась в качестве исторического источника. Она позволяет по-новому взглянуть на процесс развития просвещения в российском обществе. Наиболее ранние из изданий характеризуются как самые близкие к идее популяризации науки, поздние – как в большей степени тяготеющие к чисто развлекательной литературе, промежуточные – как самые насыщенные информацией практического значения. Развитие жанра, очевидно, шло путем удовлетворения общественного запроса, нацеленного на развлечения и тяготившимся излишними объяснениями. В статье проводится аналогия с тенденциями современного развития научно-технических проектов.

Ключевые слова: технические и естественнонаучные музеи, просветительские проекты, популяризация знаний, научные опыты, шоу, фокусы, светские развлечения, образование.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-79-87

Интерактивные музеи занимательной науки позиционируют себя в культурно-образовательном пространстве в качестве инновационной формы организации выставочного пространства. Сама возможность их организации обычно напрямую связывается с новейшими техническими достижениями [16; 21]. Одновременно подвергается пересмотру значение традиционных музейных экспозиций в современной культурой жизни. Приоритеты сохранения наследия, выполнения научных и просветительских функций уступают место усилению развлекательного и интерактивного начала. В организации учебного процесса всех ступеней обучения также возрастает значение увлекательной подачи материала, его наглядности и практической значимости. Издания с описаниями и объяснениями различных физических и химических явлений имеют большую популярность среди современной читательской аудитории, особенно часто их приобретают для детей 5–12-летнего возраста. Ребята той же возрастной группы являются наиболее активными и благодарными посетителями интерактивных выставочных пространств, научно-популярных шоу, технических кружков и тематических лагерей системы дополнительного образования.

Подходя к вопросу с исторической

точки зрения, нетрудно обнаружить, что корни названных новых веяний уходят в глубокое прошлое становления научного знания. Эпоха Просвещения характеризуется двумя мощными тенденциями – появления общественного запроса на доступ к научным знаниям и благам современного прогресса, с одной стороны; и желанием ученых популяризовать достижения во имя «общего блага», с другой стороны. В России одним из ярчайших их проявлений стало создание Кунсткамеры – первого общедоступного музея, работавшего на протяжении большей части своей истории как органичная часть Академии наук. По изначальному замыслу Кунсткамера была своеобразной визуализированной энциклопедией, где под одной крышей был представлен весь мир во всем его многообразии – от слона до мельчайших представителей животного и растительного мира, которых можно было рассматривать при помощи оптических приспособлений; от Обсерватории до собраний Минерального кабинета; от младенцев с врожденными аномалиями развития до прекраснейших образцов художественного творчества и ювелирного мастерства. С первых дней работы музея просветительская деятельность была одной из трех важнейших, наряду с научно-исследовательской и собирательской. В свою очередь,

значимой составляющей работы с посетителями был показ физических и химических опытов. Демонстрация необычных с обывательской точки зрения явлений должна была стимулировать дальнейший интерес к познанию мира, способствовать распространению знаний и (в случае их демонстрации узкому элитарному кругу с использованием редкого и дорогостоящего оборудования) увеличению финансирования исследований [9; 10; 18].

В России второй половины XVIII в. росту популярности подобных развлечений способствовала ситуация, сложившаяся в индустрии развлечений: во-первых, это увеличение разрыва между народной и элитарной культурой с постоянным усилением тяги последней к вестернизации; во-вторых, произошедший в Европе поворот в искусстве иллюзионизма. Утонченная просвещенная публика гнушалась традициями ярмарочных балаганов, а участвовавшие случаи мошенничества при демонстрации фокусов (исчезновение или подмена ценных вещей) дополнительно дискредитировали популярные до той поры трюки даже на ярмарках. На этой волне наиболее привлекательными рекламными слоганами становились «представление *натуральной* магии», противопоставлявшейся общению с духами – в век Просвещения спиритизм должен был интересовать только необразованную чернь все еще верившую средневековым сказкам. В противоположность ей посетители великосветских салонов хотели развлекаться зрелищами, основанными «подлинном и точном знании физики и химии» [4].

Названные явления, а также конкуренция в сфере шоу-бизнеса, имели следствием появление изданий, представлявших собой объяснения природы различных трюков и техники их исполнения. Первые печатные (и даже более ранние рукописные) опыты таких сборников обнаруживаются еще в средневековой Европе. В последней четверти XVIII – начале XIX в. они начали издаваться и в нашей стране, сразу приобрели необычайную популярность среди читающей публики, охотно приобретались и издавались вновь. Авторы ссылались на европейские вторитеты в области знания различных физических и химических «увеселений» и предлагали читателям скрасить досуг в светском обществе демонстрацией необычных явлений.

Большинство таких книг, как следует

из титульных листов, было сборниками авторизованных переводов. Адресованные не слишком искушенной и требовательной публике, издания не отличались тщательностью предпечатной подготовки – попытки определения последовательности представления опытов явно были бы приписыванием составителям чуждых им идей (небольшим исключением из этого правила является книга 1817 г., где опыты Дж. Пинетты, по всей видимости, являющиеся переводом английского издания 1784 г. [26], выделены в специальный раздел); некоторые опыты повторяются в одной и той же книге по два раза. Выбор «куриозитетов» и порядок их представления был различным в каждом издании. Целый ряд, описанных в издании 1781 г., не был включен в последующие, зато на их месте появились другие.

Источниковой базой для написания статьи послужила работа с семью изданиями – два 1791 [8; 11], 1795 [22], 1798–1804 [6], 1801 [13], 1810 [24] и 1817 [5] гг., позволяющими проследить эволюцию литературы данного рода. Некоторые описания повторяются из одного в другое с различной степенью вариативности – дословно, с небольшими изменениями, или в вольном пересказе. Нетрудно заметить целые блоки точно воспроизведенные в книге 1810 г. по изданию 1781 г. и затем – с преимущественно стилистической правкой в 1817 г.

Значительный объем каждого из названных изданий занимают описания трюков с раскрытием техники постановки. Например, читатель мог удивить своих знакомых варкой яйца в руке, предварительно вылив через небольшое отверстие (затем герметично залепленное и замаскированное) часть белка и влив внутрь крепкую водку; мнимым оживлением жаренной курицы (птицу следовало предварительно ошипать, вымазать смесью, имитирующую панировку и румяную корочку и накормить снотворным) или застреленной ласточки (на самом деле оглушенной холостым выстрелом); привидением в движение различных предметов при помощи магнитов или электростатической машины; созданием искусственной радуги или грозового раската и многочисленными другими трюками.

Давно устоявшиеся к XVIII в. традиции искусства иллюзионистов включали в себя, помимо собственно фокусов и трюков, ментализм (угадывание мыслей),

вентрологию (чрево вещание), демонстрацию физических и химических опытов, работы сложных технических устройств. Непременным элементом развлекательных мероприятий являлись занимательные задачи, демонстрация навыков необыкновенно быстрого устного счета и рассказы об интересных случаях, поэтому анекдоты, логические задачи с решениями и приемы вычислений включались в сборники, наряду с рецептами симпатических чернил и секретами демонстрации целостности только что разрезанного предмета. Примеры каждого из названных видов шоу легко обнаруживаются во всех рассматриваемых изданиях. Три книги (1791 Декрана, 1810 и 1817 гг.) ограничиваются только этим. «Физические увеселения» 1801 г. имеет небольшое к тому дополнение в виде предисловия, в котором рассказывается о театре Дж. Пинетти.

Несколько отличается «Словарь натурального волшебства», при составлении которого использовалась обратная логика по сравнению с другими книгами – на первом месте и в центре внимания находятся не трюки для публичной демонстрации, а удивительные физические и химические явления и возможности использования знаний о них для решения различных практических задач. Описания опытов содержатся не в каждой статье, чаще заменяются на любопытные наблюдения, случаи из жизни или полезные советы. Как и в других изданиях, здесь эпизодически присутствует информация об истории того или иного открытия, но здесь можно проследить существенно меньше аналогий с текстами других книг, степень оригинальности значительно более высокая. Материал организован по словарному принципу. Статьи различны по содержанию. Некоторые из них имеют более научное содержание (как например, «натура», «натуральные дарования», темперамент, пульс, прививание, облака, оптика, призма, эхо); другие – только курьезные опыты или случаи; третьи – бытовые полезные советы; четвертые объединяют любопытные факты или полезные советы с научным объяснением явления. Наряду с ними даны также определения некоторых предметов, авторский выбор которых объясняется исключительно личным интересом – ножицы, нужник, обелиск и т.д. Эта книга, как и многотомник 1798–1804 гг. изобилует советами на все случаи жизни – способы

удобрения почв для разных растений, профилактики гниения тех или иных материалов, предотвращения пожаров; рецепты приготовления вин и пива, искусственного воска, всевозможных красок и чернил, средств для борьбы с грызунами и насекомыми, способы выведения пятен с одежды и с бумаги, обработки бумаги для использования ее вместо оконного стекла; сооружения теплиц и ледников, заменявших нашим предкам холодильник; оригинальная маскировка головы в выдолбленной тычке при охоте на уток и многое другое.

Еще сильнее отличается от других изданий отличаются девятитомные «Открытые тайны древних магов и чародеев или волшебные силы природы в пользу и увеселение употребленные». Это издание солидного вида выходило с 1798 по 1804 гг. и стало подлинной энциклопедией подобного рода «чудес». Каждый раздел содержит подробное изложение сути явления, историю его исследования, освещаются некоторые спорные вопросы; далее следуют рекомендации по демонстрации различных опытов и, наконец, полезные советы на разные случаи жизни. Каждый выпуск состоял из разделов: опыты электрические, химические, опыты с красками, опыты над ружейным порохом, опыты над металлами, опыты магнетические, оптические, механические, экономические, «верные домашние средства в болезнях человеческих» (иногда дополнявшийся разделом «домашние средства в болезнях скотских»), «опыты смешанные». Первый выпуск отличается наличием специального раздела об «увеселениях» Дж. Пинетти, третий – об аэростатических опытах (вниманию читателей предлагался рассказ о технике сооружения воздушных шаров, об удачных и неудачных опытах полетов, об экспериментах со сбрасыванием предметов с высоты с зонтом и без; приведены рассуждения о возможностях изготовления парашюта, но ничего не говорится о реализации этой идеи на практике), выпуски с четвертого по шестой – главой «Увеселения числами производимыми» (магические квадраты и треугольники, свойства прогрессий, логические задачи, карточные фокусы). Первый раздел посвящен наиболее удивительному с точки зрения автора явлению: «Естьли что либо в Натуре может иметь право к получению страшного имени Магии, конечно не иное, кроме странных явлений электрической силы» [6, ч.1, с.1]. Помимо описания принципов устройства электростатической

машины, опытов по демонстрации искр и разных звуков, приведению в движение различных фигурок, здесь представлена «электрическая лампада», которая могла светить до одного часа, способы сооружения громоотводов, использование электричества для стимулирования роста растений и в медицинских целях. Химические опыты представлены читателю как связанные с «парами или чадами», но далее, внутри раздела, приводится ряд опытов и без использования газов.

Все семь изданий объединяет общий дух организации зрелищ для публики. Среди сюжетов, привлекавших устойчивый интерес и потому не сходящих со страниц печати, можно выделить:

- оживление неживого или убитого («выкрасить живые раки», «говорящая голова» и т.п.),
- с погашением пламени на значительном расстоянии,
- оптические иллюзии,
- опыты с огнем (горение в воде, использование оптики для поджигания, самовоспламенение и т.п.),
- магнитные явления (на них же основан ряд трюков с отгадыванием карт и чисел, разговоров с «потусторонними силами»),
- имитация атмосферных явлений в помещении (облака, радуга, молния),
- различные опыты с растениями (яблоки в узкогорлых бутылках, получение укропа из семян за 4 часа и т.п.),
- опыты с пистолетами (создание иллюзии невероятной меткости, простреливание доски свечой, «ловля» пули рукой или ртом и т.п.).

Два наиболее ранних из рассматриваемых изданий следует характеризовать как наиболее близкие к идее популяризации науки, три наиболее поздних – как в большей степени тяготеющее к чисто развлекательной литературе, два промежуточных – как самые насыщенные информацией практического значения. В книге 1781 г. пусть и эпизодически, но встречаются отсылки к конкретным опытам и доказательствам ученых (не только перечисление их фамилий на титульном листе, как в двух последующих), объяснение физических и химических закономерностей. Более подробны и многочисленны описания опытов с таким сложным и малоизученным явлением как электричество, от чего почти полностью отказались составители трех поздних изданий.

Особенно показательными в плане

эволюции жанра являются последние разделы изданий 1781 и 1817 г. В первом случае он представляет собой краткий популярный учебник химии на 50 страницах, включающий в себя определение и толкование таких понятий как соли, кислоты, металлы, «горючее вещество» (распространенная в то время и опровергнутая впоследствии теория флогистона), «сходство» (реакции соединения), растворы, осадки и др. Во книге 1817 г. заключительный раздел занимает более 60 страниц более мелким шрифтом и включает в себя ряд удивительных историй: описание механического кабинета некоего господина Галла («Орган, играющий сам собою, змея искусственная, механические птицы, машины, шахматные игроки»), казалось бы, с присутствием описания общего принципа действия каждой из диковин, но с информацией, явно недостаточной для воспроизведения. Сюда же под заголовком «Особенное происшествие научиться кричать помладенчески» включена запись автобиографии бродячего артиста (эта история дословно повторяется по изданию 1810 г., где она помещена одной из первых). Еще одним разделом заключительной части в книге 1817 г. является «Жилище и домашние уборы гадательницы, которая перерезывает и опять исцеляет подвязки и ленты разными образами; отгадывает сумму денег, какую кто имеет в своем кошельке, предсказывает приключения и свадьбы; узнает имена особ присутствующих и отсутствующих и проч.».

Интересно отметить, что наряду с прочими удивительными фактами во всех изданиях описаны некоторые приемы черчения, смешивания красок, угадывания чисел и математические закономерности. С точки зрения современного восприятия, они не являются зрелищными; и хотя присутствуют в виде популярных в молодежной среде «мемов» и «лайфхаков» социальных сетей, практически не используются при монтаже музейных экспозиций или составлении научно-популярных шоу. В обществе, где мало кому приходится вручную чертить или изготавливать чернила, а большинство математических операций выполняется если не на компьютере, то на встроенном в телефон калькуляторе, такие фокусы перестали удивлять.

Восприятие искусства иллюзионистов как род причастности к тайным знаниям

способствовало тому, что к ним часто обращались с просьбами исцелить различные недуги. Во время недолгих остановок бродячие артисты выполняли, помимо основной, работу фельдшеров, зубодеров, ветеринаров. Соответственно, и в изданиях включены различные рецепты исцеления недугов. Особенно богаты ими издания 1795 и 1798–1804 гг. Среди рецептов заготовления травяных сборов, мазей, настоев, многие из которых действительно могут использоваться в качестве лекарств (сейчас бы их охарактеризовали как средства народной медицины; в условиях процесса формирования фармакологии их корректнее соотносить с продукцией аптек), в таких разделах можно прочесть о свойствах талисманов и найти советы о том, как вызывать духов, привлекать к себе удачу в азартных играх, видеть под землей клады, или заставить лошадь за день пробежать недельное расстояние. Рецепт изготовления кольца, делающего человека невидимым, завершается ироническим комментарием: «Преполезная вещь! Когда б могла быть в самом деле; но только не для доброго намерения. С чистой совестью не прячутся» [6, ч.8, с.410], а изложение способа изготовления «алхимической воды небесной или всеобщего лекарства» увенчан еще более ёмкой фразой «Прощай! Лекари без хлеба» [6, ч.8, с.425–427]. Хотя и в этом месте, и в целом ряде других достаточно написано о вреде предрассудков, о том, что средневековая вера в астрологию и алхимию неприлична в современном обществе просвещенных людей, наверняка, многие читатели пропускали эти пассажи и проверяли на практике действие «философского камня» или подвески с засушенным цветком ноготка, обладатель которой «живет со всеми в ладу» [6, ч.8, с.412–429].

Развитие жанра, очевидно, шло путем удовлетворения запроса светского общества, жаждавшего развлечений и тяготившимся излишними объяснениями физических и химических законов. Энтузиазм общественного запроса на получение знаний стал быстро угасать после первых контактов с миром науки, уступив место желанию лишь наслаждаться зрелищем. По тому же пути развивается и современная индустрия просветительских проектов научно-технических музеев – за последние десятилетия прослеживается отчетливая тенденция сокращения текстового материала, упрощения экскурсий

и лекций при увеличении «вау-эффектов» и интерактивной составляющей. На страницах специальных изданий профессионалы активно обсуждают дальнейшие перспективы адаптации музейно-выставочных пространств к динамично меняющимся запросам современных посетителей [2; 7; 12; 15; 19; 25]. Опыты по внедрению в учебный процесс обязательной проектной деятельности или включению в пособия развлекательных элементов в виде, например, задач про Красную Шапочку, которую с середины пути подвозит к домику бабушки Серый волк [3, с.22], не ведут к массовому повышению мотивации учения. В первом случае задание, требующее творческого решения, на деле подменяется бюрократической имитацией такового, а во втором развлекательные элементы воспринимаются как ценные сами по себе (также как, например, самовоспламеняющаяся жидкость), не побуждая желания разобраться в природе явления и вычислить закономерность [1; 14; 17]. Представляется, что проблема современных музеев и других центров научно-технического просвещения намного глубже и острее по сравнению с процессами, наблюдавшимися 200 лет назад.

Современная молодежь в массе – это люди, сформировавшиеся в условиях информационного переизбытка и сенсорной депривации [20; 23]. Стремясь компенсировать недополученное в первые годы жизни и избавиться от полученного в чрезмерном количестве, они, вполне естественным образом, делают выбор в пользу экскурсий по крышам, мастер-классов по жонглированию булыжниками, различных костюмированных шествий и других интерактивных форматов. Посетителей привлекают любые возможности расширения сенсорного опыта – потрогать, понажимать, залезть, очутиться в замкнутом пространстве, в полной темноте, почувствовать давление или невероятную легкость и т.д. и т.п. Возможность получения информации не осознается как ценность и как способ релаксации. Поэтому лекции университетских профессоров, привлекавшие в позапрошлом веке, помимо студентов, десятки вольнослушателей, сейчас пользуются популярностью только среди обязанных их посещать, и то лишь под давлением журнала посещаемости. 200 лет назад стартовые установки были принципиально иными. С первых же дней жизни каждый ребенок приобретал

разнообразный сенсорный опыт, начиная от элементарных ощущений тепла и холода, сырости и сухости; постепенно этот опыт расширялся ощущениями ходьбы босиком по утренней росе или горячему песку, всевозможного лазанья, плаванья, взаимодействия с растениями и животными; жизненный уклад включал в себя не только регулярные и длительные занятия, требовавшие физической активности, но способствующие релаксации (тесание, долбление, плетение, прядение, вязание, шитье и др.).

Самая богатая искусственная среда не может обеспечить такого разнообразия. С другой стороны, она может дать огромное количество информации о мире, который много веков оставался во многом необъяснимым для наших предков.

Таким образом, в изучаемый исторический период предпосылки для развития просветительского и научного начал были намного более надежными. Тем не менее, даже тогда развлекательный потенциал оказался для публики более привлекательным.

Список литературы

1. Адрианов Е. Почему в нашей школе не живут проекты: от графомании до нулевой креативности [электронный ресурс]. URL: <https://mel.fm/blog/evgeny-andrianov/18062-rochemu-v-nashey-shkole-ne-zhivut-proyekty-ot-grafomanii-do-nulevoy-kreativnosti#comments> (дата обращения 19.09.2022).
2. Бакаютова Л.Н. Сущность и основные направления модернизации технических музеев (на примере музеев связи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №58. С.17-21.
3. Боброва Л.Н., Кобозева Т.С. Сборник олимпиадных задач по физике. 7 класс. Липецк: ЛЭГИ, 2015. 75 с.
4. Вадимов А.А., Тривас М.А. От магов древности до иллюзионистов наших дней. М.: Искусство, 1979. 271 с.
5. Волшебные игры или любопытное собрание редких, удивительных и забавных ручных искусств с присовокуплением физических увеселений Мартына Задека, г. Пинетти, Галля, Робертсона, Бюфона, Ноллета, Мушенброта, Винклера, Макера, Франклина и многих других прославившихся в сем роде особ. СПб.: тип. Глазунова, 1817. 195 с.
6. Галле Г. Открытые тайны древних магов и чародеев или волшебные силы природы в пользу и увеселение употребленные. М.: Университетская тип. Ч.1. 1798. 524 с. Ч.2. 1799. 568 с. Ч.3. 1800. 674 с. Ч.4. 1801. 601 с. Ч.5. 1801. 575 с. Ч.6. 1803. 624 с. Ч.7. 1804. 559 с. Ч.8. 1803. 583 с. Ч.9. 1804. 540 с.
7. Гиль А.Ю. Трансформация музея в культуре информационного общества. Томск: Томский университет, 2015. 147 с.
8. Декран А. Увеселительное волшебство, или Открытие чудесных и удивительных таинственных опытов, известных под названием, Фокус Покус, производимых посредством сокровенного искусства, приводящего в недоумение самых просвещенных и остроумных зрителей. Ч.1-3. СПб.: тип. Сытина, 1791.
9. Дмитриев И.С. Академия благих надежд (эффективность научной деятельности Петербургской академии наук в XVIII столетии) // Социология науки и технологий. 2016. Т.7. №4. С.9-31.
10. Елисеев А.А. Физический кабинет Академии наук в 1-й половине XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1940. 173-206.
11. Игры физические и волшебные потехи, основанные на точности и избранные из сочинений превосходных испытателей природы, как то Бюфона, Оцанама, Ноллета, Гюота, Недгама, Левенгэка, Спалланцани, Вианелли, Мушенброка, Зиго- де ла Фонда, дю Фэ, Винклера, Зукова, Макера, Гиля, Галеса, Франклина, Пристля, Маркграфа и других с присовокуплением самых любопытных открытий, учиненных в химии, физике и показания свойств и союзов тел, относящихся до состава оных, перемены вида, разрушения и доставления им вновь преобразования. СПб.: тип. Зубова, 1791. 384 с.
12. Именнова Л.С. Современные музеи: бифуркационный характер изменений // II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России. М.: Мос. Гуманитарный университет, 2019. С.317-322.
13. Кавалера Пинетти де Мерси физические увеселения или изъяснение в Париже, Лондоне, Берлине и многих других столичных и больших европейских городах, а

напоследок также в Петербурге и Москве показанных им удивительных штук. Смоленск: губ. Тип., 1801. 179 с.

14. Лазарев В.С. Проектная деятельность в школе: неиспользуемые возможности // Вопросы образования. 2015. №3. С.292-307.

15. Ламин В.А., Шелегина О.Н. Современные подходы к изучению и популяризации отечественной истории: актуальные коммуникативные практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т.33. С.63-69.

16. Лесин С.М., Махотин Д.А., Осипенко Л.Е., Щербакова Т.В. Зарубежный опыт экспериментариумов как перспективной формы организации познавательной и исследовательской деятельности обучающихся // Интерактивное образование. 2017. №2. С.35-41.

17. Малышева Н.В. Проектный метод обучения и проектное мышление педагога: поиск новых подходов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. С.48-55.

18. Моисеева Т.М. Физический кабинет Кунсткамеры // Природа. 2003. №9. С.94.

19. Набиуллин А.Ф., Шакиров А.С., Мухтов И.Г. Проблемы внедрения стационарных интерактивных мультимедиа систем в музейные экспозиции. Риски и решения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. №31. С.235-243.

20. Носкова А.Ю. Арт-терапия и сенсорная депривация как ресурс в работе психолога // Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе. Хабаровск, 2017. С. 122-128.

21. Пигалицын Л.В. Новая форма организации музейного пространства – кабинет-лаборатория для изучения физики // Видеонаука: сетевой журн. 2021. №2(22). URL: <https://videonauka.ru/stati/31-metodika-prepodavaniya-estestvenno-nauchnykh-distiplin/289-novaya-forma-organizatsii-muzejnogo-prostranstva-kabinet-laboratoriya-dlya-izucheniya-fiziki> (дата обращения 21.12.2021).

22. Словарь натурального волшебства, в коором много полезного и приятного из естественной истории, естественной науки и магии азбучным порядком предложено. М.: Университетская тип., 1795. Ч.1. 600 с. Ч.2. 628 с.

23. Спинко Ю.В. Сенсорная депривация: последствия и профилактика // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Материалы VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 2017. С. 244-245.

24. Физические волшебный кабинет, заключающий в себе: открытие редких, чудесных и достойных удивления волшебных действий, производимых посредством сокровенного искусства фокус-покуса к изумлению, забаве и удовольствию даже самых просвещенных и остроумных зрителей. Сочинение, основанное на правилах физики и избранные из творений Галле, Робертсона, Пинетти и многих других испытателей природы, служащее к познанию каждой волшебной хитрости и производству оной в совершенное действие. СПб.: АН, 1810. 318 с.

25. Шляхтина Л.М. Рекреационно-образовательная миссия современного музея: образование или развлечение // Вопросы музеологии. 2013. №2(8). С.206-212.

26. Pinetta G. Physical Amusements and Diverting Experiments. London, 1784.

PHYSICAL AND CHEMICAL EXPERIMENTS IN HIGH-SOCIETY SALOONS OF THE LAST DECADE OF 18TH - FIRST QUARTER OF 19TH CENTURY

Physical and chemical experiments attract attention as bright and unusual shows. Pedagogues and museum specialists explore them as a motivating element to awake interest to study the subject. History of enlightening shows roots to the first years of St. Petersburg Academy of Sciences and the Kunstkamera functioning. Gradually growing fashion came to its peak to the last decade of the 18th century and got its visualization as a series of popular books addressed to wide circle of readers. These editions revealed the secrets of different entertainments based on the modern knowledge of scientific laws. Until now literature of this kind was not used as a historical source. It provides the opportunity to have a new view on the processes of enlightenment and education in Russian society. The earlier books are characterized as the closeset to the idea of science popularization, later – as tending to pure entertainment, the ones in the middle – as the richest with the information of practical significance. The development of the genre went the way of social-request satisfaction, that meant entertainment with the least possible dull explanations. The analogue with modern processes of popular educational projects development is quite obvious, but modern state of wide-society interests is even advantageous for realizing the ideas of enlightenment.

Keywords: technical and natural sciences museums, educational projects, popularization of knowledge, scientific experiments, shows, magic tricks, entertainment in high-society saloons, education.

References

1. Adrianov E. Pochemu v nashei shkole ne zhivut proekty: ot grafomanii do nulevoi kreativnosti [electronic resource] [Why projects do not survive at our schools: from graphomania to zero level of creativity]. URL: <https://mel.fm/blog/evgeny-andrianov/18062-pochemu-v-nashey-shkole-ne-zhivut-proyekty-ot-grafomanii-do-nulevoy-kreativnosti#comments> (accessed 19.09.2022).
2. Bakaiutova L.N. (2008) Sushchnost i osnovnye napravleniia modernizatsii tekhnicheskikh muzeev (na primere muzeev svyazi) [Essence and main trends of technical museums' modernization (be the example of museums of communications)]. In: Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Bulletin of of A.I. Hertsen's RSPU]. №58. S.17-21.
3. Bobrova L.N., Kobozeva T.S. (2015) Sbornik olimpiadnykh zadach po fizike [Assembled physical problems]. 7 klass. Lipetsk: LEGI. 75 p.
4. Vadimov A.A., Trivas M.A. (1979) Ot magov drevnosti do illiuzionistov nashikh dnei [From ancient magicians to modern illusionists]. Moscow: Iskusstvo. 271 s.
5. Volshebnye igry ili liubopytnoe sobranie redkikh, udivitelnykh i zabavnykh ruchnykh iskusstv s prisovokupleniem fizicheskikh uveselenii [Magical games or curious assembly of rare, surprising and funny manual arts with the addition of physical entertainments] (1817). St. Petesburg: tip. Glazunova. 195 s.
6. Halle G. (1798) Otkrytie tainy drevnikh magikov i charodeev ili volshebnye sily natyry v polzu i uveselenie upotreblennye [Open mysteries of ancient magicians or magical forces of nature for the usage and entertainment] (1798–1804). Moscow: Universitetskaia tip.
7. Gil A.Iu. Transformatsiia muzeia v kulture informatsionnogo obshchestva. Tomsk: Tomskii universitet, 2015. 147 s.
8. Dekran A. (1791) Uveselitelnoe volshebstvo, ili Otkrytie chudesnykh i udivitelnykh tainstvennykh opytov [Entertaining magic or opening of magic and surprising mysterious experiments]. Ch.1-3. St. Petesburg: tip. Sytina.
9. Dmitriev I.S. (2016) Akademiia blagikh nadezhd (effektivnost nauchnoi deiatelnosti Peterburgskoi akademii nauk v XVIII stoletii) [Academy of virtuous hope (effectiveness of St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th century)]. In: Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of sciences and technologies]. T.7. №4. S.9-31.
10. Eliseev A.A. (1940) Fizicheskii kabinet Akademii nauk v 1-i polovine XVIII v. i Lomonosov [Physical cabinet of Academy of sciences in the first half of the 18th century and Lomonosov]. In: Lomonosov: Sb. st. i materialov [Lomonosov: assembled works and materials]. Moscow; Leningrad. 173-206.
11. Igry fizicheskie i volshebnye potekhi, osnovannye na tochnosti i izbrannye iz sochinenii prevoskhodnykh ispytatelei prirody [Physical games and magic entertainments based on exact knowledge and drawn from the works of excellent naturalists] (1791). St. Petesburg: tip. Zubova. 384 s.
12. Imennova L.S. (2019) Sovremennye muzei: bifurkatsionnyi kharakter izmenenii [Modern museums: bifurcation character of changes]. In: II Moiseevskie chteniia: kultura kak faktor natsionalnoi bezopasnosti Rossii The second reading of the yourth: culture as a factor of Russian national security]. Moscow: Mos. Gumanitarnyi universitet. S.317-322.
13. Kavalera Pinetti de Mersi fizicheskie uveseleniya ili izieiasneniye v Parizhe, Londone, Berline i mnogikh drugikh stolichnykh i bolshikh evropeiskikh gorodakh, a naposledok takzhe v Peterburge i Moskve pokazannykh im udivitelnykh shtuk [Chevalier Pinetti's de Merci physical entertainments or shows in Paris, London, Berline and other capitals and after all in St. Petersburg and Moscow] (1801). Smolensk: gub. Tip. 179 s.
14. Lazarev V.S. (2015) Proektnaia deiatelnost v shkole: neispolzuemye vozmozhnosti [Projects at school: unused possibilities]. In: Voprosy obrazovaniya [Questions of education]. №3. S.292-307.
15. Lamin V.A., Shelegina O.N. (2020) Sovremennye podkhody k izucheniyu i populiarizatsii otechestvennoi istorii: aktualnye kommunikativnye praktiki [Modern attitudes to study and understand of Russian history: actual communicative practices]. In: Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Irkutsk state university. Series: Histiry]. T.33. S.63-69.
16. Lesin S.M., Makhotin D.A., Osipenko L.E., Shcherbakova T.V. (2017) Zarubezhnyi opyt eksperimentariumov kak perspektivnoi formy organizatsii poznavatelnoi i issledovatel'skoi deiatelnosti obuchaiushchikhsia [Foreign experience of experiments as a perspective form of learning and research students' activities]. In: Interaktivnoe obrazovanie [Interactive education]. №2. S.35-41.
17. Malysheva N.V. (2019) Proektnyi metod obucheniia i proektnoe myshlenie pedagoga: poisk

- novykh podkhodov [Method of projects and pedagogue's project-mentality: the search of new attitudes]. In: Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia]. S.48-55.
18. Moiseyeva T.M. (2003) Fizicheskii kabinet Kunstkamery [Physical cabinet of the Kunstkamera]. In: Priroda. [Nature]. №9. S.94.
19. Nabiullin A.F., Shakirov A.S., Mukhtov I.G. Problemy vnedreniia statsionarnykh interaktivnykh multimedia sistem v muzeinye ekspozitsii. Riski i resheniya [Problems of including stationary interactive multimedia systems into museum expositions. Risks and solutions]. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiia i iskusstvovedenie [Belletin of Tomsk state university]. 2018. №31. S.235-243.
20. Noskova A.Yu. (2017) Art-terapiia i sensornaia deprivatsiia kak resurs v rabote psikhologa [Art-theraphy and sensory deprivation as a resource in the work of psychologist]. In: Smysl, funktsii i znachenie raznykh otraslei prakticheskoi psikhologii v sovremennom obshchestve [Sense, functions and meaning of different practical spheres of physiology in modern society]. Khabarovsk. S. 122-128.
21. Pigalitsyn L.V. Novaia forma organizatsii muzeinogo prostranstva – kabinet-laboratoriia dlia izucheniia fiziki [New form of museum space organization – cabinet-laboratory for physics studies]. In: Videonauka [Video-science]. 2021. №2(22). URL: <https://videonauka.ru/stati/31-metodika-prepodavaniya-estestvenno-nauchnykh-disttsiplin/289-novaya-forma-organizatsii-muzejnogo-prostranstva-kabinet-laboratoriya-dlya-izucheniya-fiziki> (accessed 21.12.2021).
22. Slovar naturalnogo volshebstva [Vocabulary of natural magic] (1795). Moscow: Universitetskaia tip. Ch.1. 600 s. Ch.2. 628 s.
23. Spinko Yu.V. Sensornaia deprivatsiia: posledstviia i profilaktika [Sensitive deprivation: repercussions and prophylaxis]. In: Molodezh XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii [The youth of the 21st century: education, science, innovations]. Novosibirsk, 2017. S. 244-245.
24. Fizicheskie volshebnyi kabinet [Physical magic cabinet] (1810). St. Petesburg: AN. 318 s.
25. Shliakhtina L.M.(2013) Rekreatsionno-obrazovatelnaia missiia sovremennogo muzeia: obrazovanie ili razvlechenii [The recreation and educational mission of modern museum: education or entertainment]. In: Voprosy muzeologii [Questions of museology]. №2(8). S.206-212.
26. Pinetta G. (1784) Physical Amusements and Diverting Experiments. London.

Об авторе

Лупанова Евгения Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

Lupanova Yevgenia Mikhailovna — Candidate of Sciences (History), Senior researcher of the Department «M. V. Lomonosov's museum» Museum for anthropology and ethnography Russian Academy of Sciences (Russia).

УДК 94/930.2

Михальченко С.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

Ткаченко Е.В., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

Устинова Ю.Н., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРАВА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЭМИГРАЦИИ В ПРАГЕ И БЕРЛИНЕ В 1920-е гг.¹

Статья посвящена особенностям преподавания одной из важнейших учебных дисциплин в подготовке юриста – истории русского права в учебных заведениях русской эмиграции первой волны. Оценивается уровень преподавания истории русского права в дореволюционной России к 1917 году. Показывается, что в условиях эмиграции преподавание этой дисциплины и подготовку научных кадров по ней удалось организовать только в русских высших учебных заведениях Харбина, Парижа, Праги и Берлина. Анализируется работа, проводившаяся на Русском юридическом факультете в Праге (Чехословакия) и в Русском Научном институте в Берлине (Германия) в 1920 г. Стремление основателей этих учебно-научных заведений организовать преподавание по русским дореволюционным университетским уставам наталкивалась на кадровую проблему, когда ряд дисциплин, в том числе, историю русского права вынуждены были преподавать не юристы, а историки. Проводится сравнение систем преподавания, делается вывод о том, что только в Праге удалось реализовать полноценное высшее юридическое образование. Характеризуется деятельность преподававших историю русского права Г.В.Вернадского, М.В.Шахматова, И.А.Стратонова. Статья написана, в том числе, на основе материалов зарубежных архивов.

Ключевые слова: история русского права, Русский юридический факультет в Праге, Русский Научный институт в Берлине, Вернадский Г.В., Шахматов М.В., Стратонов И.А.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-88-94

Русская эмиграция первой волны организовала за границей в 1920-1930-е годы несколько высших учебных заведений, среди которых важнейшее место занимали вузы юридического профиля – эмигранты свято верили на первых порах, что по возвращении в Россию, которое казалось им безусловным, стране потребуются десятки образованных юристов. Были образованы два отдельных юридических факультета – в Харбине и в Праге, а также юридические отделения в Русском научном институте в Берлине и при Сорбонне в Париже [5].

Поскольку программы преподавания строились по русским дореволюционным канонам, в них включались, по возможности, все дисциплины, преподававшиеся на дореволюционных юрфаках с учетом местной специфики. Важное место в программах преподавания занимала и история русского права.

К 1917 г. история русского права, как учебная дисциплина, после ее введения по Университетскому уставу 1863 года, прошла более чем полувековой путь. Кафедры истории русского права были заняты во всех российских университетах. В Петроградском

университете преподавал В.М. Грибовский, в Юрьевском – Ф.В. Тарановский, в Московском уже 15 лет возглавлял кафедру истории русского права А.Н. Филиппов. В Университете св. Владимира в Киеве занятия по этой дисциплине также долгие годы вел М.Н. Ясинский. Известные ученые занимали кафедры в Варшавском университете (в 1917 г. в эвакуации переименованного в Донской) (И.А. Малиновский), в Харьковском (Н.А. Максимейко) и Новороссийском (А.Я. Шпаков) университетах. В Томске соответствующую кафедру возглавлял Г.Г. Тельберг, а в Казани лекции читал В.В. Ивановский. Причем за исключением Ясинского и Тельберга, все профессора имели докторские степени по государственному праву, т.е. научная квалификация их была весьма высока.

Их послереволюционная судьба была различной, но, в общем, типичной для русской профессуры того времени: часть ученых (И.А.Малиновский, Н.А.Максимейко, А.Н.Филиппов, А.Я.Шпаков) осталась в Советской России, остальные эмигрировали. Далеко не все из них смогли найти приложение своим силам в рамках специальности – многие вынуждены были переориентироваться

© Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н.

© Mikhailchenko S.I., Tkachenko E.V., Ustinova Yu.N.

¹ Подготовлено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00024.

на родственные предметы. Историю славянского права преподавал в Люблянском университете М.Н.Ясинский, такая же судьба ожидала в Белградском университете Ф.В.Тарановского и его ученика, бывшего приват-доцента Варшавского/Донского университета А.В.Соловьева[9]. Государственное право недолго, до кончины в 1924 г., преподавал в Латвийском университете в Риге В.М.Грибовский[3]. Что касается истории *русского* права, то она, за редчайшим исключением, отсутствовала в программах зарубежных университетов и преподавать ее в 1920-е-1930-е годы можно было только в упомянутых выше эмигрантских высших учебных заведениях юридического профиля. Цель настоящей статьи — охарактеризовать особенности преподавания дисциплины и подготовки научных кадров по ней в Праге и Берлине.

При организации в 1922 г. в Праге Русского юридического факультета его основатель профессор П.Д.Новгородцев исходил из того, что преподавание на нем будет вестись «на началах, выработанных практикой прежних русских юридических факультетов, с некоторыми отступлениями, выработанными особыми условиями, в которые в настоящее время поставлен наш юридический факультет», с опорой при преподавании на русское национальное право в том виде, в котором оно сложилось к октябрю 1917 г. [13, с.10-11; 11]. История русского права преподавалась в соответствии с планами дореволюционных русских юридических факультетов на первом и втором курсах 4 семестра. Она включала как лекционные, так и семинарские занятия. Первым профессором по кафедре истории русского права вновь образованного факультета стал профессор-юрист пражского чешского Карлова университета, декан его юридического факультета, специалист по истории славянского права Карел Кадлец (он читал такой спецкурс в Карловом университете[6]). Кадлец и в дальнейшем не оставил своих занятий со студентами. Характеризуя коллегу, его сослуживец по факультету профессор Е.В.Спекторский писал, что «Кадлец был чрезвычайно добросовестный и трудолюбивый ученый с склонностью к крохоборству. Он усердно работал над огромным глоссарием На нашем русском юридическом факультете он руководил занятиями молодых историков русского и славянского права» [17, с.430]. Основное внимание Кадлец уделял подготовке выпускных работ и работе с магистрантами. Среди его учеников стоит назвать

О.О.Маркова, который выдержал при РЮФ магистерские экзамены, затем получил степень доктора Карлова университета и сделал карьеру в рамках чехословацкой академической традиции, став профессором Братиславского университета.

В чтении общего курса истории русского права Кадлецу уже в 1923 году наследовал бывший профессор Пермского и Таврического университетов Георгий Владимирович Вернадский [4, с.142-147]. Вернадский не был историком права — его магистерская диссертация, защищенная в октябре 1917 г. в Петроградском университете, была посвящена истории России. Тем не менее, он в течение почти пяти лет преподавал в Праге историю права. При издании в 1924 г. части своего курса Вернадский счел необходимым объяснить, почему, являясь «чистым историком» вынужден был взяться за историю права. «Оправданием мне может служить то обстоятельство, - писал Вернадский, - что вопросы истории права были мне и раньше близки в моих занятиях, и я посвятил им некоторые из своих специальных этюдов» [2, с.5]. К тому же, в Таврическом университете, где Вернадский преподавал в 1918-1920 гг., он собирался читать курс истории русского права. [2, с.5]. Наряду с чтением лекций Вернадский много занимался организацией семинария, деятельность которого достаточно подробно проанализирована А.Ю.Дворниченко [4, с.140-141].

Еще одним преподавателем истории русского права в Праге был приват-доцент М.В.Шахматов, ставший после защиты в 1927 г. магистерской диссертации, профессором и наследником по кафедре уехавшего в США Вернадского. Шахматов, окончивший юридический факультет С.-Петербургского университета, был учеником академика М.А.Дьяконова и занимался историей политических и правовых учений Древней Руси. Этому же была посвящена и его магистерская диссертация. Шахматов оказался единственным ученым, получившим степени магистра и затем, в 1938 г., доктора истории русского права по русской дореволюционной академической традиции. Вернадский (вместе со Спекторским) выступили оппонентом на его магистерском диспуте [10]. Преподавать долго ему, однако, не пришлось, поскольку в 1929 г. факультет перестал функционировать как высшее учебное заведение, продолжив осуществ-

лять лишь научно-организационные и административные функции. Карьера Шахматова до кончины в 1943 г. была связана с научной деятельностью и руководством различными семинарами и кружками в Русском Народном (Свободном) университете — учреждении дополнительного образования русской эмиграции, существовавшем тогда в чехословацкой столице [10, с.40] В 1923-1924 уч.году Шахматову в проведении практических занятий помогал магистр русской истории, профессор А.В.Флоровский, основное место работы которого в это время было в пражском Русском педагогическом институте [13, с.16,22; 7, с.128].

На факультете осуществлялась также активная работа по подготовке магистрантов по истории русского права. К 1927 г. выдержали устные испытания М.В.Шахматов, Д.М.Одинец (преподаватель Франко-русского института при Сорбонне в Париже), оставленные при кафедре О.О.Марков и С.Л.Волкобрун. Начал сдавать магистерские экзамены А.Б.Эфрон. В 1927 г. защитил магистерскую диссертацию Шахматов. [14, с.18-20] Звания приват-доцентов получили после сдачи магистерских испытаний также О.О.Марков (Марков затем продолжил обучение в Белграде, где «заканчивал под руководством Тарановского приготовление к профессуре в Братиславе» [17, с.481] и С.Л.Волкобрун, систематических лекций на РЮФ они не читали, участвовали лишь в работе семинария по истории русского права [14, с.19]. Их дальнейшая карьера была связана с чехословацкими университетами в Праге и Братиславе.

Таким образом, преподавание истории русского права на пражском Русском юридическом факультете осуществлялось по русским дореволюционным уставам и в объеме, аналогичном императорским университетам. На факультете проводилась подготовка магистрантов и была осуществлена первая (и, видимо, единственная) защита магистерской диссертации по истории русского права. Издавались также курсы лекций и учебные пособия по дисциплине. Несколько иная ситуация сложилась в Берлине, где с учетом опыта уже существовавшего к тому времени высшего юридического заведения эмиграции в Праге, представителями расширившейся русской диаспоры также была предпринята попытка организовать юридическое образование по дореволюционным канонам, но получилось это хуже.

17 февраля 1923 г. в Берлине был открыт Русский Научный Институт (РНИ). 20 февраля начались лекции на его трех отделениях: отделении духовной культуры (философском), отделении правовых наук и отделении народного хозяйства.

История РНИ, в целом, известна. [12; 21; 22; 24] В отличие от Русского юридического факультета в Праге, берлинский институт сразу выступал как учреждение, в первую очередь, научное и лишь затем учебное. При основании института было заявлено, что главная задача — «изучение русской духовной и материальной культуры и распространение о ней знаний среди русских и иностранцев» и только второй задачей ставилось «содействие владеющей русским языком молодежи к получению ею законченного высшего образования» [16, с.2]. «Берлинский Институт не был учебным заведением, вроде Русского Юридического Факультета в Праге, - позже вспоминал преподававший в РНИ теоретик права Н.Н.Алексеев. - В нем читались эпизодические лекции по русской истории, литературе, праву и другим областям русской культуры. Не существовало никаких постоянных кадров слушателей и никаких твердо установленных программ» [20, f.13]. Однако это верно лишь частично. Первоначально намерения были иные. Хотя курс был рассчитан на шесть семестров (3 года), в отличие от канонических восьми, руководители института полагали, что по итогам обучения слушатели получат объем знаний, аналогичный таковому у выпускников русских дореволюционных университетов. Программа РНИ, таким образом, должна была соответствовать их программе. Поскольку в Германии, как и в целом в Западной Европе, оказалось много эмигрантов из числа начавших обучение в университетах в России, но не окончивших его, либо не имеющих законченного среднего образования, РНИ пошел по пути использования предметной системы преподавания, когда слушатели могли выбирать дисциплины для изучения и затем держать по ним экзамен, таким образом конструируя свою образовательную траекторию (в отличие от курсовой системы, когда предусмотренные учебным планом предметы изучаются в установленной этим планом последовательности). Поэтому, не отрицая в качестве конечной цели получение слушателями законченного высшего образования, институт объявил чтение

«ряда систематических курсов по программам, рассчитанным на возможность прохождения их слушателями в течение двух семестров, имеющих целью пополнение знаний студентов, не закончивших полных курсов русских высших учебных заведений, а также получающих образование в зарубежных высших учебных заведениях, сведениями о России в избранной ими специальности» [15, с. 285-286]. После двух лет работы института число студентов начало сокращаться, как сокращалось и общее количество эмигрантов в Германии в связи с ухудшением экономической ситуации, поэтому основанные вначале отдельные правовой и коммерческий факультеты в 1924 г. были объединены в единый факультет юридических и экономических наук [16, с.8].

И на существовавшем на первых порах отдельно правовом отделении, и на объединенном факультете в учебном плане значилась история русского права [16, с.9]. Между тем, несмотря на прибытие в результате эмиграции и высылки из России большого количества профессоров-гуманитариев, в 1923 г. (да и позже) в Берлине не оказалось ни одного историка русского права в узком смысле слова, преподававшего эту дисциплину ранее в каком-либо русском университете, поэтому чтение лекций по предмету в институте было поручено «гражданскому» историку России, бывшему профессору Казанского университета и Казанских Высших женских курсов Иринарху Аркадьевичу Стратонову. Стратонов к моменту своей высылки из РСФСР осенью 1922 г. прошел традиционный для преподавателя высшей школы академический путь: после окончания историко-филологического факультета Казанского университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории, но из-за конфликтов с другими профессорами на факультете до защиты диссертации не дошел, сдав лишь магистерские экзамены, и по прочтении двух лекций получил звание приват-доцента. В декабре 1917 г. он был избран штатным доцентом, а в октябре 1918 г. в рамках вузовской реформы переведен в профессора. [8, с.168]

Научные занятия Стратонова в доэмигрантский период были близки к историко-правовой тематике. Еще в бытность Стратонова студентом Казанский

университет издал его курсовое сочинение по истории Земских соборов в Московском государстве [18]. И последним из изданных им в России научных сочинений была небольшая, по сути, историко-правовая книжка о Русской Правде. [19]. Стратонов был среди основателей РНИ, входил в его правление и читал курс истории русского права в Берлине в течение всего времени существования института как учебного заведения. Наряду с общим курсом Стратонов проводил семинарские занятия, а также читал курс «Церковь и государство в России» [15, с.286, 291]. К сожалению, свидетельств преподавательской деятельности Стратонова пока не найдено, вообще, все доступные воспоминания о РНИ касаются общих проблем работы института, нежели деталей учебных занятий [12]. В отчете о работе РНИ за первый год, впрочем, говорилось, что, за небольшим исключением, «все курсы успешно читались в течение первого семестра при вполне удовлетворительной посещаемости» [15, с.291].

С 1925 г. по 1931 г. Стратоновым также было прочитано множество небольших спецкурсов, при этом тематика лишь некоторых может быть признана историко-правовой: «Крушение Московской государственной власти и перелом Смуты в XVII в.», «Русская церковь и светская власть в XIII и XIV вв.», «Крепостное право в России», «Государственные крестьяне в XVIII в.», Научные занятия Стратонова 20-30-х годов и большая часть лекций была посвящена «чистой» истории: истории древних славян, Смутному времени, истории Русской Церкви и т.д. [8, с.178].

Таким образом, сравнивая постановку преподавания истории русского права на РЮФ в Праге и в РНИ в Берлине, следует признать, что систематическое преподавание велось только в Праге. Там регулярно проводились лекции, работал семинарий, осуществлялась подготовка магистрантов, издавались учебные пособия. В учебном плане правового отделения РНИ также значился курс истории русского права, однако, его преподавание не сопровождалось научной работой и подготовкой магистрантов. А с прекращением в 1926 г. полноценной учебной деятельности РНИ, по истории русского права почти перестали читаться и публичные лекции.

Список литературы

1. Вернадский Г.В. Конспект к лекциям по истории русского права Прага, 1922. Литогр. изд.
2. Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.: (Период империи). Прага, 1924.
3. Грибовский В.М. Обзор лекций по государственному праву. Рига: Гротус, 1922.
4. Дворниченко А.Ю. Георгий Вернадский: Путешествия в мире людей, идей и события. СПб: Евразия, 2017.
5. Ершов, В.Ф., Курамина, Н.В. Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов // Исторические записки. М.: Наука, 2004. Вып.7 (125). С.198-222.
6. Кадлец К. История русского права (Источники и право публичное) По лекциям, чит. в зимнем семестре 1922/23 уч. г. на Юрид. фак. Карлова ун-та. Прага, 1923. Литогр. изд.
7. Ковалев М.В. А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и Новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140.
8. Малышева С.Ю. Жизнь историка И.А. Стратонова в России и за границей // Археографический ежегодник. 2022. М.:Наука,2004. С.167-182.
9. Михальченко С.И. Русские историки права в европейской эмиграции: Михаил Никитич Ясинский // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Выпуск 7 (117). URL: <https://history.jes.su/s207987840022195-3-1/> DOI: 10.18254/S207987840022195-3
10. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Историк права Мстислав Вячеславович Шахматов // История государства и права. 2021. №1. С.36-44.
11. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Русские высшие учебные заведения Праги 1920–1930-х годов глазами эмигрантов // Вестник СПбГУ. История. 2016. Выпуск 3. С.96-106
12. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Русский Научный Институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета.2017. С.94-103.
13. Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1923-1924 учебный год. Прага, 1925.
14. Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926-1927 учебный год с общим обзором его пятилетней деятельности. Прага, 1927.
15. Русский Берлин. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2003.
16. Русский Научный институт в Берлине.1924-1925 акад.год. Берлин,1924.
17. Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань: П.А.Трибунский, 2020.
18. Стратонов И.А. Заметки по истории земских соборов Московской Руси Казань, 1905.
19. Стратонов И.А. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920.
20. Alekseev N.N. Memoires. Partie 2a. L'Institut scientifique de Berlin // Biblioth que de Gen ve. CH BGM. Ms. l.e.282b. Ff.12-14,
21. Fortounatto-Behr A. Les r fugi s Russes en Allemagne: 1918-1925 Histoire d'un accueil forc . Th se pour obtenir le grade de docteur de l'Universit  de Paris X. Paris, 2003. Tome 1. 350 p.
22. Peter H.R. Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Труды Международной научной конференции, 23-25 июня 2009 г. Санкт-Петербург: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета , 2009. С.364-385.
23. Politisches Archiv des Ausw rtigen Amts. R.64477. Russische Wissenschaftliche Institut.
24. Voigt G. Zerst rte Hoffnungen. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Institut // Berliner Jahrbuch f r osteurop ische Geschichte, Bd. 1, Berlin 1995. S. 77-97.

HISTORY OF RUSSIAN LAW IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF EMIGRATION IN PRAGUE AND BERLIN IN THE 1920S

The article is devoted to the peculiarities of teaching one of the most important academic disciplines in the training of a lawyer - the history of Russian law in educational institutions of the Russian emigration of the first wave. The level of teaching the history of Russian law in pre-revolutionary Russia by 1917 is assessed. It is shown that in the conditions of emigration, the teaching of this discipline and the training of scientific personnel in it could be organized only in Russian higher educational institutions in Harbin, Paris, Prague and Berlin. The work carried out at the Russian Faculty

of Law in Prague (Czechoslovakia) and at the Russian Scientific Institute in Berlin (Germany) in 1920 is analyzed. The desire of the founders of these educational and scientific institutions to organize teaching according to Russian pre-revolutionary university charters ran into a personnel problem, when a number of disciplines, including the history of Russian law, were forced to be taught not by lawyers, but by historians. A comparison of teaching systems is carried out, it is concluded that only in Prague it was possible to implement a full-fledged higher legal education. The activities of G.V. Vernadsky, M.V. Shakhmatov, I.A. Stratonov, who taught the history of Russian law, are characterized. The article was written, among other things, on the basis of materials from foreign archives.

Keywords: history of Russian law, Russian Faculty of Law in Prague, Russian Scientific Institute in Berlin, Vernadsky G.V., Shakhmatov M.V., Stratonov I.A.

References

1. Vernadsky G.V. Konspekt k lektsiyam po istorii russkogo prava [Abstract for lectures on the history of Russian law]. Prague, 1922. Lithograph. ed.
2. Vernadsky G.V. Ocherk istorii prava Russkogo gosudarstva XVIII-XIX vv.: (Period imperii) [Essay on the history of the law of the Russian state of the XVIII-XIX centuries: (The period of the empire)]. Prague, 1924.
3. Gribovskiy V.M. Obzor lektsiy po gosudarstvennomu pravu. [Review of lectures on state law]. Riga: Grotus, 1922
4. Dvornichenko A.Yu. Georgiy Vernadskiy: Puteshestviya v mire lyudey, idey i sobytiya [Georgiy Vernadsky: Travels in the world of people, ideas and events]. St. Petersburg: Eurasia, 2017.
5. Ershov V.F., Kuramina N.V. Rossiyskiye obrazovatel'nyye uchrezhdeniya za rubezhom: opyt 1920-1930 godov [Russian educational institutions abroad: the experience of 1920-1930] *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]* Moscow: Nauka, 2004, issue 7 (125), pp.198-222.
6. Kadlec K. Istoriya russkogo prava (Istochniki i pravo publichnoye) Po lektsiyam, chit. v zimnem semestre 1922/23 uch. g. na Yurid. fak. Karlova un-ta. [History of Russian law (Sources and public law) According to lectures, read. in the winter semester 1922/23 city on Jurid. fak. Charles University] Prague, 1923. Lithograph. ed.
7. Kovalev M.V. A.V. Florovskiy (1884–1968): prazhskaya zhizn' odesskogo professora [A.V. Florovsky (1884–1968): the Prague life of an Odessa professor] *Novaya i Noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]*. 2017, no. 6, pp. 123–140.
8. Malysheva S.Yu. Zhizn' istorika I.A. Stratonova v Rossii i za granitsey [The life of the historian I.A. Stratonov in Russia and abroad] *Arkheograficheskiy yezhegodnik [Archeographic Yearbook]* 2022. Moscow: Nauka, 2004, pp.167-182.
9. Mikhalechenko S.I. Russkiye istoriki prava v yevropeyskoy emigratsii: Mikhail Nikitich Yasinskiy [Russian legal historians in European emigration: Mikhail Nikitich Yasinsky] *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Istoriya]*. 2022, vol. 13, issue 7 (117). URL: <https://history.jes.su/s207987840022195-3-1/> DOI: 10.18254/S207987840022195-3
10. Mikhalechenko S.I., Tkachenko E.V. Istorik prava Mstislav Vyacheslavovich Shakhmatov [Historian of Law Mstislav Vyacheslavovich Shakhmatov] *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*. 2021, no.1, pp.36-44.
11. Mikhalechenko S.I., Tkachenko E.V. Russkiye vysshiye uchebnyye zavedeniya Pragi 1920-1930-kh godov glazami emigrantov [Russian higher educational institutions of Prague in the 1920-1930s through the eyes of emigrants] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. [St.Petersburg University Herald. Series 2. History]*, 2016, no.3, pp. 96-106
12. Mikhalechenko S.I., Tkachenko E.V. Russkiy Nauchnyy Institut v Berline v memuarakh i perepiske russkoy emigratsii [Russian Scientific Institute in Berlin in memoirs and correspondence of Russian emigration] *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of the Bryansk State University]*. 2017, no.4, pp.94-103.
13. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Russkogo yuridicheskogo fakul'teta v Prage za 1923-1924 uchebnyy god [Report on the status and activities of the Russian Faculty of Law in Prague for the 1923-1924 academic year]. Prague, 1925.
14. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Russkogo yuridicheskogo fakul'teta v Prage za 1926-1927 uchebnyy god s obshchim obzorem yego pyatiletney deyatel'nosti [Report on the status and activities of the Russian Faculty of Law in Prague for the 1926-1927 academic year with a general overview of its five-year activities] Prague, 1927.
15. Russkiy Berlin [Russian Berlin]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2003.
16. Russkiy Nauchnyy institut v Berline. 1924-1925 akad.god. [Russian Scientific Institute

in Berlin. 1924-1925 academic year]. Berlin, 1924.

17. Spektorsky E.V. Vospominaniya [Memoires]. Ryazan': P.A. Tribunskiy, 2020.

18. Stratonov I.A. Zametki po istorii zemskikh soborov Moskovskoy Rusi [Notes on the history of Zemsky Sobors of Moscow Rus']. Kazan, 1905.

19. Stratonov I.A. K voprosu o sostave i proiskhozhdenii Kratkoy redaktsii Russkoy Pravdy [On the question of the composition and origin of the Brief Edition of Russian Pravda]. Kazan, 1920.

20. Alekseev N.N. Memoires. Partie 2a. L'Institut scientifique de Berlin // Biblioth que de Gen ve. CH BGM. Ms. l.e.282b. Ff.12-14,

21. Fortounatto-Behr A. Les r fugi s Russes en Allemagne : 1918-1925 Histoire d'un accueil for  . Th se pour obtenir le grade de docteur de l'Universit  de Paris X. Paris, 2003. Tome 1 (in French)

22. Peter H.R. Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin *Sankt-Peterburgskiy universitet v XVIII-XX vv.: yevropeyskiye traditsii i rossiyskiy kontekst. Trudy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 23-25 iyunya 2009 g. [St. Petersburg University in the XVIII-XX centuries: European traditions and the Russian context. Proceedings of the International Scientific Conference, June 23-25, 2009]*. St. Petersburg: Istoricheskiy fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009, pp.364-385 (in German)

23. Politisches Archiv des Ausw rtigen Amts. R.64477. Russische Wissenschaftliche Institut.

24. Voigt G. Zerst rte Hoffnungen. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Institut *Berliner Jahrbuch f r osteurop ische Geschichte*. Berlin 1995, bd. 1, s. 77-97. (in German)

Об авторах

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия)

Ткаченко Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Брянск, Россия)

Устинова Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Брянск, Россия)

Mikhalchenko Sergei Ivanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics, History and Law, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Bryansk, Russia)

Tkachenko Elena Viktorovna - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Bryansk, Russia)

Ustinova Yuliya Nikolaevna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Bryansk, Russia)

Никифоров С.А., кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Россия) ¹

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ РОССИИ ДЛЯ ХИМИЧЕСКИХ ПРОМЫСЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

В истории любого государства лесной домен имеет большое значение. Россия, являясь страной с богатейшими лесными ресурсами, уделяет большое внимание государственной регламентации лесопользования и лесосбережения. История использования лесных ресурсов являются частью истории России. Актуальность темы обусловлена изменением концепции преподавания истории России для студентов, обучающихся на профильных исторических и непрофильных направлениях подготовки в вузах. Увеличивается количество часов, отводимое на изучение отечественной истории, из курса всемирной истории история России выделяется в качестве самостоятельной учебной дисциплины. У студентов имеется возможность изучать более подробно различные аспекты истории российского государства. В статье анализируются меры государственного регулирования использования лесных ресурсов для производства поташа, смолы и дёгтя в России в XVII в. – первой четверти XVIII в. а также вопросы регулирования торговли указанными товарами. Проведен анализ нормативно-правовых актов, определявших условия и особенности производства и торговли продукцией, полученной при переработке древесины. Сделан вывод о том, что сосредоточение государства лишь на административно-правовых мерах регулирования использования леса в России, без учета экономических реалий, демонстрирует низкую эффективность и ведет к кризисным явлениям в исследуемой сфере.

Ключевые слова: лесные ресурсы, лесное право, государственное регулирование, поташ, смолокурение, дёготь, лесохимическое производство, экспорт.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-95-102

Введение. Актуальность темы обосновывается обозначенной государством задачей по более глубокому изучению истории России студентами, обучающимися на профильных исторических и непрофильных направлениях подготовки в вузах. Увеличивается количество часов, отводимое на изучение отечественной истории, из курса всемирной истории история России будет выделена в качестве самостоятельной учебной дисциплины. У студентов имеется возможность изучать более подробно различные аспекты истории российского государства, в том числе вопросы, связанные с использованием лесных ресурсов. Целью статьи является изучение влияния односторонних административно-правовых мер на экономическую эффективность переработки лесных ресурсов на примере регулирования использования леса в России в XVII в. – первой четверти XVIII в.

Вопросам использования лесных богатств России уделяли внимание отечественные исследователи XIX–XXI вв. [1; 5; 6; 7; 8; 21; 22; 23; 24]. Однако, до настоящего времени проблема государственно-правового регулирования глубокой переработки лесных ресурсов для производства химических веществ, необходимых для зарождавшейся российской промышленности, военных и

повседневных хозяйственных нужд, представляется недостаточно изученной.

К XVI относится начало широкого развития в Европе стекольного и мыловаренного производства. В России изготовление мыла и стекла было налажено в промышленных масштабах в XVII в., тогда же произошло массовое распространение огнестрельного оружия, которое стало использоваться не только для ведения военных действий, но и для охоты. Потребности в поташе многократно возросли. Наличие больших запасов древесины, являвшейся сырьем для производства поташа, позволило России стать мировым лидером в этой сфере.

Государство позволило на первых порах зарождения поташной промышленности частным лицам заниматься производством и сбытом поташа. Предприимчивые российские бояре и купцы получили возможность хорошо заработать на поставках поташа за границу. Государство первоначально довольствовалось взиманием пошлины с вывозимого за рубеж товара. Однако, значительная разница между низкой себестоимостью поташа и его высокой рыночной ценой подтолкнула правительство к взятию под контроль не только его продажу, но и производство. На протяжении 60-х гг. XVII в. – первой четверти XVIII в.

усиливается контроль государства за производством и сбытом поташа и других продуктов переработки леса. Напротив, частные лица теряют возможность получить прибыль от производства и торговли поташом, смолой и дёгтем.

Методы. Научное исследование проведено с учетом требований эволюционносинергетической парадигмы. Методология исследования основана на принципах историзма, объективности и системности. В ходе исследования применялся формально-логический метод, анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой метод. Достоверность полученных результатов обеспечена широким привлечением нормативно-правовых и подзаконных актов, действовавших в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. До XVIII в. в России лес не представлял из себя самостоятельной ценности. Каждый имел возможность заготовить в близлежащих лесах для собственных нужд необходимые объемы древесных стройматериалов и дров. В глазах как государства, так и населения ценность представляли продукты глубокой переработки древесины – поташ, смола, деготь.

Наиболее значительными масштабами отличалось производство поташа. Поташ – карбоната калия K_2CO_3 (углекислый калий), представляет собой кристаллическое вещество белого цвета, хорошо растворимое в воде. Поташ традиционно применялся для производства мыла, высококачественного стекла, селитры для пороха, в отбеливании тканей, для выделки кож. По некоторым данным, поташ начали производить на Руси с XIII в. В тот период порох еще не применялся, и объемы производства поташа были небольшими. Производство поташа представляет собой трудоемкий процесс, требовавший значительного количества рабочих рук, денег и огромного количества древесины. Поташ добывали из растительной золы, полученной при сжигании деревьев, которые выросли в лесах умеренной континентальной зоны (зола растений, выросших в этой зоне, содержит значительное количество калия, в золе растений пустынной зоны преобладает натрий). Поташные производства («будные станы», «будные майданы») располагались в лесах. Для обозначения

поташного производства историками довольно часто используются термины «завод», «поташный завод» или «поташня». Отметим, что «поташные заводы» не являлись промышленными предприятиями с механизированным производством, характерными для индустриального этапа развития общества. Эти заводы представляли собой примитивные заведения с несколькими постройками, предназначенными для проживания работников. На поташных заводах в рассматриваемый период использовался исключительно ручной труд.

Там выбиралось или специально готовилось открытое пространство, на которое складывали стволы молодых деревьев, верхние части стволов взрослых деревьев, ветки и сучья. Эту кучу зажигали снизу и подбрасывали в нее, по мере сгорания, дополнительную древесину до тех пор, пока не получалась куча золы примерным весом от 50 до 200 кг. Полученная зола затем промывалась (было необходимо отделить щелок от пепла), из промытой золы готовили состав, похожий на жидкое тесто. Им обмазывали сосновые или еловые поленья, складывали их в костер, под которым был установлен специальный ящик из кирпичей размером 10 на 4 м («гарт»), добавляя на каждый ряд поленьев щелок (водный настой древесной золы) и зажигали. Воду полностью выпаривали, и на дне гарта затвердевал твердый осадок поташа. Этот осадок разбивали и закладывали в бочки. На производство каждой партии поташа уходило 12-13 дней. Затраты древесных ресурсов были велики – чтобы получить 1 кг поташа надо было сжечь 1 тонну древесины. В связи с трудоемкостью производства (на поташном заводе было необходимо задействовать 20-30 работников) и большими затратами ресурсов производство поташа было доступно либо государству, либо крупным вотчинникам, располагавшим большим количеством рабочих рук и обширными лесными угодьями [11, с. 60-61].

Наиболее пригодными породами для производства поташа являлись дуб и ольха. Эти породы произрастали преимущественно в южных регионах России в зоне лиственных лесов, расположенных на протяжении XVI-XVII вв. на границе Московского государства со степью, на верхней Волге и на Вологодчине. Крупным центром

поташного производства в XVII в. была Вологодчина, где имелись и густые леса, и речные пути для вывоза продукции в порт Архангельска. Другим значительным центром размещения поташных заводов были окрестности Брянска и Северщина [2].

С производством поташа связано основание первых иностранных мануфактур в России в первой половине XVII в. Успешное производство удалось организовать английскому предпринимателю Саймону Дигби, который с несколькими деловыми партнерами получил от царя Алексея Михайловича в эксклюзивное пользование леса на верхней Волге и Вологодчине. После смерти Дигби прибыльное дело продолжил его компаньон Уайт. Другой английский предприниматель — Александер Кроуфорд, с разрешения российского государя, жег поташ в муромских лесах. Получаемая продукция шала, в основном, на экспорт. Иностранцы уплачивали в казну около 1 рубля пошлины с бочонка поташа, продавали его на рынках Европы в 2-3 раза дороже. Используя бесплатное сырье, иностранцы ежегодно производили от 80 до 160 т поташа, а в особо удачные годы — до 310 т, что составляло от 15 до 25 % всего производства поташа в России (ок. 1200 т в год) [9, с. 56].

Производство поташа было основным направлением промышленной деятельности боярина Б.И. Морозова, являвшегося воспитателем и личным другом царя Алексея Михайловича. Морозову принадлежали земли в 17 уездах, во владении боярина было около 300 сел и десятки тысяч крестьян. Усилиями Морозова к началу 1660-х годов в его нижегородских владениях было запущено 29 будных станов, что превратило Верхнюю Волгу в регион с самым большим количеством поташных предприятий в России. Ежегодно каждый завод Морозова производил до 50 т поташа, боярин лично контролировал качество продукции. Морозовский поташ считался лучшим по качеству в России и за ее пределами. Значительная часть поташа с заводов Морозова поставлялась в казну, обеспечивая около 50% всех казенных нужд. Большая часть продукции отправлялась в европейские страны, занимая лидирующее место среди всех экспортных товаров России, при этом продукция друга царя освобождалась от пошлин [9, с. 59]. Поташ производился во владениях и других крупных вотчинников (боярин И.Д. Милославский, князя Черкасские, помещики

братья Ртищевы и др.), которые, являясь откупщиками, поставляли в казну 10 % произведенного продукта в качестве платы. Во второй половине XVII в. значительные предприятия, производящие поташ, располагались в уездах богатых лесом: Алаторском, Арзамасском, Нижегородском и Саранском. В меньших объемах поташ изготавливали на юге — в районе Курска и Белгорода [11, с. 61-62].

К 60-м годам XVII в. три четверти всех поставок поташа в казну обеспечивали откупщики. Бесконтрольно уничтожались даже стратегически важные приграничные леса. В 1659 году царь Алексей Михайлович для их сбережения подписал указ «О неотводе на будные станы лесов никому, ни по каким указам, и о писании о том Государю», которым ввел запрет на открытие новых поташных заводов в приграничной зоне [12]. Нахождение поташного промысла в частных руках стало противоречить государственным интересам. В 1690 была введена государственная монополия на производство поташа, частные промыслы перешли в казенную собственность. Центром казенного производства поташа стали бассейны рек Мокша и Сура, там располагались крупные государственные поташные заводы.

Весной 1712 г. Петр I своим указом вновь разрешил продажу поташа на условиях откупа частным лицам, производство стратегического сырья при этом осталось в ведении Адмиралтейства. Доверенные лица получили право продавать поташ за границу. Срок отдачи на откуп составлял три года [14].

Петр Великий, стремясь сохранить леса для строительства флота, порой доходил до мелочности. Так, известен его приказ от 1714 г. делать поташ из сучьев и щепы, оставшейся от деревьев, пошедших на постройку кораблей [7, с. 456].

К началу 20-х годов цены на поташ на рынках Англии (основного потребителя российского поташа) упали. Российское правительство не допускало снижения цены на продукцию казенных заводов и испытывало затруднения в реализации поташа. Английский рынок был заполнен низкокачественным, но более дешевым поташом польского производства. Кроме того, значительные поставки поташа в Англию шли с российских частных предприятий. Из примерно 3,5 тыс. бочек поташа, продаваемых за год в Англии, только 1 тыс.

была изготовлена на заводах России, принадлежащих казне [3, с. 125].

Правительство России стремилось удерживать цены на поташ на высоком уровне. Для этого активно использовались откровенно нерыночные методы. В 1719 г. Петр I объявил поташ исключительно казенным товаром и запретил торговать им частным лицам [15]. В 1721 г. законодатель установил ответственность за нарушение этого запрета. В 1723 г. император был вынужден вернуться к теме запрета производства поташа. В именном указе от 23 апреля «О запрещении делать поташ» Петр подтвердил запрет для частных лиц производить и торговать этим прибыльным товаром. При этом разрешалось распродать поташ, произведенный до введения запрета [16].

Частично конкуренты казенных заводов были нейтрализованы. Государство стало монополистом в деле производства и торговли поташом в России.

Для усиления контроля за экспортом поташа с 1722 г. его вывоз стал осуществляться через Санкт-Петербург, а не через Архангельск. Однако это изменение привело к серьезному росту стоимости транспортировки и уже с 1928 г. поташ было решено вновь вывозить через Архангельск [3, с. 125].

Использование исключительно механизмов государственно-правового регулирования не позволило удержать высокие цены на поташ. Вытеснение с рынка российских частных производителей оказалось неэффективной мерой. Повлиять же на иностранных производителей посредством административных мер не представлялось возможным. В связи с жесткой конкуренцией Коммерц-коллегии пришлось снизить цены на российский поташ и уменьшить его производство.

В XVII – XVIII в. быстро развивались другие лесохимические промыслы – производство дегтя и смолокурение. Широкое распространение промыслов было связано с сезонностью полевых работ. Русский крестьянин мог заниматься возделыванием земли до 5 месяцев в год. В остальные 7 месяцев крестьянин должен был искать дополнительные источники дохода. Таким образом, промыслы являлись дополнением к основному занятию крестьян и имели подсобный характер. Специализация промыслов в XVII в. усилилась [10, с. 41].

Смола и деготь применялись в кораб-

лестроении, в производстве канатов, строительстве, в кожевенном деле и в изготовлении некоторых видов вооружения (зажигательные стрелы, огненные и дымовые ядра). На основе смолы готовили лекарственные мази. Деготь использовался в качестве колесной смазки.

Смолокурение являлось популярным промыслом в районах, где имелись обширные лесные массивы и, одновременно, текли крупные реки – в Тотемском, Вельском, Сольвычегодском уездах, в Олонецком крае. Здесь была возможность транспортировать произведенную смолу по Северной Двине и ее левому притоку Ваге к Архангельску. Развито было производство смолы также в Западном Полесье и Прикамье (в Казанском и Свияжском уездах). На ряде промыслов смола производилась, фактически, в промышленных масштабах [11, с. 63].

Старинным и вместе с тем наиболее простым способом было производство смолы в ямах. Ямная технология предполагала выкапывание углубления на сухом и возвышенном месте. Ширина ямы была более 4 метров, глубина – около 1,5 метров. Стены и дно ямы выкладывали кирпичом, для стока смолы со дна ямы отводили трубу. В яму складывали стволы деревьев хвойных пород (ель, сосна), хворост и зажигали. В костер постоянно подкладывали древесину. После добавления последних связок хвороста костер сверху укрывали дерном и засыпали землей, прекращая поступления кислорода. Один цикл производства смолы занимал неделю. Аналогично изготавливали деготь. Отличалось лишь используемое сырье – сжигались стволы и ветви березы или березовая кора.

В XVIII – XIX вв. наибольшее распространение получил более прогрессивный и более сложный печной способ производства смолы. Смола высшего сорта имела черный цвет, она была негустой. Густая бурая смола считалась менее качественной, она содержала песчаные примеси. Смола низшего сорта имела бурый цвет, была жидкой, содержала значительное количество воды. Через Архангельск смола экспортировалась в европейские страны, пополняя российскую казну [11, с. 63].

Вплоть до 1707 г. производство и торговля дегтем и смолой находилась в руках откупщиков. 11 февраля 1707 г. Петр I запретил откупа и ввел строгий запрет на частную торговлю этими товарами. Царь

повелел все запасы смолы дёгтя под угрозой конфискации в казну продать по устоявшимся ценам ценовальникам под надзором мытенных (налоговых) бурмистров [13].

С сентября 1723 г. поташный и смольчужный промыслы были полностью переданы в ведение Коммерц-Коллегии (с 1719 г., когда была объявлена государственная монополия на производство и продажу поташа и смольчуга, контроль за производством осуществляло Адмиралтейство, а за торговлю отвечала Коммерц-Коллегия, что привело к неразберихе в организации заготовки поташа и смольчуга и финансовым потерям для казны) [17].

Строгий запрет, введенный на рубку лес для производства смолы, быстро привел к дефициту этого ценного товара, сокращению его экспорта и, соответственно, недополучению государством прибыли от продажи смолы за границу. Просьбы Коммерц-Коллегии о выделении леса для производства смолы регулярно направлялись в Адмиралтейство. Адмиралтейство посылало соответствующие распоряжения вальдмейстерам, однако эти распоряжения полностью игнорировались. Коммерц-Коллегия, опасаясь полного прекращения производства смолы, была вынуждена обратиться в Сенат с представлением о разрешении свободной заготовки древесины для ее производства. Сенат, изучив вопрос, выяснил, что при установленной норме производства смольчуга в 3000 бочек в год в последние годы его производство сократилось до 1500-1800 бочек, в 1725 г. нашелся только один подрядчик, который обязался произвести 300 бочек смолы, в следующем, 1726 г., возможно полное прекращение производства. Для исправления ситуации 5 июля 1725 г. Сенат принял решение разрешить свободную заготовку леса подрядчиками для производства смолы в Белгородской провинции (кроме окрестностей Брянска) [18].

Монополизация торговли смолой также не принесла пользы государству. Голландский купец Еремей (Херман) Меер, очевидно пользуясь личными связями с Петром Первым (один из детей купца даже был крестником монарха), в 1723 г. получил монопольное право на экспорт смолы. Меер регулярно задерживал уплату пошлины в казну. Государство дождалось срока окончания контракта, но от его продления отказалось. В соответствии с

указом Верховного тайного совета от 16 мая 1726 года покупка и продажа смолы на экспорт была объявлена свободной, монополия упразднялась [19; 24, с. 94]. Очевидно, это отрицательно повлияло на прибыльность предприятий голландца. Более того, Меер понес крупные убытки и был вынужден в ноябре 1726 года направить прошение на имя императрицы с просьбой отсрочить на год уплату пошлины за отгруженный в 1726 г. на иностранные торговые суда поташ [20].

Кризис производства на лесохимических производствах был, в первую очередь связан с падением цен на международном рынке на поташ, смолу и деготь. Основным конкурентом России выступила Польша.

Заключение. Введение государственной монополии на производство поташа, смолы, дёгтя и торговлю этими товарами не принесло пользы государству. Курс на получение максимальных доходов от экспорта указанной продукции за счет поддержания завышенных цен обернулся кризисом. Ценообразование, как показала практика, зависело не столько от решений российского правительства, сколько от рыночных механизмов. Регулирование цен на международном рынке с помощью административных мер оказалось невозможным. Иностранные конкуренты обрушили цены на внешних рынках. В результате продажи российского поташа и продуктов лесохимических промыслов значительно сократились, что привело к сокращению их производства.

Лишь в 30-е годы XVIII века российское правительство решилось на снижение цен и принятие эффективных мер конкурентной борьбы, позволившие вытеснить иностранных конкурентов с рынка и расширить производство и сбыт российской продукции [4, с. 88-89]. Обратной стороной роста экспорта поташа, смолы и дёгтя по сниженным ценам стало быстрое сокращение площади лесов европейской части России.

Таким образом, регулирование использования лесных ресурсов исключительно с опорой на административные механизмы может вести к разрушению производства, основанного на использовании лесных ресурсов. Сосредоточение государства лишь на административно-правовых мерах регулирования использования леса в России в XVII в. — первой четверти XVIII в. привело к кризисным явлениям в исследуемой сфере.

Благодарности: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личностей, общества и государства (номер 0851-20200033).

Список литературы

1. Арнольд Ф.К. История лесоводства в России, Франции и Германии /Ф.К. Арнольд. СПб: Издание А.Ф. Маркса, 1895. 403 с.
2. Артемьев М. Лесная добыча. Поташ, деготь и смола были важнейшими товарами экспорта на Руси // Forbes.ru 19.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/354821-lesnaya-dobycha-potash-degot-i-smola-byli-vazhneyshimi-tovarami-eksporta-na-rusi> (дата обращения: 05.10.2022).
3. Богатырев Э.Д. Организация экспорта поташа в первой половине XVIII века // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3 (22). С. 124-127.
4. Богатырев Э.Д. Развитие казенной поташной промышленности России в 30-40-х гг. XVIII в.: от расцвета к кризису // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 4-1. С. 86-92.
5. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву: Исслед. Сергея Ведрова. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1878. IV, 224 с.
6. Врангель В. История лесного законодательства Российской Империи. СПб.: Тип. Фишера, 1841. 153 с.
7. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Издание второе. Т. 5. М.: Типография Николая Степанова. 1838. 602 с. + XVI с.
8. Малевич Б. Лес и лесоустройство. Очерк из практики лесоустроительных и оценочных работ. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1903. 239 с.
9. Муравьева Л.А. Российское предпринимательство в XVII веке // Дайджест-Финансы. 2005. № 3 (123). С. 54-63.
10. Муравьева Л.А. Социально-экономическое развитие московского государства (вторая половина XV-XVII вв.) // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 15. С. 37-48.
11. Очерки русской культуры XVII века. Часть 1. Материальная культура: Сборник. Гл. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1979. 352 с.
12. Полное собрание законов (далее – ПСЗ). Т. 1. № 250.
13. ПСЗ. Т. 4. № 2153.
14. ПСЗ. Т. 4. № 2510.
15. ПСЗ. Т. 5. № 3428.
16. ПСЗ. Т. 7. № 4197.
17. ПСЗ. Т. 7. № 4292.
18. ПСЗ. Т. 7. № 4748.
19. ПСЗ. Т. 7. № 4883.
20. Сборник Императорского Русского исторического общества. Том пятьдесят шестой. Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1887. 673 с.
21. Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. Модернизация лесной отрасли Российской империи во второй трети XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 148-154.
22. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд. Академии наук СССР. 1957. 213 с.
23. Черных В.В. Лесное законодательство при преемниках Петра I // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3 (70). С. 14-21.
24. Шелгунов Н.И. История русского лесного законодательства. СПб.: тип. М-ва гос. имуществ, 1857. 378 с.

**LEGAL REGULATION OF THE USE OF FOREST RESOURCES IN RUSSIA
FOR CHEMICAL INDUSTRY IN THE SECOND HALF OF THE XVII - THE FIRST
QUARTER OF THE XVIII CENTURIES**

In the history of any state, the forest domain played a great role. Russia, being a country with the richest forest resources, pays great attention to the state regulation of forest management and forest conservation. The history of the use of forest resources is part of the history of Russia. The relevance of the topic is due to the change in the concept of teaching the history of Russia for students studying in specialized historical and non-core specialties and areas of training in universities. The number of hours devoted to the study of national history is increasing; the history of Russia will be singled out from the course of world history as an independent academic discipline. Students will have the opportunity to study in more detail various aspects of the history of the Russian state. The article analyzes the measures of state regulation of the use of forest resources for the production of potash, resin and tar in Russia in the 17th century. - the first quarter of the XVIII century. and also questions of regulation of trade in the specified goods. The analysis of normative legal acts that determined the conditions and features of production and trade in products obtained from wood processing was carried out. It is concluded that the state's focus only on administrative and legal measures to regulate the use of forests in Russia, without taking into account economic realities, demonstrates low efficiency and leads to crisis phenomena in the area under study.

Keywords: forest resources, forest law, state regulation, potash, tar smoking, tar, wood chemical production, export.

References

1. Arnol'd, F.K. (1895). *Istoriya lesovodstva v Rossii, Francii i Germanii* [History of forestry in Russia, France and Germany]. SPb: A.F. Marks. 403 s.
2. Artem'ev, M. (2018). *Lesnaya doby'cha. Potash, degot' i smola by'li vazhneyshimi tovarami e'ksporta na Rusi* [Forest mining. Potash, tar and resin were the most important exports in Rus'] // Forbes.ru. Retrieved 05 October, 2022 from <https://www.forbes.ru/biznes/354821-lesnaya-dobycha-potash-degot-i-smola-byli-vazhneyshimi-tovarami-eksporta-na-rusi>.
3. Bogaty'rev, E'.D. (2008). *Organizaciya e'ksporta potasha v pervoj polovine XVIII veka* [Organization of potash export in the first half of the 18th century]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-e'konomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University]. 3 (22). 124-127.
4. Bogaty'rev, E'.D. (2008). *Razvitie kazennoj potashnoj promy'shlennosti Rossii v 30-40-x gg. XVIII v.: ot rasczveta k krizisu* [The development of the state-owned potash industry in Russia in the 30-40s. 18th century: from heyday to crisis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg university. History]. 4-1. 86-92.
5. Vedrov, S. (1878). *O lesooxranenii po russkomu pravu: Issled. Sergeya Vedrova* [About forest protection according to Russian law]. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazov i K°. IV, 224 s.
6. Vrangeli, V. (1841). *Istoriya lesnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii* [History of the forest legislation of the Russian Empire]. SPb.: Tip. Fisher. 153 s.
7. Golikov, I.I. (1838). *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, so-branny'e iz dostovern'x istochnikov i raspolozhenny'e po godam* [Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and arranged by years]. 2-e izd. T. 5. M.: Tip. Nikolay Stepanov. 602 s. + XVI s.
8. Malevich, B. (1903). *Les i lesoustroystvo. Ocherk iz praktiki lesoustroitel'ny'x i ocenochny'x rabot* [Forest and forest management. Essay from the practice of forest management and evaluation work]. M.: Tip. Tov. I.D. Sy'tin. 239 s.
9. Murav'eva, L.A. (2005). *Rossijskoe predprinimatel'stvo v XVII veke* [Russian entrepreneurship in the 17th century]. *Dajdzhest-Finansy* [Digest Finance]. 3 (123). 54-63.
10. Murav'eva, L.A. (2018). *Social'no-e'konomicheskoe razvitie moskovskogo gosudarstva (vtoraya polovina XV-XVII vv.)* [Socio-economic development of the Moscow state (second half of the 15th-17th centuries)]. *Buxgalterskij uchet v byudzhety'x i nekommercheskix organizacijax* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. 15. 37-48.
11. *Ocherki russkoj kul'tury' XVII veka. Chast' 1. Material'naya kul'tura: Sbornik* [Essays on Russian culture of the 17th century. Part 1. Material culture: Collection]. (1979). Gl. red. [Chief editor] A.V. Artsikhovskiy. M.: MGU. 352 s.
12. *Polnoe sobranie zakonov* [Complete code of laws of the Russian Empire]. (PSZ). T. 1. № 250.
13. PSZ. T. 4. № 2153.
14. PSZ. T. 4. № 2510.
15. PSZ. T. 5. № 3428.

16. PSZ. T. 7. № 4197.
17. PSZ. T. 7. № 4292.
18. PSZ. T. 7. № 4748.
19. PSZ. T. 7. № 4883.
20. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. 56. (1887). Sankt-Peterburg: tip. I.N. Skorokhodov. 673 s.
21. Tyapkin, M.O., Tyapkina O.A. (2016). Modernizaciya lesnoj otrasli Rossijskoj imperii vo vtoroj treti XIX v. [Modernization of the timber industry of the Russian Empire in the second third of the 19th century]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]. 2(90). 148-154.
22. Czvetkov, M.A. (1957). Izmenenie lesistosti Evropejskoj Rossii s konca XVII stoletiya po 1914 god [Changes in the forest cover of European Russia from the end of the 17th century to 1914]. M.: Izd. Akademii nauk SSSR. 213 s.
23. Cherny`x, V.V. (2015). Lesnoe zakonodatel'stvo pri preemnikax Petra I [Forest legislation under the successors of Peter I]. Sibirskij yuridicheskij vestnik [Siberian law herald]. 3 (70). 14-21.
24. Shelgunov, N.I. (1857). Istoriya russkogo lesnogo zakonodatel'stva [History of Russian forest legislation]. SPb.: tip. M-vo gos. imushhestv, 1857. 378 s.

Об авторе

Никифоров Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет (Россия), E-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Nikiforov Sergey A. — Candidate of historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University Kursk, Russian Federation (Russia), E-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Петросова Т.Г., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. (Россия)

БРИТАНСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье исследуется британская внешнеполитическая стратегия в Дальневосточном регионе в конце XIX – начале XX вв. Во второй половине XIX века произошел окончательный раздел сфер влияния в мире. Несмотря на это обстоятельство, ряд государств стремились к его переделу, поэтому неудивительно, что Дальний Восток в этих условиях вызывал интерес со стороны Великобритании, России, США, Франции и Германии, Японии. Великобритания в обозначенный период старалась сохранить свои лидерские позиции на международной арене в изменяющихся геополитических и экономических условиях. Активной была конкуренция ведущих держав в Дальневосточном регионе. Постепенно на этом фоне в дипломатии Великобритании происходит переход от политики «блестящей изоляции» к политике заключения союзов с теми державами, интересы которых ближе всего английским. Со второй половины XIX века вплоть до начала XX века Великобритания оказывала сопротивление завоевательной политике России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке и, исходя из этого, выстраивала свои отношения с другими государствами. Свою колониальную политику Великобритания проводила очень осторожно, прибегая к колониальным захватам только в том случае, когда нарушение британских интересов было неизбежным.

Ключевые слова: Дальний Восток, большая игра, империализм, внешняя политика Великобритании, политика «блестящей изоляции», концепция «бремени белого человека», колониализм, Дальневосточный вопрос.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-103-108

Вторая половина XIX века – время важнейшего этапа в формировании структуры Британской империи. В этих условиях постоянно вносились изменения в имперскую идею, которая включала в себя представления об истории, современном развитии и будущем империи, ценности и идеалы.

В изменившихся к концу XIX в. международных условиях, вызванных усилением экономических и военно-политических позиций Германии и США в мире, формированием военно-политических блоков (Тройственного и франко-русского союзов) в английских политических кругах широко дебатировался вопрос о целесообразности сохранения политики «блестящей изоляции». Среди членов консервативного правительства не было единства по этому вопросу. Дж. Чемберлен, лидер либерал-унионистов после раскола либеральной партии в 1886г. и министр колоний в кабинете маркиза Солсбери, один из первых понял, что старая британская политика «блестящей изоляции» отжила свой век и что в новых условиях Англия не могла проводить свою политику старыми методами. Поэтому уже в начале правления консерваторов он выступил за отказ от этой политики, призывая заключить союз с теми державами, интересы которых ближе всего к английским. [2, с. 146]

Американский исследователь С. Лоу в своей работе «Империалисты поневоле»

обосновал преемственность и оборонительный характер британской колониальной политики. По мнению автора, на проведение колониальных захватов британский кабинет шел лишь в крайних случаях, если избежать нарушения британских интересов было невозможно. [4, с. 14]

Со второй половины 80-х и до 90-х гг. XIX века Великобритания, как и ряд других европейских государств, проводила экспансионистский курс в Африке, Азии и Тихом океане, главной целью которого было расширение сферы влияния и укрепления политического и экономического господства.

В период нахождения у власти консервативного правительства во главе с маркизом Солсбери (1886-1892 гг.) колониальная политика Великобритании отличалась целенаправленностью и масштабностью проводимых акций. Еще в 1885г. русский журнал «Вестник Европы» писал о лидере тори: «...он стал одним из государственных людей новой консервативной школы, совмещающий в себе радикальные приемы и реформаторские истины с традиционными охранительными стремлениями. Девиз этой школы – успех и могущество, а способы действия – удовлетворение потребностей и желаний общества без крупных реформ, забота о широкой популярности в народе, смелая и энергичная иностранная политика». [3, с. 216].

В этот исторический период в Великобритании не только окончательно сформировалась концепция «бремени белого человека», базирующаяся на убежденности в моральном превосходстве англичан над всеми другими нациями, но, что самое главное, она всячески культивировалась через систему воспитания, в частности, школы, которые воспитывали из британцев джентльменов. [10, с. 100]

В период правления королевы Виктории население Великобритании составляло 2 % от численности населения мира. Более того, влияние империи раскинулось на 12 миллионов квадратных миль, поэтому, внешняя политика страны должна была быть выстроена таким образом, чтобы быть готовой к адаптации к любой, даже чуждой для нее социально-культурной среде, а также к недопущению открытых столкновений с конкурентами на международной арене.

Великобритания на протяжении многих столетий связывала свои экономические интересы с Дальним Востоком, и прежде всего с Китаем. В 1893г. сумма торгового оборота Британии с Китаем была чуть выше 35 млн. ф. ст., в то время как с Японией не превышала 9,5 млн. ф. ст. Свои же интересы Британия сосредотачивала в долине Янцзы и Шанхае. [1, с. 43-54].

Вторая половина XIX века — период бурного железнодорожного строительства. К 1889 году протяженность российской рельсовой сети превысила 27 тыс. км [12, с.246]. Спустя пять лет сеть расширилась до 31 тыс. км. [12, с. 284]. Англичане расценивали транспортные достижения России как прямую угрозу своей национальной безопасности. [8, с. 189].

Именно в это время Великобритания активизирует свою колониальную политику в отношении Дальнего Востока, это направление становится одним из приоритетных в рамках соперничества с другими государствами вплоть до начала XX века. Любое проникновение какой-либо державы в этот регион британцы воспринимали как угрозу своим геополитическим интересам.

Одним из факторов активизации колониальной политики Великобритании на Дальнем Востоке стала Японо-китайская война 1894-1895 гг., которая завершилась, как известно, разгромом находившейся в глубоком упадке колоссальной по территории и населению Цинской империи. В

результате бытовавшее длительное время среди европейцев представление о Китае как, говоря словами известного британского политического деятеля Джорджа Натаниэля Керзона, об уродливом, но все еще могучем анахронизме», окончательно развеялось. Поднебесное государство, еще в 1800 г. производившее больше товаров, чем Великобритания, превратилось в объект соперничества держав, которые стремились использовать ситуацию для завоевания и укрепления своих позиций на Дальнем Востоке, понимая, что тем самым они получают дополнительные весомые «козыри» в дипломатической «игре» как на региональном, так и на глобальном уровнях. [16, с. 21]. Обострение международных отношений в этих условиях становилось неизбежным.

В период к. XIX — н. XX вв. европейские государства избрали концепцию равновесия сил, как способ урегулирования межгосударственных отношений, которая была разработана англичанами еще в XVIII веке. Эта концепция не предполагала предотвращение кризисов в отношениях между государствами, а лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможность господствовать одним государствам над другими.

Меняется и расстановка политических сил на Дальнем Востоке. После опиумных войн Китай был значительно ослаблен, поэтому стал легкой добычей для европейских держав. В этот же период на мировой политической арене свою нишу занимает Тибет, который стремиться утвердить свою независимость, выстраивая отношения с Россией, Китаем, Великобританией и Монголией.

Захват портов и аренда отдельных районов Цинской империи мировыми державами создали предпосылки для проникновения вглубь ее территории с целью обеспечения наиболее выгодных позиций в виду предстоящего, как тогда казалось многим, распада Китая. И в этом состояла принципиальная новизна ситуации по сравнению с предыдущим периодом. [16, с. 67-68].

Интересы держав сосредотачивались в долине Янцзы и в провинции Чжили, а на территории к северу от Великой стены претендовали Япония, Англия и косвенно Соединенные Штаты Америки.

Главной заинтересованной стороной в обоих направлениях выступал Лондон. Но если на северо-востоке Китая угрозу

главным образом торгово-экономическим интересам Англии представляла Россия, а также до определенной степени Японии, то ликвидация монопольного положения англичан в приморских провинциях бассейна Янцзы явилась бы серьезным ударом по позициям Британской империи во всей Восточной Азии, ибо проникновение в указанную область Германии, Франции и все той же Японии открывало им дорогу к Бирме и далее к жемчужине английских колониальных владений — Индии. [16, с. 69].

Особенно ярким в конце XIX века было соперничество между Великобританией и Россией в стремлении завоевать господствующие позиции на Дальнем Востоке.

Великобритания стремилась к закреплению и экономического, и политического доминирования в этом регионе. Для обеспечения политического присутствия она использовала систему многочисленных агентов, проникавших на территорию Тибета и на Дальний Восток, поднимающих против китайского национального движения компрадорскую буржуазию, то есть ту, которая была заинтересована в торговом посредничестве между великими державами и Китаем. [17, с. 292]. Вместе с тем, тибетские миссии в Россию дали повод англичанам направить британскую военную экспедицию в Тибет в 1903-1904 гг. Этот эпизод в русско-английских отношениях создал условия для взаимного определения намерений сторон. Перед Россией у Великобритании было определенное преимущество в этом направлении, так как у нее уже были значительные успехи на юге, вследствие чего она достигла полной силы.

Особую опасность от России англичане почувствовали в 1896 году, когда Китай согласился на проведение русского железнодорожного пути по территории Маньчжурии. В этих условиях Великобритания стала разрабатывать новую стратегию сдерживания русских в дальневосточном регионе. Для реализации этой цели, как нельзя, кстати, подходила Япония, которая тоже имела свои территориальные претензии в Китае. В 1902 году Великобритания и Япония заключили союзное соглашение. Для закрепления своего геополитического положения на Дальнем Востоке, британцы арендовали у Китая Вейхай-вей, создав там собственную морскую базу, благодаря чему смогли утвердиться в бассейне Янцзы и провинции Шанси.

«Британцы решили противостоять России путем заключения союзов с великими европейскими державами и оказания помощи таким отсталым государствам, как Османская империя, Персия, Афганистан и Китай. Все эти страны также опасались неукротимого экспансионизма России. Таким образом, Большая Игра и холодная война (так у автора. — *Е.С.*) определяли ход истории в контексте урегулирования так называемых восточного, центрально-азиатского и дальневосточного вопросов». [15, с. 16]

Почти весь XIX век, вплоть до начала XX века, прошел под знаком сопротивления Великобритании завоевательной политике России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Она поддерживала Османскую империю и ревностно смотрела на стремление Российской империи к расширению свое влияния в районе Проливов. Совместно с Японией, с которой заключила союз в 1902 г., Великобритания старалась противодействовать российскому проникновению на Дальнем Востоке. В рамках Большой игры она сталкивалась и противостояла русскому продвижению в Средней Азии. По соглашению 1907 г. между Россией и Великобританией, Россия лишилась права непосредственных дипломатических сношений с Афганистаном и должна была, отозвав своих дипломатических представителей, сноситься с афганским правительством только через английских дипломатов в этом государстве. Этим соглашением Великобритания завершила свою политику, имевшую целью приостановить расширение владений России всюду, в том числе и в Средней Азии, вблизи Британской Индии. [13]

Э. Грей (*заместитель министра иностранных дел в 1892-1895гг, министр иностранных дел в 1905-1916гг.*), оправдывая имперскую политику Англии на Дальнем Востоке, поддерживал широко применяемый английскими политическими кругами тезис об «оборонительном курсе» Великобритании, особенно против России. Исходя из этого, он считал, что существовало три возможных варианта британской политики относительно России. Первый заключался в противодействии со стороны Англии расширению российской экспансии в Азии. Англия должна была каждый раз выдвигать препятствия, когда царское правительство предпринимало «очередные экспансионистские действия». Грей находил

этот курс нежелательным. Второй вариант заключался в установлении взаимоотношений с Россией по азиатским вопросам. Английская и русская политика в Азии должна была рассматриваться как единая политика. Этот политический курс, по мнению Грея, был наиболее желательным. Третий Грей определял как политику дрейфования, то есть политику уступок и противодействий, которая, в конечном счете, не приносила никаких выгод. Грей считал, что именно этому политическому курсу в течение определенного времени следовала английская дипломатия, и находил его «нестерпимым». [2, с. 153-154]

Великобритания в рамках сдерживания влияния России на Дальнем Востоке вела переговоры с Германией, содержание которых варьировалось вокруг вопроса о предоставлении совместного денежного займа Китаю с выгодой для этих держав. В это же время британское правительство рассматривало идею союза с США.

Таким образом, Великобритания в ходе борьбы за господство на Дальнем Востоке использовала старую проверенную стратегию — с помощью других государств (в данном случае, Германии и США) поддерживала свои геополитические интересы, тем самым усиливая свое господство в Китае.

В рамках сближения с Соединенными Штатами и Германией для возможного раздела Китая между ними, британские правящие круги выступали публично против его раздела, несмотря на то, что сама Великобритания получала обширную территорию Янцзы. Связано это было с тем, что британские планы предполагали полностью овладеть китайской территорией [5, с.115].

В годы Русско-японской войны Великобритания сохраняет формальный нейтралитет, хотя и участвовала в проведении поставок вооружений воюющей Японии на протяжении 1904-1905 гг. Более того, Япония не смогла бы в те времена вести войну без дополнительных капиталовложений, которые она регулярно получала из Великобритании и США, а английские банки

финансировали военную подготовку японцев еще задолго до начала войны. В ходе Русско-японской войны единственной дружески настроенной к России великой державой была Германия. Германия с 1870 по 1906 г. была обеспокоена возможностью ведения войны на два фронта и постоянно пыталась если не разорвать, то, по крайней мере, ослабить русско-французский союз. [19, с. 94] Таким образом, за счет ослабления России в ходе русско-японской войны, Великобритания планировала укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, при этом, не вступая в открытый военный конфликт, так как главным противником Британии уже тогда выступала Германия, а Россия представлялась единственным средством для ее сдерживания.

В связи с укреплением позиций Германии на мировой арене Великобритания изменила свой внешнеполитический курс на сближение с Россией сразу же после окончания Русско-японской войны в 1905 году. Первым шагом в этом направлении стала Конвенция 1907г., подписанная между Великобританией и Россией, в соответствии с которой был обозначен раздел Персии, признано влияние Британии в Афганистане при обязательстве невмешательства во внутренние дела и неиспользования Афганистана в ущерб России, нейтралитет Тибета, над которым признается суверенитет Китая.

Таким образом, анализируя внешнеполитический курс Великобритании в отношении Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв., можно отметить его определенную трансформацию от сохранения принципов «блестящей изоляции» до заключения соглашений в рамках формирования военно-политических блоков. В то же время, можно отметить двойственность политики Великобритании. С одной стороны, она стремилась закрепить свое положение в регионе любой ценой, с другой стороны старалась не вступать в открытый конфликт с конкурирующими державами, используя тактику сдерживания и противовесов.

Список литературы

1. Верисоцкая Е.В. Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX начале XX вв. / Е.В. Верисоцкая. — М.: Ригал, 1990г.
2. Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX — XX веков. — Орел, ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2009г.
3. Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX

века. Монография. – Орел, Изд-во ОГУ, 2008г.

4. Глеб М. В. Имперская идея в Великобритании. Вторая половина XIX века. – Минск, Изд-во «Белорусская наука», 2007г.

5. Губер А. А. Международные отношения на Дальнем Востоке (1894 -1904 гг.) Т. 1. / А.А. Губер Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР, 1947г.

6. Ерусалимский А. С. Из истории империалистической политики Англии на Дальнем Востоке в конце XIX века. (Миссия лорда Бересфорда.) / А.С. Ерусалимский // Вопросы истории. – 1951г. – № 5.

7. Ерусалимский А.С. Колониальная экспансия капиталистических держав в XVII-XIX вв. / А.С. Ерусалимский. – М.: Питер, 1974г.

8. Зыкин Д. Л. Большая игра: Британия и США против России/ Д. Л. Зыкин – М.: Алгоритм, 2017г.

9. Киссинджер Г. Дипломатия, <https://www.rulit.me/books/diplomatiya-read-283887-1.html>

10. Малов Ю. А. Великобритания – Россия: Исторический мезальянс / Ю. А. Малов – М.: Грифон, 2016г.

11. Медведев А. А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. / А. А. Медведев – М.: издательство «Э», 2016г

12. Министерство финансов. Т.2 – М.: Типография ИПО «Полигран», 1994г

13. Никольсон Г. Дипломатия, <https://www.litmir.me/br/?b=567027&p=2>

14. Порт-Артур и Дальний, 1894-1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов; Центр гуманитарных инициатив, Москва – Санкт-Петербург, 2018г.

15. Сергеев Е. Ю. «Большая игра, 1856 – 1907гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии»/ Е. Ю. Сергеев – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012г.

16. Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897-1903гг. – М.: ИВИ РАН, 1998г.

17. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961г.

18. Шаумян Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре»/ Т. Л. Шаумян – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017г.

19. Широкопад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857 – 1907, <https://www.litmir.me/br/?b=280954&p=1>

20. Barbara W. Tuchman. The Proud Tower. A Portrait of the World before the War. 1890-1914. The Macmillan Company, New York, 1966

21. Kelly J. S. A Forgotten Conference: The Negotiations at Peking, 1900-1901. Geneve, 1963

BRITISH FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE FAR EASTERN REGION AT THE END OF THE 19th CENTURY, BEGINNING OF THE 20th CENTURY.

The article examines the British foreign policy strategy in the Far Eastern region in the late XIX – early XX centuries. In the second half of the XIX century, the final division of spheres of influence in the world took place. Despite this fact, a number of states sought to redistribute it, so it is not surprising that the Far East in these conditions aroused interest from the United Kingdom, Russia, the United States, France and Germany, Japan. During the designated period, Great Britain tried to maintain its leadership position in the international arena in the changing geopolitical and economic conditions. The competition of the leading powers in the Far Eastern region was active. Gradually, against this background, Great Britain's diplomacy is moving from a policy of "brilliant isolation" to a policy of concluding alliances with those powers whose interests are closest to the British. From the second half of the XIX century until the beginning of the XX century, Great Britain resisted Russia's aggressive policy in Central Asia and the Far East and, based on this, built its relations with other states. Great Britain pursued its colonial policy very carefully, resorting to colonial seizures only when a violation of British interests was inevitable.

Keywords: the Far East, the big game, imperialism, British foreign policy, the policy of "brilliant isolation", the concept of "white man's burden", colonialism, the Far Eastern question.

References

1. Verisotskaya E.V. (1990) The ideology of Japanese expansionism in Asia in the late XIX – early XX centuries / E.V. Verisotskaya. - М.: Regal.

2. Gella T. N. (2009) The geopolitical interests of Great Britain and British political parties

in the late XIX – XX centuries. – Orel, GOU HPE "Orel State University".

3. Gella T. N. (2008) W. Gladstone, liberals and the British Empire in the last third of the XIX century. Monograph. – Orel, OSU Publishing House.

4. Gleb M. V. (2007) Imperial idea in Great Britain. The second half of the XIX century. – Minsk, Publishing house "Belarusian Science".

5. Huber A. A. (1947) International relations in the Far East (1894-1904) Vol. 1. / A.A. Huber Scientific notes of the Pacific Institute of the USSR Academy of Sciences.

6. Yerusalimsky A. S. (1951) From the history of the imperialist policy of England in the Far East at the end of the XIX century. (The Mission of Lord Beresford.) / A.S. Yerusalimsky // Questions of history. 5.

7. Yerusalimsky A.S. (1974) Colonial expansion of capitalist powers in the XVII–XIX centuries / A.S. Yerusalimsky. – M.: Peter.

8. Zykin D. L. (2017) The Big Game: Britain and the USA against Russia/ D. L. Zykin - M.: Algorithm.

9. Kissinger G. Diplomacy, <https://www.rulit.me/books/diplomatiya-read-283887-1.html>

10. Malov Yu. A. (2016) Great Britain – Russia: Historical misalliance / Yu. A. Malov - M.: Gryphon.

11. Medvedev A. A. (2016) War of Empires. The secret history of the struggle of England against Russia. / A. A. Medvedev – M.: publishing house "E"

12. Ministry of Finance. Vol.2 (1994) – M.: Printing house of IPO "Polygran"

13. Nikolson G. Diplomacy, <https://www.litmir.me/br/?b=567027&p=2>

14. Port Arthur and the Distant, 1894-1904: the last colonial project of the Russian Empire. Collection of documents (2018) Center for Humanitarian Initiatives, Moscow – St. Petersburg

15. Sergeev E. Yu. (2012) "The Big Game, 1856-1907: myths and realities of Russian–British relations in Central and East Asia"/ E. Yu. Sergeev - M.: Association of Scientific Publications of the CMC

16. Sergeev E. Yu. (1998) Policy of Great Britain and Germany in the Far East 1897-1903 – M.: IVI RAS

17. Chicherin G. V. (1961) Articles and speeches on international politics, Moscow, 1961.

18. Shaumyan T. L. (2017) Russia, Great Britain and Tibet in the "Big Game"/ T. L. Shaumyan – M.: Association of Scientific Publications of the CMC

19. Shirokorad A. B. Russia – England: the Unknown War, 1857 – 1907, <https://www.litmir.me/br/?b=280954&p=1>

20. Barbara W. Tuchman. (1966) The Proud Tower. A Portrait of the World before the War. 1890-1914. The Macmillan Company, New York

21. Kelly J. S. (1963) A Forgotten Conference: The Negotiations at Peking, 1900-1901. Geneve

Об авторе

Петросова Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: tatyanka1204@rambler.ru

Petrosova Tatiana Gennadievna – post-graduate student of Bryansk State University. Academician I. G. Petrovsky of the Department of General History and International Relations of the field of study "Historical Sciences and Archeology. (General History: New and Recent history of the countries of Europe and America), e-mail: tatyanka1204@rambler.ru

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Яненко Е.М., студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США (1861–1865 гг.) В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИРСА: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

В статье рассматривается отражение Гражданской войны в США в творчестве американского писателя Амброза Бирса (1842–1914?). Проведен анализ содержащихся в нем исторических реалий и художественного вымысла. Гражданская война в США — ключевое, возможно, даже главное событие в американской истории. События Гражданской войны нашли отражение на страницах исторических исследований, в дневниках, автобиографиях, мемуарах, периодической печати, документах армий Союза и Конфедерации и других источниках. Показано, что большое значение для понимания восприятия современниками исторических событий XIX в. имело их отражение не только в документах, но и в художественной литературе, в которой нашла своё преломление эпоха. Но такие источники информации о войне, как художественные произведения современников, носят специфический характер, поскольку в них нашла отражение не только правда, но и литературный вымысел. Особое значение имеет творчество непосредственного свидетеля событий военного времени, участника Гражданской войны писателя-северянина А. Бирса. В его произведениях нашли отражение реальные события и образы северян и южан — солдат, офицеров, генералов и гражданских лиц. Серия рассказов А. Бирса, несмотря на субъективные оценки, помогает лучше понять и почувствовать психологию военнотружущего периода кровавого столкновения северных и южных штатов и осмыслить феномен войны в целом.

Ключевые слова: Гражданская война в США, конфликт между Севером и Югом США, северяне и южане в XIX в. в Америке, Амброс Бирс, отражение исторических событий в художественной литературе.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-109-114

Гражданская война в США между штатами Севера и Юга стала самым разрушительным и кровопролитным конфликтом в истории этой страны. Согласно новейшим исследованиям она привела к гибели не менее 1 млн. чел. из примерно 34 млн. чел. населения США (ранее историки занижали количество жертв войны и писали о 600 — 660 тыс. погибших с обеих сторон). В первый период войны (1861–1863 гг.) федеральные войска потерпели ряд унижающих поражений от мятежников-южан. Впоследствии Союз вынужден был перейти к уничтожению инфраструктуры Юга, к тактике «выжженной земли», осуществляя глубокие разрушительные рейды на территории Конфедеративных Штатов. Цикл рассказов 1880–1900-х гг. американского писателя и журналиста, ветерана военных действий Амброза Гуиннета Бирса, посвященных Гражданской войне в США, представляет собой весьма занимательный литературный памятник, который наглядно отражает изнанку исторических событий.

Автор родился в штате Огайо в бедной многодетной семье. В пятнадцать лет начал работать в типографии одной из местных аболиционистских газет. В 1859 г. поступил

в Военный институт Кентукки, что было весьма престижно. Гражданская война нагрянула, когда Бирс еще являлся студентом, поэтому в 1861 г. записался в армию добровольцем. Амброзу Бирсу удалось проявить себя на службе: уже в августе 1861 г. он стал сержантом, а в сентябре его повысили до сержант-майора. Знания и навыки, приобретенные за год обучения в военном институте,годились Бирсу во время пребывания на фронте. На протяжении войны он исполнял обязанности топографа: занимался изучением местности и составлением карт исследуемых территорий» [2, с. 405]. Будущий писатель принял участие в знаменитых сражениях, таких как битвы при Шайло (6–7 апреля 1862 г.), при Чикамоге (19–20 сентября 1863 г.), а также при Стоун-Ривер (31 декабря 1862 — 2 января 1863 гг.).

В рассказах Бирса нашли отражение трагические исторические события. Например, упоминаются сражения «великой войны» при Гейнс-Милл (27 июня 1862 г.) [1, с. 133], при Нэшвилле (15–16 декабря 1864 г.) [1, с. 122], осада Атланты войсками Союза и ее капитуляция (7 мая — 2 сентября 1864 г.) [1, с. 148], резня Феттермана [1, с. 141] (уничтожение воинами сиу и других племен крупного американского отряда 21

декабря 1866 г. на территории Вайоминг). В произведениях Бирса упоминаются важные исторические понятия (республиканцы, демократы, плантаторы-рабовладельцы, сторонники сессии — отделения Юга, джейхокеры [1, с. 100] — партизаны Канзаса 1850-х гг. и др.). Он уделил внимание и историческим персоналиям, в числе которых — генерал Улисс Грант (1822-1885), главнокомандующий армией Союза на заключительном периоде Гражданской войны (1864-1865 гг.). «...Генерал Грант, которому не могло быть больше сорока, неплохо сохранившийся старикан, учитывая его привычки» [1, с. 121-122] (имеется ввиду алкоголизм знаменитого полководца северян). Помимо исторических деталей произведения Бирса изобиловали вымышленными военными событиями и художественными преувеличениями. Так, с юмором он писал о том, как «две тысячи солдат атаковали 25-тысячную армию противника и полностью разгромили ее» [1, с. 106].

Выделим несколько основных аспектов, затрагиваемых А. Бирсом в рассказах о Гражданской войне: образ врага, героизм и романтизация войны, неприглядность солдатской жизни. Образ врага почти параллелен образу Чужого в восприятии простого солдата. На время войны забываются принадлежности людей к одной нации, проживание на одной территории, внешнее и культурное родство воюющих сторон. В рассказе «Сын богов (Эскиз в настоящем времени)» (1888 г.) Бирс пишет: «Солдат никогда не поверит до конца, что его враги такие же люди, как он сам, и не избавится от чувства, что они существа другого порядка, иначе воспитанные и живущие не совсем в земных условиях» [4, С.29]. Плачевное положение врага показано и в «Случае на передовой» (1897 г.): «Конфедератам не повезло: у большинства из них не было штыков; они дрались дубинками и прикладами ружей. Звуки битвы напоминали тот стук и грохот, что издают схватившиеся рогами быки; то хрустнет раздробленный череп, то кто-то чертыхнется, то раздастся хрип от удара дулом в живот, пронзенный штыком.» [5, с. 91]. Здесь видим и беспощадную расправу над конфедератами, и отсутствие у врага нормального оружия (на Юге было мало военных заводов, но производилось много хлопка и проживало около 4 млн. рабов).

Эти утверждения автора справедливы

только отчасти. В течение всей войны Юг действительно испытывал большие трудности с материальным обеспечением войск, но они не были критическими. Конфедерация не могла полностью одеть, обуть, накормить, вооружить свою армию. Бирс, тем не менее, преувеличивал степень жестокости сторон Гражданской войны. В ее ходе обе стороны стремились быть «джентльменами», старались соблюдать основные правила и обычаи ведения войны. Максимальное ожесточение наблюдалось в ходе рукопашных схваток. Известны случаи, когда солдаты, израсходовав в бою все боеприпасы, закидывали друг друга камнями. Отношение к побежденному врагу в традициях XIX в. было, как правило, «благородным». Военнопленных не убивали, а обменивали, поскольку конвоирование и содержание было сложным и затратным делом. Часто их отпускали домой (даже на поле боя) с условием, что они больше не будут воевать против другой стороны вплоть до формального освобождения или обмена. Действовало так называемое «условное освобождение», которое, однако, не соблюдалось на практике — иногда освобожденные солдаты и офицеров вновь участвовали в боевых действиях. Ожесточение между сторонами нарастало ближе к окончанию конфликта (1864–1865 гг.), когда фактически перестал действовать институт обмена пленными. В результате из-за тяжелых условий содержания в лагерях погибли тысячи (по некоторым подсчетам более 55 тыс.) попавших в плен солдат и офицеров — южан и северян [8]. Известны также случаи массовых расправ конфедератов над сдавшимися в плен федеральными солдатами — афроамериканцами, являвшимися бывшими рабами. Одним из таких инцидентов была резня в форте Пиллоу (штат Теннесси) 12 апреля 1864 г., в ходе которой южанами было убито около половины гарнизона (до 300 федеральных военнослужащих, среди которых были не только сдавшиеся в плен черные, но и белые) [7, р. 23]. Также южане, вопреки правилам ведения войны, расстреляли сдавшихся в плен солдат Севера из «цветных войск» во время знаменитого боя у Воронки под Питесбергом в Вирджинии (30 июля 1864 г.).

В «Рассказе майора» (1890 г.) упоминается одно из крупнейших сражений Гражданской войны — битва при Нэшвилле

15–16 декабря 1864 г. В ней генерал Джордж Томас (1816–1870) нанес сокрушительный удар по армии южан во главе с генералом Джоном Худом (1831–1879). Одна из полевых армий Конфедерации была почти полностью уничтожена — это был один из больших успехов Севера в войне. Действие рассказа разворачивается ориентировочно 12–14 декабря 1864 г. — история повествует о несравненном солдатском юморе и, — нам кажется неспроста, — в самом начале рассказчик упоминает довоенные развлечения гражданской жизни. Бирс пишет: «... розыгрыши тогда еще не вышли из моды. Во всяком случае, в армии. Возможно, в более серьезной гражданской жизни они присутствовали только в тех случаях, когда мазали смолой и вываливали в перьях тайного сторонника южан. Это произошло за несколько дней до битвы при Нашвилле» [1, с. 122]. Весьма иронично, что именно в этом рассказе автор упоминает небезызвестную битву, о которой мы скажем выше.

Иногда в цикле встречаются произведения, героями которых выступают не военные, а штатские. Так, в «Случае на мосту через Совиный ручей» (1890 г.) перед нами некий Пэйтон Факуэр, плантатор-южанин, описание которого Бирс дает более нейтрально, чем схожее описание вражеского солдата: «Пэйтон Факуэр, состоятельный плантатор из старинной и весьма почтенной алабамской семьи, рабовладелец и, подобно многим рабовладельцам, участник политической борьбы за отделение Южных штатов, был ярым приверженцем дела южан» [1, с. 35–36]. Вот еще одно описание представителя гражданского населения из «Истории о совести» (1890 г.): «Мужчина был явно штатский — высокий, в грубой, самодельной одежде из желто-серой ткани под названием «ореховое масло», единственно доступной в последние дни Конфедерации» [3, с. 59] Здесь автор стремится показать образ обессилевшего врага, бедного и потрепанного. Нужно сказать, что этот факт не противоречит действительности: южане к концу войны действительно истощили значительную часть внутренних ресурсов, многие плантации разорились и были преданы огню, рабы разбежались.

Партизаны-конфедераты в рассказах Бирса пренебрежительно называются «бро-

дьягами». Они упоминаются в рассказе «Бригадный генерал Джупитер Док» (1885 г.): «...дорога из Ковингтона через Блюграсс, Опоссум-Корнерз и Хорскейв по-прежнему кишит «бродягами»» [1, с. 95]. В действительности же партизаны Конфедерации (отряды легкой кавалерии) успешно действовали на коммуникациях противника в тылу, были мобильными рейдерами, наносили ущерб инфраструктуре и военным частям, доставив много неприятностей северянам. Наиболее известным партизаном-конфедератом был Джон Мосби (1833–1916), сумевший с небольшой группой рейнджеров захватить в плен даже федерального генерала (март 1863 г.) [9, р. 45–50].

Итак, мы выделили образы солдат и партизан противника, гражданского населения Юга, а что по поводу образа мертвого врага? Положение у него столь же незавидное, как и у живых вражеских солдат: «Вражьи трупам остается довольствоваться только тем, что их пересчитывают. Но тут уж они получают сполна: многих пересчитывают не один раз, и конечная цифра в официальном докладе командующего победившей стороны отражает скорее желаемое, чем действительное» [10, с. 52–53]. Нужно сказать, что ирония — это стилистическая изюминка Бирса, пронизывающая не одно его произведение. С точки зрения исторической науки, данное утверждение можно считать правдой. Из-за ошибок в докладах военачальников и утраты документов доподлинно неизвестно точное количество погибших в том или ином сражении Гражданской войны в США. Несмотря на значительную степень изученности, в истории этой войны присутствует множество «белых пятен», даже в наши дни точно неизвестны некоторые детали и эпизоды знаменитых сражений и хорошо изученных военных кампаний.

Патриотизм в рассматриваемом цикле рассказов весьма противоречив: где-то автор открыто воспекает нелепость и вычурность героических поступков солдат, а где-то — откровенно показывает всю неприглядность и все безобразие окопной жизни. Невольно напрашивается вывод о том, что Бирс воспринимает войну, как парадное шествие, участником которого он являлся, но взор которого наполовину был ослеплен навязанным ура-патриотизмом. Именно поэтому мы покажем обе «войны» в освящении Бирса: романтическую и уродливую.

В ряде рассказов А. Бирса показана нелепость войны и наряду с ней — нелепое ее воспевание. Самым показательным, на наш взгляд, является «Сын богов (Эскиз в настоящем времени)» (1888 г.), где перед читателем предстает молодой офицер в ослепительно белой форме, самоотверженно несущийся в одиночку на вражескую засаду: «По краю поля скачет во весь опор молодой офицер на белоснежном коне. Седло у него ярко-алое. Какой осел! Каждый, кто хоть раз участвовал в сражении, знает, что все станут целиться во всадника на белом коне, не говоря уже о том, что красное седло действует на противника как красная тряпка на быка. <...> Похоже, этот выбор продиктован желанием повысить смертность» [4, с.30]. Все это автором названо «Поэзией Войны», причем сам он искренне восхищается такой бессмысленной смелостью, граничащей с самоубийством и восхищается красотой всадника: «Молодой офицер в полной форме — как на параде. Она отликает золотом — синевато-золотистая Поэзия Войны. Иронический смех проносится по рядам, мимо которых он проезжает. Но как он красив! С какой непринужденной грацией держится в седле!» [4, с.30]. Представляется, что перед нами некий собирательный образ реально существовавших военачальников — преимущественно южан-кавалеристов и пехотных генералов. Джеб Стюарт (1833-1864), Натаниэль Бедфорд Форрест (1821-1877), Пьер Борегар (1818-1893), Роберт Эдвард Ли (1807-1870), Томас Джексон «Каменная стена» (1824-1863) стремились внешне выглядеть и действовать на войне как «последние рыцари».

«Мужеством и жертвенным подвигом» [4, с. 32] Бирс называет нелепое поведение офицера и тут же на контрасте сравнивает эту пышную картину с «грязной массой» солдат-северян, выступающей фоном событий: «Эти огрубелые, опаленные войной люди, для которых смерть в самых страшных ее проявлениях — факт ежедневной жизни; спящие на земле, сотрясающейся от грохота пушек, обедающие под летящими снарядами и играющие в карты подле трупов близких друзей, — все они с бьющимися сердцами, затаив дыхание, следят, что происходит с одним человеком» [4, с.32]. В рассказе «Случай на передовой» (1897 г.) тоже трудно дать однозначную оценку по-

зиции автора — ужасы войны переплетаются с самоотверженностью солдат-северян: «Во всем происходящем не было ничего героического — никакого намека на воинскую доблесть. Даже сейчас, находясь в опасности, беспомощный штатский человек не мог сравнить картину боя с пышными смотрами и парадами в свою честь — с блестящими униформами, музыкой, знаменами и маршами. Война была уродливой и отвратительной, его художественная натура не могла смириться с этим отталкивающим, жестоким зрелищем в дурном вкусе» [5, с. 89]. Через призму губернатора, который никогда по-настоящему не сталкивался с войной, нам показывают пример того, как разбиваются сказочно-поэтические представления о войне. Очень контрастно отношение к войне людей разного положения показано еще в одной сцене «Случая на передовой» (1897 г.): «Выглянувший из окопа грязный солдат, увидев проезжавший мимо нарядный кортеж, оперся на лопату и грязно выругался громовым голосом, показывая свое отношение к этой декоративной неуместности на фоне его тяжелой работы» [5, с. 84]. Иронично, что буквально на следующей странице читатель наблюдает сцену самоотверженности солдат, которые бросаются на подмогу попавшему к врагу губернатору: «Вп-е-ред! Спасем губерн-а-тора вашего штата! Как можно быстрее!.. м-а-а-рш! <...> Только один человек не подчинился этой удивительной команде. Он был мёртв» [5, с. 90].

Война также обозначается Бирсом «героическим временем» [1, с. 121] в «Рассказе майора» (1890 г.): «Ведь средний возраст в Федеральной армии был не больше двадцати пяти; лично я сомневаюсь, что он перевалил за двадцать три. <...> ...двадцатипятилетний молодой человек в то *героическое время* был уже мужчиной — не то что его сверстник сейчас; это было видно невооруженным глазом.» [1, с. 121]. В «Лагере мёртвых» (1903 г.) представлена совершенно замечательная картина, где противопоставляется «солдатская война» и «война элиты», точнее то, как они её видят. Несмотря на всю окопную грязь, в которой рядовые солдаты утопали на протяжении долгих четырех лет, для них Гражданская война остается «великой войной» [1, с. 151], где было время для чести и мужества. У солдат-героев, пишет Бирс, «было мало общего с политическими безумцами, обречшими их на

гибель, и с лжесвидетельствующими писателями в послевоенное время.» [1, с. 151-152].

Неприглядность солдатской жизни так же ярко показана в рассказах Бирса. Первое, о чем нужно сказать в контексте неприглядной стороны любой войны, — это положение раненых. Ярче всего образ батальных ужасов отражен в рассказе «The soup de grace» (1889 г.): «Существует армейское правило: раненые должны ждать; лучший способ позаботиться о них — выиграть битву. Нужно признаться, что победа — большая удача для человека, нуждающегося в уходе, но многие до нее просто не доживают» [10, с. 52]. Само название рассказа, в переводе с французского, означает удар, наносимый из жалости: «Действительно, мольба — о чем? В том, что мы делаем для самых ничтожных тварей, которые даже не просят нас об этом, мы отказываем несчастным из собственного вида: в блаженном освобождении, проявлении высшего страдания, в soup de grace» [10, с. 54]. Здесь необходимо пояснение: многие раненые, как правило, погибали из-за низкого уровня развития медицины, военно-полевой хирургии, неразвитости системы транспортировки и лечения раненых. Отсутствовали антибиотики, антисептики, не проводилась стерилизация, поэтому существовал большой риск заражения крови и гибели даже от незначительного ранения [6, р. 24-26]. Суровые погодные условия, плохое снабжение продовольствием и чистой водой, эпидемии опасных инфекционных болезней, антисанитария в госпиталях усугубляли ситуацию. Кроме того, нередкими были случаи, когда раненые погибали на поле боя, находясь на линии соприкосновения между войсками. Связано это обстоятельство было с нежеланием сторон в течение нескольких дней прекращать военные действия, объявлять перемирие и эвакуировать раненых с поля сражения. В рассказе «The soup de grace» (1889 г.) также весьма красочно и высокопарно показана смерть в бою: «... это

корчившееся от боли подобие человека, *этот пример величайшего страдания, этот сварга-ненный вручную симбиоз человека и животного, этот жалкий, негероический Прометей* умолял все, весь внешний мир подарить ему забвение» [10, с. 54].

Таким образом, Бирс рисует перед читателями живую картину прошедшей войны, порой пренебрегая историзмом (в рассказах упоминаются генералы, исторические деятели, некоторые сражения). Нельзя оставить в стороне личную историю писателя, который являлся непосредственным участником военных действий. Естественно, как уроженец штата Огайо, он воевал на стороне северян. Буквально в каждом рассказе мы видим, что все симпатии автора на стороне федералов. Южане же выставлены нелепыми неудачниками, слабаками и обыкновенно погибают в конце произведения. Несмотря на все попытки показать войну, у Бирса это не получается в полной мере, как не получается ни у кого из писателей, переживших войну, но не принявших ее (Луи-Фердинанд Селин, Курт Воннегут и другие). Если у автора находятся слова и форма, в которые войну можно обличить, значит, он ее принимает. Именно этим можно объяснить некую противоречивость образов в рассказах Бирса. Нам может показаться, что он частично романтизирует войну, как в приведенных выше отрывках из рассказа «The soup de grace», хотя на самом деле это лишь эскапизм, уход от суровой реальности. Проанализировав не одну работу писателя, мы можем сказать, что он привык скрывать свой страх и ужасы войны под маской иронии и мистицизма, а иногда — гротеска. Произведения Бирса содержат ценную информацию о реалиях Гражданской войны в США и ее восприятии непосредственным участником событий, несмотря на то, что в них присутствует много художественного вымысла и преувеличений.

Список литературы

1. Бирс А. Словарь Сатаны. М., 2021. 448 с.
2. Новак К.В. Образ Гражданской войны в «Рассказах о военных и штатских» Амброза Бирса // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. №2. С. 405-409.
3. Bierce A. Can Such Things Be? N.Y., 1893. 232 p.
4. Bierce A. Tales of Soldiers and Civilians. San Francisco, 1891. 300 p.
5. Bierce A. The Devil's Dictionary, Tales, & Memoirs. N.Y., 2011. 851 p.
6. Freeman F.R. Gangrene and glory: medical care during the American Civil War. Urbana, Ill., 2001. 256 p.
7. Fuchs R. L. An unerring fire: the massacre at Fort Pillow. Mechanicsburg, Pa., 2002. 190 p.

8. Pickenpaugh R. Prisoner Exchange and Parole // Essential Civil War Curriculum. 2012. May. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.essentialcivilwarcurriculum.com/prisoner-exchange-and-parole.html> (дата обращения: 30.09.2022).
9. Scott J. Partisan life with Col. John S. Mosby. N.Y., 1867. 492 p.
10. The Collected Works of Ambrose Bierce. In 12 volumes. N.Y., Wash., 1909-1912. Volume II. 403 p.

THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865) IN THE WORKS OF A. BIERCE: HISTORICAL REALITIES AND FICTION

The article examines the reflection of the Civil War in the United States in the work of the American writer Ambrose Bierce (1842–1914?). The analysis of the historical realities and artistic fiction contained in it is carried out. The American Civil War is a key, perhaps even the main event in American history. The events of the Civil War are reflected in the pages of historical research, in diaries, autobiographies, memoirs, periodicals, documents of the Union and Confederate armies and other sources. It is shown that their reflection not only in documents, but also in fiction, in which the epoch found its refraction, was of great importance for understanding the perception of historical events of the XIXth century by contemporaries. But such sources of information about the war, as the artistic works of contemporaries, are of a specific nature, since they reflect not only the truth, but also literary fiction. Of particular importance is the work of a direct witness to the events of wartime, a participant in the Civil War, the writer-northerner A. Bierce. His works reflect real events and images of northerners and Southerners – soldiers, officers, generals and civilians. A series of short stories by A. Bierce, despite subjective assessments, helps to better understand and feel the psychology of a serviceman during the bloody clash of the northern and southern states and to comprehend the phenomenon of war as a whole.

Keywords: The Civil War in the USA, the conflict between the North and the South of the USA, Northerners and Southerners in the XIXth century in America, Ambrose Bierce, reflection of historical events in fiction.

References

1. Bierce A. Slovar' Satany [The Devil's Dictionary]. Moskva, 2021. 448 s.
2. Novak K.V. Obraz Grazhdanskoj vojny v «Rasskazah o voennyh i shtatskih» Ambroza Birsy // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Novak K.V. The image of the Civil War in «Tales of Soldiers and Civilians» by Ambrose Bierce // Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. 2021. №2. S. 405-409.
3. Bierce A. Can Such Things Be?. N.Y., 1893. 232 p.
4. Bierce A. Tales of Soldiers and Civilians. San Francisco, 1891. 300 p.
5. Bierce A. The Devil's Dictionary, Tales, & Memoirs. N.Y., 2011. 851 p.
6. Freeman F.R. Gangrene and glory: medical care during the American Civil War. Urbana, Ill., 2001. 256 p.
7. Fuchs R. L. An unerring fire: the massacre at Fort Pillow. Mechanicsburg, Pa., 2002. 190 p.
8. Pickenpaugh R. Prisoner Exchange and Parole // Essential Civil War Curriculum. 2012. May. Retrieved 30 September, 2022 from <https://www.essentialcivilwarcurriculum.com/prisoner-exchange-and-parole.html>
9. Scott J. Partisan life with Col. John S. Mosby. N.Y., 1867. 492 p.
10. The Collected Works of Ambrose Bierce. In 12 volumes. N.Y., Wash., 1909-1912. Volume II. 403 p.

Об авторах

Прилуцкий Виталий Викторович — доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru
Яненко Екатерина Михайловна — студентка V курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Prilutsky Vitaly Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Yanenko Ekaterina Mikhailovna — fifth-year student of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Самсаров А.И., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПОЛЯ БАРРАСА

В статье характеризуется малоизвестный период жизненного пути одного из крупных деятелей Великой французской революции — Поля Барраса (1755-1829). То было время его молодости, попыток сделать карьеру профессионального военного. Одновременно происходило становление его общественно-политических представлений. Изучение этой фигуры несомненно важно, поскольку Баррас сыграл ключевую роль в таких переломных событиях революции, как: 9 термидора — свержение якобинской диктатуры 13 вандемьера (5 октября 1795г.) — разгром опасного роялистского восстания, едва ли не погубившего Республику. В мировую историю он войдет в качестве лидера режима Директории. Хозяйственные неурядицы данного этапа Французской революции, махинации коррупционеров, политическая нестабильность — все это будет поставлено в вину прежде всего ему. Его представляли неким депутатом — дельцом, тесно связанным с так называемой новой буржуазией. Внимательное изучение его молодости, похоже, плохо согласуется с подобными представлениями и версиями. Ни по своему происхождению, ни по своему образу жизни Поль Баррас не имел никакого отношения к французской буржуазии, ни к старой — рантье́рской, ни к новой — деловой. То был типичный представитель родовитого дворянства «шпаги». Соответствующим было и его отношение к материальным ценностям. Подобные люди могли разбазаривать средства, «прожигать жизнь», но к предпринимательской деятельности они не были приспособлены. Барраса влекли служба на флоте, приключения во французских колониях. В этих условиях Баррас показал себя независимым и смелым военным офицером, способным проявить смекалку в критический момент. И в другом его поведение напоминало стиль жизни многих молодых дворян своего времени. Так же, как и они, он состоял в масонской ложе, посещал салоны, был внимателен к новым общественным веяниям. Уже при Старом порядке этот дворянин и морской офицер склонялся к переменам. Начавшаяся революция ускорила данный процесс. В настоящем исследовании уделяется первостепенное внимание малоизученным ранее моментам биографии Барраса, таким, как военная карьера и светская жизнь в Париже до революции. Работа базируется на мемуарах Барраса, парламентских материалах, а также на отечественной и зарубежной научной литературе.

Ключевые слова: Французская революция, Баррас, Прованс, Фокс-Амфу, Пондишери, Париж, Конвент, комиссар.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-115-122

Великая Французская революция 1789-1799гг. открыла миру много исторических личностей. Среди таких — депутат Конвента от департамента Вар Поль Баррас. В отличие от Робеспьера, Мирабо и Сийеса он не столь известен. Тому есть причины. Баррас позже их вступил в большую политику, не произносил большого количества громких речей. Но это не помешало ему оказать влияние на ход революции в ее критические моменты, например, 9 термидора. С помощью его содействия получила толчок карьера Наполеона Бонапарта. В зарубежной и отечественной историографии крайне мало работ о юности и военной карьере Барраса, что связано в первую очередь с ограниченным числом источников.

Виконт Жан Поль Франсуа Жан Николя де Баррас родился 30 июня 1755 года в местечке Фокс-Амфу, будущего департамента Вар. О семье его известно немного. Отец — местный сеньор — служил в чине капитана и участвовал в Корсиканской войне 1768г[11, с. 227-230]. Мать-уроженка Фокс — Амфу. Родители поженились после того,

как отец вышел в отставку. В мемуарах Баррас характеризует родителей как людей умных и хозяйственных [15, р. 2]. В семье было еще двое младших сыновей. Один станет церковным служащим в Марселе, а второй — сделается любителем азартных игр.

Несмотря на провинциальное происхождение, род Баррасов очень древний. Предки будущего революционера известны еще со времен Крестовых походов. В 1222 году Раймон де Баррас командовал одним из рыцарских отрядов на Святой земле. Фернан де Баррас, глава Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, сопровождал Карла Анжуйского в 1264 году, когда он отправился на завоевание Сицилийского королевства. В 1493 г. Луи де Баррас был выбран, чтобы засвидетельствовать единоборство между императором Людовиком Баварским и Франциском I [15, р.2]. Баррас де Ла Пенн известен как командующий эскадрой галер в Марселе и автор нескольких работ о военно-морской фортификации на побережье Средиземного моря. Жан Мельхиор де Баррас (1719-1793) вице-адмирал

флота, отличился в ходе Войны за независимость североамериканских колоний (1775-1783). В 1781г. его эскадра базировалась в Ньюпорте для организации плана по захвату Ньюфаундленда. Граф де Рошамбо приказал Мельхиору соединиться с другой французской эскадрой под командованием де Граса. Объединенная эскадра из 24 кораблей вступила в бой с 19 английскими судами в Чесапикском заливе [10, с.13]. В ходе серии удачных маневров французы одержали победу. Обе стороны не понесли значительных потерь, не считая мелких и средних повреждений. Важно другое, - событие повлияло на захват Нью-Йорка и капитуляцию британской армии под Йорктауном [15, р.3].

За эту победу выдающийся моряк был награжден орденом Святого Луи. Тем не менее, Мельхиор де Баррас отказался возглавить трибунал над своим коллегой де Грасом после его поражения в битве за Доминику (1782) [10, с.304]. Обстоятельства этого боя свидетельствуют не только о тактическом поражении де Граса, но и существенном техническом превосходстве английского флота в артиллерии [9, с.90]. По этому поводу Поль Баррас отмечал: «Мой дядя был одним из тех людей, которые подчиняются только своей совести» [15, р. 3].

Начало карьеры будущего депутата Конвента нельзя назвать стремительным. В 1769г. родители отдали его в пансионат монастыря Кармелитов. Там он получил первое образование, занимаясь у инвалида отца Каджестана [15, р.5]. Тяга к знаниям иногда сочеталась с плохими поступками и невыполнением обязанностей. Именно в этот период у молодого виконта зародилось «чувство независимости и волнения», сопровождаемое тягой к удовольствию. Пытаясь как-то исправить ситуацию, друг семьи Таларю предложил направить юного Поля к герцогу Орлеанскому в качестве пажа. Возмущению Барраса не было предела. На это его отец ответил: «Скорее ты будешь солдатом» [15, р.6].

Так в жизни Барраса наступил новый этап. В июле 1771г. в шестнадцатилетнем возрасте он поступает в Лангедокский полк младшим лейтенантом. Во время службы и обучения Поль заводит новых друзей и женится на своей первой любви - мадемуазель Тамплие из Котиньяка [11, с. 227-230]. Громкие скандалы и неприязнь руководства

вынудили Барраса продолжить карьеру военного на дальних рубежах королевства. Один из родственников - де Шатобрийон, влиятельный чиновник с Иль де Франс, предложил Баррасу службу в Пондишери - колонии Франции в Индии. В июне 1776г. тот ступил на палубу судна «Герцог де Дюрак», следующего курсом из Марселя в Индию [15, р.8]. Это опасное плавание заслуживает упоминания, так как оно в полной мере соответствует сюжету приключенческого романа. Попутно судно заходило в Кадис, остров Мадейра и другие порты, расположенные вдоль испанского и африканского побережья. Плавание сопровождалось сильными бурями, во время одной из них корабль получил легкие повреждения. Наконец, прибыв в Порт-Луи, Баррас смог засвидетельствовать свое почтение Шатобрийону и подтвердить новое назначение [15, р.9].

Далее экспедиция продолжила свой путь, проходя мимо Сейшельских островов. В районе Мальдивских островов в результате сильного шторма «Герцог де Дюрак» налетел на риф, и судно потерпело кораблекрушение. В этот критический момент Баррас не растерялся и проявил мужество и смекалку. По его приказу упавшие духом матросы соорудили плоты и, взяв необходимый запас провианта и снаряжения, команда высадилась на побережье ближайшего острова [15, р.14]. Остров оказался обитаемым. Там жили племена темнокожих. Они предложили команде еду, но имели злой умысел. Вождь племени хотел всех отравить с помощью негритянки из состава экипажа. Но она все рассказала и замысел не удался. Только через месяц борьбы за существование оставшиеся в живых были вознаграждены. Члены экспедиции были взяты на борт проходящего мимо французского судна.

В мае 1777г. Баррас наконец-то прибывает в Пондишери. Начинается самый активный период его военной карьеры. Губернатором колонии на тот момент был генерал Гийом де Белькомб. Это был весьма деятельный чиновник. Благодаря его усилиям удалось укрепить город и наладить связи с местными принцами. Тем временем Франция вступила в войну с Великобританией, и боевые действия переместились на просторы Индии. Одним из эпизодов кампании стала осада Пондишери (21 августа-18 октября 1778г.) [15, р.18]. Французское командование имело в своем распоряжении 400 солдат и 200 сипаев. Им противостояла

шеститысячная английская армия, выступившая из Мадраса [2, с.186].

Несмотря на неравенство сил и недостроенные укрепления, Белькомбу удалось продержаться достаточно долго. 13 октября англичане начали генеральный штурм и через два дня были уже в тридцати метрах от стен города. Только 18 октября французский военный совет принял решение капитулировать. В поражении во многом виновата французская эскадра адмирала Тронжолли, так и не вступившая в бой с английским флотом. Этот аргумент приводит в мемуарах и Баррас [15, р.19].

Капитуляция Пондишери прошла на достаточно мягких условиях. Гарнизон сопровождали в Мадрас с последующей отправкой в Европу. С офицеров было взято честное слово не сражаться против Великобритании. Какова роль Барраса в конфликте, судить сложно. Сам он достаточно скупно рассказывает об этом эпизоде своей биографии. Командование также не отметило его в рапортах, тогда как известный авантюрист Рене Мадек, служивший капитаном при осаде, был удостоен аудиенции в Версале и получил дворянский титул [2, с.175].

В ноябре 1779г. Баррас вместе с другими пленными офицерами отбыл под надзором английского сотрудника Ост-Индской компании в Марсель. Плавание проходило на борту судна «Саргин». Это путешествие также нельзя было назвать безопасным. В мае 1780г. у мыса Сен-Винсент «Саргин» подвергся обстрелу одного английского судна под командованием капитана Хомма. Скорее всего, британцы открыли огонь из-за французского флага, поднятого на мачте. Французский корабль получил повреждения и был вынужден зайти в Кадис для ремонта [15, р.23]. Прибыв в Марсель, Баррас решает остаться в Провансе для лечения «нервной болезни».

Последним крупным военным мероприятием Барраса стала индийская экспедиция де Бюсси. Последний был назначен губернатором Пондишери и командующим войсками вместо Белькомба. Новый морской министр граф де Кастри был сторонником коалиции французов и Хайдара Али. Новая военная операция должна была остановить английское господство в Ост-Индии [2, с.208-209]. Хайдар Али очень известная личность в истории Индии. Начав свою службу мелким военачальником, он к

1761г. сумел утвердиться в качестве правителя княжества Майсур. Новый правитель вел многочисленные войны с маратхами за укрепление своего господства на юге. Это привело к столкновению с английскими интересами. В результате возникла первая англо-майсурская война (1767-1769), приведшая к ничейному результату для обеих сторон. Понимая, что противостояние обязательно вспыхнет с новой силой, Хайдар Али решает найти поддержку у французов. Именно на эту коалицию и рассчитывал де Кастри, тем более, что в 1780г. началась вторая англо-майсурская война [8, с.319].

Баррас присоединился к своему полку в марте 1781г. Вместе с командиром полковником Конвеем он прибыл в Брест для погрузки на суда. 22 марта из порта вышла большая эскадра адмирала де Грасса. Основная часть кораблей направилась к американскому театру военных действий. Но в составе эскадры находился дивизион из пяти судов под командованием талантливого моряка Сюффрена. На борту одного из кораблей - «Артезьен» и находился молодой офицер Баррас.

29 марта 1781г. отряд Сюффрена отделился от основной эскадры и направился к мысу Доброй Надежды для защиты этой голландской колонии от британской эскадры коммодора Джонстона [12, с.218]. Последний, имея в своем распоряжении три линейных 50-ти пушечных корабля, фрегаты и 35 транспортов, 11 апреля встал на якорь в порту Прая – центре португальской колонии острова Зеленого Мыса. 16 апреля для пополнения запасов пресной воды к порту подошел Сюффрен. Так Баррасу впервые пришлось поучаствовать в морском сражении, которое впоследствии получило название боя у Порто-Прая. «Артезьен», будучи в разведке первым обнаружил противника. Французский капитан принял решение атаковать с ходу, используя момент внезапности [5, с.471-475]. Сражение получилось достаточно скоротечным, но продемонстрировало тактическое преимущество французской стороны. Сюффрен повел в бой флагманский 74-х пушечный корабль «Герой», 74-х пушечный «Аннибал» и 64-х пушечный «Артезьен». Два первых корабля удачно вклинились между рядами кораблей противника и открыли огонь с обоих бортов. «Артезьен» сумел захватить один транспорт, но, получив повреждения, начал дрейфовать. Учитывая обстоятельства, Сюффрен принял решение

выйти из боя. Англичане потеряли 150 человек и одно судно было повреждено. Французы потеряли 300 моряков, но время было выиграно и голландская колония спасена [12, с.220]. О личном участии в бою Баррас почти не упоминает, сообщая, что на его судне погиб капитан [15, р.30].

21 июня 1781г. французская эскадра прибыла к мысу Доброй Надежды. Основная боевая задача Сюффрена была, таким образом, выполнена и корабли отправились на Иль де Франс. 25 октября они вошли в порт. Основные силы, включая полк Барраса, были высажены на берег, а эскадра соединилась с кораблями адмирала д'Орва, ставшего главнокомандующим. Объединенная эскадра включала в себя 12 линейных кораблей, три фрегата и три корвета [17, р.624]. После ремонтных работ 17 декабря адмирал взял курс на индийское побережье. Надо отметить тот факт, что 9 февраля 1782г. д'Орв скончался и командование перешло вновь к Сюффрену. Достигнув 15 февраля Индии, французский флот приступил к поддержке сухопутной части операции и крейсерству вдоль побережья.

Командующий общими силами Бюсси отплыл из Кадиса на борту одного из двух линейных кораблей еще в ноябре 1781г. 31 мая 1782г. он достиг Иль де Франса. Отсутствие транспортов с припасами и болезнь команды заставило де Бюсси задержаться на острове. Именно там его впервые заметил Баррас. Впечатления оказались не самыми лестными: «Нелепый лидер, представляющий собой нарисованную карикатуру, обтянутую веревками» [15, р.32].

Только 10 марта 1783г. де Бюсси прибыл в порт Тринкомале. Весь его экспедиционный корпус состоял из 2500 человек [12, с.227]. 16 марта по согласованию с Сюффреном и Хайдаром Али французские войска высадились на побережье у Куддалура. Кампания Бюсси оказалась не слишком удачной и поставленные цели не были выполнены. Однако не следует считать командующего бездарным военачальником. В сражении у Куддалура 13 июня 1783г. французы противостояли английскому бригадиру Стюарту, войска которого имели пятикратное превосходство. Даже при таком соотношении сил Бюсси мог выиграть сражение, но, не имея кавалерии, был вынужден отступить. Потери французов составили всего 200 человек, а британцев -

две тысячи [2, с.215]. О таком Баррас в мемуарах не упоминает, обвиняя командующего в бездарности.

Будущий член Директории в этом сражении не участвовал, так как в марте отбыл во Францию, попросив перевода. Обстоятельства скорого возвращения связаны с усиливающейся конфронтацией офицера и полковника Конвея [15, р.35]. Во Францию Баррас прибывает на борту судна «Возлюбленная Жюли» в мае 1783г. Он сразу развертывает критику морского министерства, отправляя туда многочисленные письма. Кульминацией этого стала аудиенция у министра де Кастри. Эта встреча достаточно подробно описана в мемуарах. Баррас заявил о некомпетентности командующего и его штабов. Министр ответил ему: «Вы очень молоды, чтобы осмелиться контролировать мои действия, даже действия моих подчиненных; Я не нуждаюсь в вашем совете: в моей системе могут быть проблемы, но мне не все равно» [15, р.37].

Баррас заявил: «Возможно, я слишком откровенно раскрыл правду. Мне очень жаль, что вы не добавили большую цену раскрытию злоупотребления». Кастри пришел в ярость и хотел бросить в молодого военного книгой, но тот оказался не из пугливых, положив руку на эфес шпаги [15, р.38]. В этот момент в дело вмешался маркиз Креки, остановив перепалку. Видимо хорошие связи при дворе, в том числе с вышеупомянутым маркизом и будущим главой правительства Бретейлем, позволили Баррасу завершить этот инцидент своей отставкой.

Лишенный средств к существованию и основного вида деятельности молодой человек оказывается на перепутьи. Впрочем, парижская жизнь 1784 г. пришлась Баррасу явно по вкусу. По рекомендации одного из своих марсельских родственников он обратился к графине Жанне де Ламот (1756-1791). Графиня происходила по прямой линии от короля Генриха II, точнее, от одного из его бастардов, и имела право претендовать на фамилию Валуа, выросла в нищете, в которую вверг семейство ее отец, спившийся барон де Сен-Реми [4, с.192]. Графиня сумела укрепить свое положение браком с королевским жандармом Никола де Ламотом. Помимо этого у Жанны было много любовников, включая кардинала Рогана. Не исключено, что и Баррас был одним из них. В мемуарах нет прямых свидетельств

данной связи. Но виконт полагал, что графиня «не знала такого преданного человека, как я» [15, р.43]. Проводя время в обществе Жанны де Ламот, Баррас познакомился с другим известным авантюристом того времени — графом Калиостро.

Оба оказались в 1785 г. фигурантами очень громкого дела о бриллиантовом ожерелье для Марии-Антуанетты. В ходе процесса Жанна Ламот была осуждена. Кардинал Роган и Калиостро оправданы. Возможно ли причастность Барраса к этому делу? Маловероятно. Документально это нигде не подтверждено. Но в 1786г. он покидает Париж и уезжает в Пикардию. По пути он посетил знаменитый замок де Турнон, где провел некоторое время в компании местного прелата [15, р.47].

В Аббвийе Баррас посетил аббатство Нотр-Дам де Виленкур. Последнее возглавляла мадам Фейдо де Бру. Ее племянник кавалер де Ла Барр в свое время был фигурантом еще одного громкого дела Старого порядка. В 1747 году на Новом мосту города был воздвигнут крест на пьедестале в итальянском вкусе. На кресте был изображен распятый Спаситель, а у подножия креста были помещены изображения всех орудий его казни. Утром 9 августа 1765 года прохожие увидели, что этот крест был изломан прошедшей ночью. Местный судья Дюваль де Суакур после следствия обвинил в богохульстве двадцатилетнего племянника аббатиссы. Возможно, это было сделано в отместку мадам Фейдо. Дело в том, что в ее монастыре содержалась одна богатая девушка, на которой судья хотел женить своего сына. Настоятельница сумела помешать этому, выхлопотав документы, освобождающие мадмуазель от опеки Дюваля [7, с.259-264]. Несмотря на апелляции к парижскому парламенту, дело закончилось казнью и сожжением обвиняемого.

Через некоторое время Баррас отправился в аббатство Варен-Жарси, расположенное недалеко от Парижа. В обществе аббатисы мадам де Брак незаметно прошел остаток года. Между тем провинциальная жизнь со своим медленным ритмом начала тяготить Барраса. В 1787г. он возвращается в Париж. В столице Жан Поль сходитяся с Софи Арнуль (1740-1802). То была очень популярная актриса и певица. По окончании сценической карьеры Арнуль осталась на авансцене парижской культурной жизни в роли хозяйки салона. Салон Софи Арнуль

был открыт дважды в неделю, причём один из этих дней, четверг, был предназначен только для женщин. Остроумие и интеллект певицы сделали её салон излюбленным местом встречи виднейших французских интеллектуалов — Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Лагарпа и в особенности Бомарше, с которым Арнуль находилась в приятельских отношениях [14, р.119]. Салон располагался в ее доме на Глиши ла Гаренн. Под влиянием Мирабо Баррас решает вступить в одну из масонских лож.

В тот момент французское общество начинало испытывать изменение массового сознания. Повсюду появлялись ячейки общественного пространства: масонские ложи, литературные, философские, агрономические общества, клубы, музеи, провинциальные академии, салоны. Рождалось общественное мнение, оспаривавшее взгляды прежних авторитетов — двора и церкви. Это было своеобразное соревнование независимых личностей, свободно и по-дружески выражавших свои воззрения. Так происходило, например, в масонских ложах, adeпты которых сочетали интерес к оккультным наукам с вниманием к вопросам морали, философии, политики и не чуждались благотворительности. В их рядах представители высшей аристократии соседствовали и сближались с судейскими, литераторами, негоциантами, называя при этом друг друга братьями [1, с.73-82]. Таким образом, Барраса можно считать противником абсолютизма и сторонником перемен.

Между тем неумолимо приближался 1789...Начало революции Баррас встретил обычным зрителем: «14 июля 1789г. при звуке выстрела из пушки Бастилии победил в предместье Сен-Антуан. Смешавшись с толпой, я стал свидетелем этой великой драмы, и я увидел, как жертвы произвола выходят из темниц, наконец спасенные от мести жестоких наказаний, пыток и забвений» [15, р.56]. Это, конечно отличалось от знаменитого призыва «К оружию», произнесенного тогда же Камиллом Демуленом. Но политические взгляды Барраса еще только формировались. Не обошли стороной молодого гражданина Прованса и события 5-6 октября, очевидцем которых он также являлся. В 1790г., устав от политических вихрей, Баррас решает отправиться домой в Фокс-Амфу. К этому времени его мать овдовела. Баррасу хотелось, конечно, навестить жену. На родине

все считали его «приверженцем дела свободы» [15, р.70].

В июне 1791г. Жан-Поль отправляется в Марсель для того, чтобы принять участие в работе коллегии выборщиков, занятых выдвижением кандидатов в Законодательное собрание. Проезжая в сентябре через Авиньон, Баррас становится очевидцем одного кровопролитного конфликта. Ранее 18 августа 1791 г. патриотически настроенные граждане города собрались в Бедарриде в церкви Святого Лорана и проголосовали за присоединение Авиньона и области Конта-Венэссэн к Франции. 21 августа был сформирован новый муниципалитет. 14 сентября 1791 года Национальное собрание провозгласило «Авиньон и область Конта-Венэссэн неотъемлемой частью Франции». Вместе с тем консервативное сельское население Карпантра — столицы графства Конта-Венэссэн оставалось преданным Папскому престолу, что вызвало фактически гражданскую войну.

16 октября 1791г. в Авиньоне вспыхнул контрреволюционный мятеж, в ходе которого толпа «папистов» жестоко расправилась с членом муниципалитета Лекюйе. В отместку за это силы республиканцев во главе с Журданом — «Головорезом» вырезали 70 мужчин, 38 женщин и 8 детей, трупы которых сбросили в глубокий колодец, служивший складом мяса в прежнем папском дворце и называемый «Ледяной Башней» [3, р.309-312]. Это событие в последствии получило название «Авиньонской резни» или «резни в Ледяной башни». Баррас был включен в состав парламентаров от муниципалитета. Его кандидатуру поддержали мэр Авиньона Ришар и банкир ОдиFRE. Среди парламентаров находились мэр г.Арля и подполковник артиллерии Корбо де Сен-Альбен. Это событие заставило Барраса задуматься об ужасах революции и о политических партиях в целом. Он сожалеет о прекращении деятельности Конституанты и о решении депутатов не переизбираться в Законодательное собрание. Чудом спасшись благодаря некоему доктору де Мазану, он отправляется в Марсель [15, р.71-73].

В июне 1792г. Баррас назначается председателем присяжных в суде Орлеана. Эта должность позволила ему на деле ознакомиться с революционным правосудием. Впрочем, в тот момент оно было еще не таким суровым, как в 1793г. Но уже в

начале августа он прибывает в Париж, где опять становится очевидцем крупного революционного события — восстания 10 августа 1792г. Законодательное собрание принимает решение о созыве Национального Конвента. Выборы должны были пройти 20 сентября. Баррас оказался одним из претендентов от департамента Вар. А пока собрание вышеупомянутого департамента назначает Барраса комиссаром в Итальянскую армию. Войсками тогда командовал генерал Жак Бернар д'Ансельм (1740-1814). Главная задача армии состояла в овладении Ниццей. Пьемонтский генерал Сент-Андре располагал 18 тысячами солдат и 214 орудиями. Французы имели только семь тысяч плохо обученных солдат. Но в результате обманных маневров 29 сентября генерал Ансельм сумел вынудить противника отступить и практически без боя занял графство [6, с.43-45]. Основная деятельность комиссара Барраса заключалась в создании и укреплении администрации в новом департаменте Приморских Альп, в который вошла Ницца [15, р.79-80].

Деятельность генерала подвергалась всесторонней критике со стороны комиссаров. Тем не менее Ансельм просил Конвент оставить нового депутата Барраса при армии еще на некоторое время [13, р.571]. Возможно это было связано с подготовкой новой секретной миссии генерала — завоеванием Рима. План активно вынашивали комиссар правительства Бартеlemi Арена и сам Ансельм. В Париже также относились к этому благосклонно. В письме Арена, адресованному Бриссо, от 24 октября 1792г. уполномоченный сообщает: «Ансельм считает, что республика должна послать в Рим армию, чтобы разогнать двор, который ведет против нас гораздо более опасную войну...Никогда у Франции не будет более прекрасной возможности избавиться от римского двора и дать толчок всеобщему восстанию» [16, р.77-83]. Но этим планам не суждено было сбыться. Предпринятая морская экспедиция по захвату Пьемонта в начале 1793г. потерпела неудачу. После своего возвращения в декабре 1792г. Баррас приступил к работе в Конвенте.

Таким образом, Поль Баррас уже при старом режиме показал себя сторонником перемен. То был смелый и решительный человек, не боявшийся критиковать самое высокое военное начальство в лице мор-

ского министра де Кастри. Баррас сочувствовал начинающейся революции. Но первые массовые расправы смущали его. События «Авиньонской резни» 1791г. заставили Барраса задуматься и об ужасах революции. Его симпатии первоначально были на стороне либеральных деятелей

Учредительного собрания, благородно отказавшихся баллотироваться в новый парламент. Смелый, обладавший военным опытом гражданин стал комиссаром Итальянской армии, а население департамента Вар избрало его своим представителем в Национальном Конвенте.

Список литературы

1. Блуменау С.Ф. Сословный строй, сеньориальный режим и представления о них в предреволюционном французском обществе // История. Общество. Политика. 2021. № 3 (19). С. 73-81.
2. Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. М.: Наука. 1973. 224с.
3. Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль. 1991. 575с.
4. Морозова Е.В. Калиостро. М.: Молодая гвардия. 2011. 313с.
5. Мэхэн А. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. Т. I. 1793-1802. М.: ООО Издательство АСТ. 2002. 573с.
6. Прео Ш. Революционные войны 1792-1802. Т. I. 1792-1793г. М.: Клио. 2017. 296с.
7. Сансон. Г. Записки палача или политические и исторические тайны Франции. Книга первая. (Т. 1, 2, 3). М.: Терра. 1996. 336с.
8. Синха Н.К. Банерджи А.Ч. История Индии. М.: Издательство иностранной литературы. 1954. 423с.
9. Созаев Э. Б. Махов С.П. Все переломные сражения парусного флота. От Великой Армады до Трафальгара. М.: Яуза: ЭКСМО. 2011. 144с.
10. Танстолл Б. Морская война в век паруса. 1650-1815. М.: Эксмо. 2005. 448с.
11. Черкасов П.П. Правители Франции XVII-XVIII вв. М.: Ломоносов. 2018. 256с.
12. Штенцель А. История войны на море. П.: Типография Адмиралтейства. 1918. 572 с.
13. Archives parlementaires dй 1787 а' 1860: Premiire sйrie: 1787-1799. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1900. Т 55. 800 p.
14. Concourt E. Sophie Arnould :d'apriisa correspondance et ses mйmoires inйdits. P.: Ernest Flammarion. 1893. 288p.
15. Mйmoires de Barras. Vol. I. P.: Librairie Hachette. 1895. 348p.
16. Mortimer-Ternaux.Histoire de la Terreur 1792-1794. Т. 5. P.: Nouvelle. 1874. 573p.
17. Weber H. La Compagnie francaise des indes (1604-1875).P.: Nouvelle.1904. 700p.

PAUL BARRAS: THE ORIGINS OF A POLITICAL BIOGRAPHY

The article describes a little-known period in the life of one of the major figures of the French Revolution - Paul Barras (1755-1829). That was the time of his youth, attempts to make a career as a professional military man. At the same time, the formation of his socio-political ideas took place. The study of this figure is undoubtedly important, since Barras played a key role in such turning points of the revolution as: 9 Thermidor - the overthrow of the Jacobin dictatorship and 13 Vendemiire (October 5, 1795) - the defeat of a dangerous royalist uprising that almost destroyed the Republic. He will go down in world history as the leader of the Directory regime. The economic troubles of this stage of the French Revolution, the machinations of corrupt officials, political instability - all this will be blamed primarily on him. He was presented as a certain deputy - a businessman closely connected with the so-called new bourgeoisie. A careful study of his youth does not seem to fit well with such ideas and versions. Neither by origin, nor by his way of life, Paul Barras had anything to do with the French bourgeoisie, neither with the old - Rentier, nor with the new - business. It was a typical representative of the noble nobility of the "sword". His attitude to material values was also appropriate. Such people could squander funds, "burn life", but they were not adapted to entrepreneurial activity. Barras was attracted by service in the navy, adventures in the French colonies. Under these conditions, Barras showed himself to be an independent and courageous military officer, able to show ingenuity at a critical moment. And in another way, his behavior resembled the lifestyle of many young nobles of his time. Just like them, he was a member of the Masonic lodge, visited salons, and was attentive to new social trends. Already under the Old Order, this nobleman and naval officer was inclined towards change. The outbreak of the revolution accelerated this process. This study focuses on the previously little-studied moments of Barras's biography, such as his military career and social life in Paris before the revolution. The work is based on the memoirs of Barras, parliamentary materials, as well as on domestic and foreign scientific literature.

Keywords: French revolution, Barras, Provence, Fox Amphou, Pondicherry, Paris, Convention, Commissioner.

References

1. Blumenau S.F. (2021). Soslovnii stroy, senorialnii rezhim i predstavleniya o nih v pre-revolucionnom francuzskom obshestve [Class system, seigneurial regime and ideas about them in pre-revolutionary French society]. *Istoriya.Obshestvo. Politika*, 3(19).
2. Kaplan A.B. (1973). Putehestvie v istoriu. Francuzi v Indii [Journey into history. French in India.]. Moskva: Nauka.
3. Karleil T. (1991). Istoriya Francuzskoj revoliucii [History of the French Revolution]. Moskva. Misl.
4. Morozova E.V. (2011). Kaliostro [Cagliostro]. Moskva. Molodaya gvardiya.
5. Mehen A.(2002). Vliyanie morskoi sili na Francuzskuu revoliuciu i Imperii [Influence of naval power on the French Revolution and the Empire]. Moskva: AST.
6. Preo H. (2017). Revolucionnie voini 1792-1802 [Revolutionary Wars 1792-1802]. Moskva: Klio.
7. Sanson G. (1996). Zapiski palacha ili politicheskie i istoricheskie taini Francii. Kniga pervaya [Notes of the executioner or political and historical secrets of France]. Moskva: Terra.
8. Sinha N.K. Banerdzhi A.H. (1954). Istoriya Indii [History of India]. Moskva: Izdatelstvo inostrannoi literature.
9. Sozaev E.B. Mahov S.P. (2011). Vse perelomnie srazheniya parusnogo flota. Ot Velikoi armadi do Trafalgara [All the turning point battles of the sailing fleet. From the Great Armada to Trafalgar.]. Moskva: Yauza: Eksmo.
10. Tanstoll B. (2005). Morskaya voina v vek parusa 1650-1815 [Naval warfare in the age of sail. 1650-1815]. Moskva: Eksmo.
11. Cherkasov P.P. (2018). Praviteli Francii XVII-XVIII [Rulers of France XVII-XVIII]. Moskva: Lomonosov.
12. Shtencel A. (1918). Istoriya voini na more [History of war at sea]. Petrograd: Admiralteistvo.
13. Archives parlementaires dñ 1787 a` 1860: Premiire sñrie: 1787-1799. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1900. T 55.
14. Concourt E. Sophie Arnould :d'apriisa correspondance et ses mñmoires inñdits. P.: Ernest Flammarion. 1893.
15. Mñmoires de Barras. Vol. I. P.: Librairie Hachette. 1895.
16. Mortimer-Ternaux.Histoire de la Terreur 1792-1794. T. 5. P.: Nouvelle. 1874.
17. Weber H. La Compagnie francaise des indes (1604-1875).P.: Nouvelle.1904.

Об авторе

Самсаров Александр Ивайлович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Samsarov Aleksandr Ivajlovich – graduate student of the Department of World History, international Relations and International Law Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Симоненко Е.С., кандидат исторических наук, доцент, Приморская государственная сельскохозяйственная академия (Россия)

ДЖОЗЕФ ЧЕМБЕРЛЕН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ОБОРОНЫ

В статье изучаются основные положения концепции имперской обороны, сформулированные британским министром по делам колоний Дж. Чемберленом в ходе колониальной конференции 1897 г. Хронологические рамки работы охватывают весь период работы конференции (24 июня по 29 июля 1897 г.). Прослеживается истоки происхождения идеи проведения в пределах Британской империи колониальных конференций для обсуждения общеимперских проблем. Сопоставляются первые три колониальные конференции 1887, 1894 и 1897 гг. с целью выявить между ними отличия по форме и содержанию. Формулируются основные положения концепции Дж. Чемберлена, посвященные двум аспектам имперской обороны (военно-морской и наземной). Выясняется степень совпадения представлений Дж. Чемберлена и британского адмиралтейства по проблеме взаимодействия с колониями в области военно-морской обороны. Характеризуется позиция белых переселенческих колоний Британии (Австралии и Канады) по вопросам имперской оборонной интеграции. Подводятся итоги работы колониальной конференции 1897 г. В ходе колониальной конференции 1897 г. министр по делам колоний Дж. Чемберлен сформулировал концепцию имперской обороны, состоявшую из двух частей. В первой части был описан механизм привлечения белых переселенческих колоний Британской империи к участию в военно-морской обороне путем прямых и регулярных вкладов в британское казначейство на нужды Королевского флота по образцу австралийского морского соглашения 1887 г. Вторая часть была посвящена деталям имперской наземной обороны, которая строилась на принципах унификации и стандартизации. Дж. Чемберлен предложил максимально унифицировать колониальные армии и привести их в соответствие британским стандартам, чтобы в случае необходимости они могли участвовать в войнах, которые вела империя.

Ключевые слова: Британская империя, колониальная конференция 1897, имперская оборона, британские колонии, Джозеф Чемберлен, Джордж Гошен, Уилфрид Лорье, Чарльз Кингстон.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-123-128

Введение. В отечественной историографии концепции имперской обороны, сформулированной в ходе колониальной конференции 1897 г. британским министром по делам колоний Дж. Чемберленом, посвящено не так много исследований. В них изучаются представления Дж. Чемберлена по всему спектру имперских проблем, которые обсуждались на конференции — имперской федерации, торговым отношениям и обороне (Грудзинский), особое внимание уделяется попыткам создания в пределах Британской империи таможенного союза (Кертман). В зарубежной историографии данная тематика изучена более подробно. В трудах британских и канадских авторов изучаются место и роль имперских консультаций в процессе эволюции Британской империи (Jebb), проблемы имперской обороны в рамках движения за имперскую федерацию (Maclean), позиции Дж. Чемберлена и У. Лорье на колониальной конференции 1897 г. (Milner, Dafoe), роль Канады в планах имперской оборонной интеграции (Preston, Tucker). Целью данной работы является изучение концепции имперской обороны, сформулированной британским министром по делам колоний Дж. Чемберленом в ходе колониальной конференции 1897 г. Авторы ставят

перед собой задачи: проследить генезис идеи проведения в пределах Британской империи колониальных конференций для обсуждения общеимперских проблем; сравнить первые три колониальные конференции 1887, 1894 и 1897 гг. и выявить между ними отличия; сформулировать основные положения концепции Дж. Чемберлена, посвященные морскому и наземному аспектам имперской обороны; выяснить насколько представления Дж. Чемберлена совпадали с суждениями британского Адмиралтейства по проблеме взаимодействия с колониями в области морской обороны; охарактеризовать позиции представителей белых переселенческих колоний (Австралии и Канады) по вопросам имперской оборонной интеграции; подвести итоги работы конференции.

Материалы и методы. Круг исторических источников, использованных в работе, включает протоколы заседаний колониальной конференции 1897 г., документы по британской колониальной политике соответствующего периода и воспоминания современников. Материалы заседаний колониальной конференции 1897 г. (Proceedings), которые включают в себя речи министра по делам колоний Дж. Чемберлена, произнесенные в ходе заседаний с 24 июня по 29

июля; а также итоговые резолюции, принятые в ходе ее работы. В перечень источников также входит сборник речей и документов по британской колониальной политике (1763 — 1917) под редакцией А.Б. Кейта, в котором содержатся тексты речей Дж. Чемберлена, произнесенных им в ходе конференции 1897 г.; а также очерк лейтенанта австралийского флота Дж. Биддлкомба, изданный в Мельбурне в период проведения конференции 1897 г., который посвящен деталям реализации австралийского морского соглашения на протяжении десяти лет (1887 — 1897).

Методологическую основу работы составили источниковедческие и специальные исторические методы исследования. Для изучения материалов заседаний колониальной конференции 1897 г. использовалась методика внутренней критики исторических источников. С ее помощью удалось оценить исторические факты, содержащиеся в материалах конференции, с точки зрения ее полноты, точности и достоверности. Описательно-повествовательный метод применялся для воссоздания событий и обстоятельств (исторического контекста), в которых проходили заседания колониальной конференции 1897 г. Биографический метод применялся для изучения представлений британского министра по делам колоний Дж. Чемберлена и канадского премьер-министра У. Лорье по проблеме участия колоний в системе имперской обороны. Сравнительно-исторический метод применялся для выявления различий между первыми тремя колониальными конференциями (1887, 1894, 1897), а также для сопоставления позиций переселенческих колоний (Австралии и Канады) по проблеме оборонной интеграции.

Результаты. История колониальных и имперских конференций началась в 1887 г., когда в Лондон были приглашены представители белых переселенческих колоний Британии для обсуждения вопросов имперской обороны. Заседания конференции носили неофициальный характер и совпали с празднованием 50-летнего юбилея восшествия на престол королевы Виктории. По настоянию военно-политического руководства метрополии вопросы политической интеграции (имперская федерация) и таможенного союза не обсуждались в силу существовавших между метрополией и колониями противоречий. В 1894 г. в Оттаве состоялась вторая по счету колониальная конференция, созванная по инициативе правительства

Канады для обсуждения вопросов межколониальной торговли и установления между ними телеграфного сообщения. В 1895 г. министром по делам колоний консервативного правительства Роберта Солсбери был назначен Джозеф Чемберлен (1836 — 1914). Он выступил с инициативой созыва очередной сессии колониальной конференции для обсуждения политических, военных и торговых отношений с колониями. В 1897 г., когда отмечался «брильянтовый» юбилей царствования королевы Виктории (60-летие!), он пригласил в Лондон премьер-министров Канады, Капской колонии, Наталя, Ньюфаундленда, Новой Зеландии и шести австралийских колоний, тогда еще не объединившихся в федерацию [2, с. 207].

Несмотря на неофициальный характер мероприятия, колониальная конференция 1897 г. как по форме, так и по содержанию знаменовала решающий этап в своем развитии как имперского института. Во-первых, в отличие от предыдущих встреч, хоть и непреднамеренно, членство в ней было ограничено премьер-министрами колониальных правительств, поскольку только они получили приглашения на празднование юбилея. Во-вторых, все участники конференции 1897 г. (в отличие от любой другой до или после) являлись членами британского Тайного совета. Колониальные премьер-министры были приведены к присяге сразу же после прибытия в Лондон. В-третьих, впервые конференция 1897 г. приняла форму собрания автономных правительств, коллективно управлявших всей империей. В-четвертых, на сессии 1897 г., в отличие от первых двух конференций, обсуждался весь спектр насущных имперских проблем: политические отношения, оборона и торговля [5, pp. 320 — 321]. По свидетельству Альфреда Мильнера (1854 — 1925) в ходе конференции Дж. Чемберлен не предпринимал никаких попыток скрыть от колониальных представителей трудности, мешавшие более тесному союзу, или чрезмерно ускорить движение к желаемому результату. Он не только не пытался подтолкнуть колонии дальше, чем они хотели, но и решительно заявил, что инициатива должен оставаться с ними [7, р. 201]. По оценке самого Дж. Чемберлена это была «самая замечательная и абсолютно беспрецедентная демонстрация личной преданности суверену и значительного единства империи» [9, р. 4].

В ходе конференции Дж. Чемберлен

выступил главным идеологом военной интеграции империи, уделив особое внимание вопросам военно-морской обороны. Во вступительной речи он заявил о необходимости помнить, что, если метрополия и колонии собираются создать «истинное партнерство», привилегия общего управления и контроля повлечет за собой определенные обязательства и ответственность. Они могли быть реализованы «в форме вкладов в расходы на объекты, которые будут общими» [7, р. 203]. Он также акцентировал внимание колониальных делегатов на общеимперской ценности Королевского флота, указывая на то, что если бы у Британии не было колониальных владений, вряд ли бы ей понадобились такие значительные вооруженные силы и мощные военно-морские ресурсы [9, р. 7]. Он заявил, что если колонии в будущем откажутся от защиты британского флота, им сложно будет сохранить свою независимость. Если бы «за спиной» у Канады не стояла «великая военная и морская мощь Великобритании», она вынуждена была бы идти на уступки своему южному соседу и разделять взгляды, которые были для нее крайне неприятны, чтобы оставаться в хороших отношениях с США. Она бы не смогла сама распоряжаться своей судьбой; и оказалась бы, несмотря на храбрость и патриотизм своего народа, в значительной степени зависимой страной. Австралия находилась не в лучшем геополитическом положении: она могла столкнуться не только с европейскими державами в южной части Тихого океана, но и «с Японией или даже с Китаем» [10, pp. 217 – 218].

Дж. Чемберлен высоко оценил тот факт, что Австралия самая первая из колоний добровольно предложила помощь британскому флоту. Вслед за ней Капская колония последовала этому «патриотическому курсу»: премьер-министр колонии объявил, что в соответствии с резолюцией законодательного собрания Кейптауна, он готов предложить безусловный вклад в Королевский флот в размере стоимости линкора первого класса [11, р. 76]. В марте 1898 г. Наталь предложил военно-морскую контрибуцию в размере 12 тыс. тонн угля, который впоследствии был конвертирован в денежную субсидию [5, pp. 324 – 325]. Министр по делам колоний выразил удовлетворение и гордость за то, что колонии сделали добровольные пожертвования. «Сумма, конечно, в настоящее время

абсолютно мизерная, заявил он, но дело не в этом. Мы смотрим на колонии как еще на детей, но быстро приближающихся к зрелому возрасту». Он обосновывал свои аргументы, делая упор на имперский характер расходов британского правительства на военные нужды. Содержание флота и вооруженных сил стоило Соединенному Королевству около 35 млн. фунтов стерлингов ежегодно, что составляло более трети общего бюджета. Без сомнения суммы колониальных вкладов были «пустяком» по сравнению с бременем военно-морских расходов, возложенным на британских налогоплательщиков. Но принимая во внимание уверенность в том, что колонии уже приближались к стадии зрелости, и в скором времени должны были превратиться в «великие нации», было бы замечательно так рано утвердить «принцип взаимной поддержки и истинно имперского патриотизма» [9, pp. 7 – 8].

Вслед за Дж. Чемберленом к колониальным представителям обратился первый лорд Адмиралтейства Джордж Гошен (1831 – 1907). Он поделился своими размышлениями о перспективах дальнейшего сотрудничества с колониями в области имперской морской обороны, сообщив, что заявления, сделанные ранее премьер-министрами ответственных правительств, убедили его в том, что любые другие формы вкладов, кроме денежных взносов, столкнутся с большими трудностями. Вместе с тем, он осознавал политическую ценность колониальных вкладов, даже если суммы выплат были незначительными. «Несмотря на то, что колониальные субсидии окажутся «каплей в море», заявил он, они обеспечат между Адмиралтейством и колониями определенные связи, которые мы ценим» [8, р. 118].

Большая часть речи первого морского лорда была посвящена оценке и перспективам возобновления военно-морского соглашения с австралийскими колониями, которое было подписано в ходе колониальной конференции 1887 г. и срок его действия приближался к окончанию. Он заверил колониальных делегатов, что Адмиралтейство вполне удовлетворено существующей договоренностью с австралийскими колониями, добавив, что сходные переговоры следует начать и с Канадой [9, р. 16]. По результатам своей работы конференция приняла резолюцию продлить действовавшее с австралийскими колониями соглашение на прежних

условиях. Пять из шести австралийских премьер-министров голосовали «за» продление соглашения, сформулировав преимущества политики денежных вкладов в общий военно-морской фонд. Во-первых, австралийская эскадра находилась под прямым централизованным контролем британского Адмиралтейства. Во-вторых, руководство эскадрой осуществлялось компетентными британскими морскими офицерами, которые имели соответствующие знания и опыт. По их мнению, местные органы управления не могли быть столь же эффективными. Кроме того, следовало помнить, что при смене правительства в каждой колонии происходило постоянное изменение политики, которое могло негативно сказаться на состоянии местной обороны. В-третьих, политика денежных вкладов являлась наименее дорогостоящей и пользовалась преимуществами, которые были у Королевского флота, что касалось «закупок, производства и управления» [3, р. 14]. Премьер-министр Южной Австралии Чарльз Кингстон (1850 — 1908), единственный из представителей шести австралийских колоний, отказался голосовать за продление соглашения. Примыкая к радикальному крылу либеральной партии, он вынес на рассмотрение конференции проект создания отделения Королевского военно-морского резерва в Австралии, и ожидал дальнейшего его рассмотрения [5, pp. 331 — 332].

Канадский премьер-министр Уилфрид Лорье (1841 — 1919) подходил к сотрудничеству в области морской обороны с осторожностью, не желая брать на себя никаких морских обязательств. Он аргументировал свою позицию тем, что канадский парламент не проголосует за субсидии, если британские адмиралы будут контролировать корабли канадской эскадры. По утверждению биографа премьер-министра Джона Дэфо, У. Лорье с момента своего прибытия в Великобританию публично выражал чувства, которые демонстрировали его как истинного имперского федералиста. Но когда началась конференция, министр по делам колоний «столкнулся не с оратором, стремящимся увлечь аудиторию, а с хладнокровным, осторожным государственным деятелем, думающим о своем доме» [4, р. 63]. В итоге, Канада осталась безучастна к призывам «страны-матери» и это ни могло ни обескуражить Чемберлена, надеявшегося на получение наиболее солидной помощи со стороны самой крупной и развитой самоуправляющейся части империи [1, с. 87].

Вторая часть вопросов в области имперской военной интеграции, обсуждавшихся на конференции 1897 г., была посвящена проблемам наземной обороны. Во вступительной речи Дж. Чемберлен с сожалением заметил, что с военной обороной дела обстояли далеко не так, как ожидала метрополия, хотя определенный прогресс в этом направлении все-таки наметился. Он сформулировал три принципа сотрудничества в области сухопутной обороны. Они включали обмен воинскими подразделениями между колониями и метрополией; стандартизацию методик военного обучения; унификацию оружия и военной техники.

Главная идея, которую Дж. Чемберлен решительно отстаивал, заключалась в обмене воинскими подразделениями между различными частями империи в целях военного обучения. Например, канадский полк мог прибыть на британские острова, и как минимум на 12 месяцев стать частью британской армии, участвуя вместе с ней в организованном процессе воинского обучения. Взамен аналогичный полк британских войск, бригада артиллерии или кавалерии могли отправиться в Канаду для того, чтобы жить и учиться вместе с канадской милицией. И в первом, и во втором случае, воинские подразделения, направленные на обучение в другую часть империи, должны были формировать часть той армии, куда они прибыли. Идея состояла в том, что обмен должен был производиться исключительно с целью тренировки и обучения: для канадских войск, также как и для сухопутных войск других колоний было огромным преимуществом померяться силами с регулярной британской армией, изучить дисциплину и маневры, которые широко практиковались в метрополии. Конечная цель — обеспечить полную взаимозаменяемость британских и колониальных отрядов [9, р. 9].

Однако стремления Дж. Чемберлена шли намного дальше. По его словам, имперское военное сотрудничество достигло бы принципиально нового уровня, если в ходе пребывания военных контингентов из колоний на территории Соединенного Королевства, они выразили желание участвовать в военных экспедициях, проводимых британской армией в разных частях света [6, pp. 220 — 221]. «Я не вижу причин, добавил, министр по делам колоний, по которым колониальные войска не должны время от времени сражаться бок о бок со

своими британскими коллегами» [9, р. 9]. Другое предложение заключалось в том, чтобы курсантам колониальных военных колледжей, таких, как например, военный колледж в Кингстоне (Онтарио), время от времени следовало присваивать офицерские звания британской Королевской армии [10, р. 221]. Наконец, с целью обеспечения единообразия в вооружении и боеприпасах по всей империи, Дж. Чемберлен предложил обмен (или конверсию) колониальных образцов оружия на винтовку Мартини-Генри, которая была принята на вооружение в британской армии и на флоте в 1871 г. [9, р. 18]. В заключении министр по делам колоний отметил, что все его предложения носят исключительно рекомендательный характер и направлены, прежде всего, в адрес белых переселенческих колоний (Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки) [9, р. 10].

Все премьер-министры, присутствовавшие на конференции, согласились внимательно изучить предложения Дж. Чемберлена после возвращения в колонии, где планировали проконсультироваться со своими коллегами и местными парламентариями. Они обещали выяснить, какие законодательные или другие меры могут потребоваться для того, чтобы осуществить эти предложения, в случае их принятия [9, р. 18].

В заключении делегаты конференции 1897 г. согласились с тем, что в будущем следует проводить периодические имперские консультации между представителями колоний и Великобритании для обсуждения вопросов, представлявших общий интерес. Кроме того, именно конференции должны были оставаться основным форумом для обсуждения имперской военной и морской

обороны вплоть до начала Первой мировой войны [11, pp. 76 – 77].

Выводы. К концу XIX в. военно-политическое руководство Британской империи пришло к выводу, что все вооруженные конфликты, в которых участвовала Великобритания в течение последних ста лет, носили колониальный характер. Это напрямую отражалось на расходах британского правительства, которые шли не столько на защиту британских островов, сколько на оборону зависимых территорий. Необходимо было разработать эффективный план интеграции колоний в систему общеимперской защиты. В ходе колониальной конференции 1897 г. министр по делам колоний Дж. Чемберлен сформулировал новую концепцию имперской обороны, состоявшую из двух частей. В первой части был описан механизм привлечения белых переселенческих колоний Британской империи к участию в военно-морской обороне путем прямых и регулярных вкладов в британское казначейство на нужды Королевского флота по образцу австралийского морского соглашения 1887 г. Следовательно, военно-морская оборона империи должна была оставаться в британской юрисдикции. Любой отход от принципа единого управления флотом мог нарушить имперское единство. Вторая часть концепции была посвящена деталям имперской наземной обороны, которая строилась на принципах унификации и стандартизации. Дж. Чемберлен предложил максимально унифицировать колониальные армии и привести их в соответствие британским стандартам, чтобы в случае необходимости они могли участвовать в войнах, которые вела империя.

Список литературы

1. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Челябинский госуниверситет, 1996. – 312 с.
2. Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990. – 544 с.
3. Biddlecombe J. Interdependence of the Empire in Regard to Naval Defense. Melbourne: Messrs. G. Robinson & Co., 1897. – 23 p.
4. Dafoe J.W. Laurier. A Study of Canadian Politics. Toronto: T. Allen, 1922. – 182 p.
5. Jebb R. The Imperial Conference. A History and Study. In Two Vols. Vol. 1. London: Longmans Green and Co, 1911. – 401 p.
6. Maclean G.R. The Imperial Federation Movement in Canada, 1884 – 1902. Durham, N.C.: Duke University, 1958. – 413 p.
7. Milner A. Life of Joseph Chamberlain. London: The Associated Newspapers, 1914. – 320 p.
8. Preston R.A. Canada and Imperial Defense. A Study of the Origins of the British Commonwealth's Defense Organization (1867 – 1919). Durham: Duke University Press, 1967. – 576 p.
9. Proceedings of a Conference between the Secretary of State for the Colonies and the

Premiers of the Self-Governing Colonies at the Colonial Office, London, June and July 1897. London: Darling & Son, 1897. – 19 p.

10. Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763 – 1917 / Ed. by A.B. Keith. In Two Vols. Vol. 2. London-Toronto: Humphrey Milford, 1918. – 424 p.

11. Tucker G.N. The Naval Service of Canada. Its Official History. In Two vols. Vol. 1: Origins and Early Years. Ottawa: King's Printer, 1952. – 463 p.

JOSEPH CHAMBERLAIN AND HIS CONCEPT OF IMPERIAL DEFENSE

The paper studies the main provisions of the concept of Imperial defense formulated by the British Colonial Secretary J. Chamberlain during the Colonial conference of 1897. It limits the chronological scope of the work to the period of the Conference (June 24 to July 29, 1897). It traces the origins of the idea of holding colonial conferences within the British Empire to discuss general imperial problems. It compares the first three colonial conferences of 1887, 1894 and 1897 in order to identify differences between them in form and content. It formulates the main provisions of the concept of J. Chamberlain, devotes to two aspects of imperial defense (naval and land). It clarifies the degree of coincidence of the views of J. Chamberlain and the British Admiralty on the problem of interaction with the colonies in the field of naval defense. It characterizes the position of the British white colonies (Australia and Canada) on the issues of Imperial defense integration. It characterizes the results of the work of the Colonial conference of 1897. During the Colonial conference of 1897, the Minister for the Colonies, J. Chamberlain, formulated the concept of Imperial defense, which consisted of two parts. The first part described the mechanism for attracting the white colonies of the British Empire to participate in Naval defense through direct and regular contributions to the British Treasury for the needs of the Royal Navy, modeled on the Australian Naval Agreement of 1887. The second part was devoted to the details of the Imperial land defense, which was being built on the principles of unification and standardization. J. Chamberlain proposed to unify the colonial armies as much as possible and bring them into line with British standards so that, if necessary, they could participate in the wars waged by the Empire.

Keywords: British Empire, Colonial conference of 1897, Imperial defense, British colonies, Joseph Chamberlain, George Goshen, Wilfrid Laurier, Charles Kingston.

References

1. Grudzinskiy V.V. Na povorote sud'by: Velikaya Britaniya i imperskiy federalizm (poslednyaya tret' XIX – pervaya chetvert' XX vv.) [At the Turn of Fate: Great Britain and Imperial Federalism (last third of the 19th – first quarter of the 20th centuries)]. Chelyabinsk: Chelyabinskij gosuniversitet, 1996. – 312 s.

2. Kertman L.E. Dzhozef Chemberlen i sy'nov'ya [Joseph Chamberlain & Sons]. M.: My'sl', 1990. – 544 s.

3. Biddlecombe J. Interdependence of the Empire in Regard to Naval Defense. Melbourne: Messrs. G. Robinson & Co., 1897. – 23 p.

4. Dafoe J.W. Laurier. A Study of Canadian Politics. Toronto: T. Allen, 1922. – 182 p.

5. Jebb R. The Imperial Conference. A History and Study. In Two Vols. Vol. 1. London: Longmans Green and Co, 1911. – 401 p.

6. Maclean G.R. The Imperial Federation Movement in Canada, 1884 – 1902. Durham, N.C.: Duke University, 1958. – 413 p.

7. Milner A. Life of Joseph Chamberlain. London: The Associated Newspapers, 1914. – 320 p.

8. Preston R.A. Canada and Imperial Defense. A Study of the Origins of the British Commonwealth's Defense Organization (1867 – 1919). Durham: Duke University Press, 1967. – 576 p.

9. Proceedings of a Conference between the Secretary of State for the Colonies and the Premiers of the Self-Governing Colonies at the Colonial Office, London, June and July 1897. London: Darling & Son, 1897. – 19 p.

10. Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763 – 1917 / Ed. by A.B. Keith. In Two Vols. Vol. 2. London-Toronto: Humphrey Milford, 1918. – 424 p.

11. Tucker G.N. The Naval Service of Canada. Its Official History. In Two vols. Vol. 1: Origins and Early Years. Ottawa: King's Printer, 1952. – 463 p.

Об авторе

Симоненко Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Приморская государственная сельскохозяйственная академия (Россия), E-mail: eka-1982.82@mail.ru

Simonenko Ekaterina Sergeevna – PhD in History, Associate Professor, Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorskaya State Agricultural Academy (Russia), E-mail: eka-1982.82@mail.ru

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», (Россия);

Жигунова И.И., ассистент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», (Россия).

«БАЛАНС АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА»: ПОЛИТИКА ИРОКЕЗСКОЙ ЛИГИ В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ КОЛО- НИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ В 1713-1744 ГГ.

Ирокезская Лига была ключевым фактором международных отношений в регионе североамериканского Вудленда в XVII-XVIII вв. В результате так называемых Бобровых войн, ирокезы заняли доминирующее положение среди других племен и оказывали серьезное влияние на политику колониальных держав на континенте. В 1713-1744 гг., в условиях формального мира, Англия и Франция стремились обеспечить своё превосходство в регионе, используя в качестве основного инструмента Лигу Ирокезов. Возникла сложная система взаимовлияний и противоречий в сфере контроля над мехоторговыми коммуникациями, доминирования над различными индейскими народами и альянсами, территориальной и военной экспансии, в которой сталкивались интересы колониальных держав и Ирокезской Лиги. Как для Англии, так и для Франции было крайне важно любым способом привлечь ирокезов на свою сторону в их колониальном противостоянии для обеспечения первенства в регионе. В результате усилий европейских дипломатий и сложных этнополитических процессов, переживаемых Ирокезской конфедерацией, на рубеже 40-50-х гг. XVIII в. происходит фактический раскол Лиги, и в начавшейся серии англо-французских военных конфликтов, ирокезы выступили на стороне обеих противостоящих держав.

Ключевые слова: Ирокезская лига, Новая Франция, Нью-Йорк, Пенсильвания, Монреальский договор, Утрехтский мир, колониальные противоречия в Северной Америке, территориальная и военная экспансия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-129-136

Ирокезские племена (мохоки, онейда, кайюга, онондага, сенека, а с 1714 г. и тускарора), составлявшие т. н. Ирокезскую лигу, занимали стратегически важное положение на геополитической карте Северо-Восточной Америки. Потому рассмотрение политики ирокезов в контексте англо-французских противоречий в Северной Америке в первой половине XVIII в. представляется актуальным.

Ирокезская территория находилась на пересечении важнейших путей во всех направлениях. На востоке проходил маршрут, который через озера Джордж, Шамплейн и реку Ришелье давал доступ к долине Святого Лаврентия. Контроль над этим маршрутом позволял ирокезам значительно контролировать передвижение по реке Св. Лаврентия и совершать набеги на французов и их индейских союзников, заселивших ее берега. На севере озеро Онтарио было одним из главных путей в глубь континента, на Запад, в богатый пушниной регион между Великими озерами и Миссисипи, и присутствие враждебных ирокезов на его берегах вынуждало французских мехоторговцев пользоваться более сложным и длинным путем по р. Оттава. На западе территория ирокезов после разгрома гуронов в 1649-1650 гг.

расширилась до Ниагары - еще одного стратегически важной коммуникации между английской и французской зонами колонизации. На юге Ирокезии брали начало три крупные реки: Саскуэханна, Делавэр и Огайо, которые также обеспечивали доступ к богатым пушниной территориям на западе и юге. Ирокезы также находились в выгодном положении по отношению к голландцам, а с 1664 г. и англичанам в Нью-Йорке, поскольку они контролировали доступ к реке Мохок, которая была единственным сухоходным маршрутом через Аппалачи к Великим озерам. [6, р. 340].

Эта выгодная позиция делала Лигу важнейшим субъектом сложных этнорасовых отношений в североамериканском Вудленде на протяжении XVII-XVIII вв., прежде всего, в отношениях между английскими колониями Новой Англии и Нью-Йорк и французскими колониями Новой Франции и Луизиана, и их индейскими союзниками. В результате т. н. Бобровых войн, ведущихся ирокезами в течение всего XVII в. за контроль над торговыми коммуникациями, сложились два враждебных альянса: Ирокезская лига создала т. н. «Договорную цепь», в которую сначала были включены Новые Нидерланды, а после их завоевания Англией в

1664 г. и британские колонии, а также многочисленные индейские племена либо путем завоевания, либо мирного присоединения; французский альянс основывался на франко-гуронском и франко-алгонкинском союзах, включавших к XVIII в. десятки племен от залива Св. Лаврентия и Акадии до р. Миссисипи. К началу этого столетия в противостоянии альянсов установился относительный паритет, приведший к знаменитому Монреальскому миру 1701 г., в результате которого Ирокезская лига объявила о своем «вечном» нейтралитете в борьбе двух основных противников в Северной Америке — Англии и Франции.

В историографии давно ведется дискуссия о мотивах ирокезов в стремлении к урегулированию отношений с французским альянсом. Часть историков, в основном англо-американских, видят в ирокезском нейтралитете результат французской политики, «интриг», разрушивших англо-ирокезское сотрудничество на полвека [7, р. 53; 21, р. 121; 11, р. 38.], другие, в основном, франко-канадские, утверждают, что Франция смогла предложить своим бывшим врагам более значимые и в перспективе выгодные условия, которые перевесили ценность союза с Англией [17, р. 64-66]. Не включаясь в эту дискуссию, мы полагаем вместе с третьей группой исследователей [4, р. 332-344], что ирокезы руководствовались, прежде всего, своими интересами, для которых на том этапе было выгодным выйти из глобального колониального противостояния и использовать его для их реализации.

Прежде всего, речь идет о старой цели Ирокезской лиги контролировать мехоторговые коммуникации из региона Великих озер к Атлантическому побережью, что сделало бы ее членов ключевым актором в сложной сети профранцузских и проанглийских туземных партнеров. Не достигнув этой цели военным путем, ирокезы попробовали сделать это с помощью дипломатии [8, р. 318]. В некоторой степени, перенаправить потоки пушнины из Новой Франции в Нью-Йорк удалось с помощью т. н. «миссионных ирокезов», т. е. членов племен Лиги, покинувших свои земли и мигрировавших на территорию французской Канады, в долину Св. Лаврентия, и поселившихся в редукциях, миссионерских поселениях для новообращенных индейцев, основанных католическими орденами иезуитов и сульпицианцев во второй половине XVII в., прежде всего, Со-Сен-Луи

(Канаваке) и Ляк-де-Дё-Монтань (Ока).

«Миссионные» ирокезы рассматривали себя как союзников, а не подданных Новой Франции. Принимая католичество и поселяясь на территорию французской колонии в значительном количестве (около 1750 года население этих деревень оценивалось в 2600 человек) [17, р. 67], они становились важной силой как внутри франко-индейского альянса, так и в качестве посредников в отношениях с звеньями «Договорной цепи» Ирокезской лиги и английских колоний [12, р. 45-52]. В этом качестве ирокезы Лаврентийских редукций пользовались свободой передвижения и общения со своими родственниками на территории конфедерации к югу от р. Св. Лаврентия, что было санкционировано светскими и духовными лидерами французской колонии.

Именно в этом контексте, в 1704 г. канадский губернатор Филипп де Риго де Водрёй (1703-1725) при посредничестве миссионных ирокезов заключил с властями Нью-Йорка соглашение, которое защищало интересы французских купцов и ирокезов в «незаконной торговле мехами» в течение последующих четырех десятилетий, по сути, легитимизировав контрабанду мехов из Монреаля в Олбани через территорию Лиги. Этот шаг, скорее, демонстрировал неспособность французов полностью подчинить себе ирокезских неофитов редукций, чем, как полагал член провинциального совета Нью-Йорка К. Колден, был проявлением французских «интриг», имевших целью разрыв англо-ирокезского союза [2, vol. 5, р. 588-91; 2, vol. 9, р. 897-98; 27, р. 169-70; 15, р. 171].

Тем не менее, обороты этой контрабанды были слишком малы, чтобы серьезно влиять на баланс сил в мехоторговле. К тому же, ирокезы так и не достигли главной цели в этой сфере: преодоление французского посредничества и установление прямых торговых контактов с племенами запада Великих озер. Более того, в том же 1701 г. французы основали в этом регионе торговый пост Детруа (Детройт), на торговом пути из оз. Эри в оз. Гурон (терр. совр. шт. Мичиган), таким образом еще сильнее утвердившись на Западе. В результате попыток ирокезов заключить сепаратные соглашения с некоторыми членами французского альянса (оттава, виандотами, фоксами и др.) и отклонить их торговые маршруты от Монреаля к Олбани, к началу 1710-х гг. франко-ирокезские отношения

вновь начали стремительно портиться.

Таким образом, когда в 1709–1713 гг. развернулся очередной англо-французский конфликт, вошедший в историю как «война королевы Анны», большинство племен Ирокезской лиги (мохоки, онейда, кайюга и онондага) вновь приняли в нем участие на стороне англичан [20, vol. 1, p. 197–202]. Две подготавливавшиеся англичанами экспедициями в Канаду, в 1709 и 1711 гг., при деятельнейшей поддержке ирокезов, тем не менее, потерпели фиаско [9, p. 193; 13, vol. 11, p. 441–456]. Это вновь поставило Лигу перед необходимостью восстановить отношения с Квебеком и вернуться к политике нейтралитета. В 1714 г. нейтралитет и мирные отношения с Новой Францией были официально подтверждены ирокезской делегацией на совете с генерал-губернатором Водрёем [1, vol. 5, p. 300].

Утрехтский мир 1713 г., завершивший англо-французскую войну, явился, в значительной степени, поворотным моментом в истории европейского колониального противостояния в Северной Америке: с одной стороны, он положил начало долгому периоду мирных отношений между английскими и французскими колониями; с другой, стал временем подготовки к решающему столкновению метрополий за гегемонию на континенте. В течение этой эпохи (1713–1744 гг.) шла интенсивная дипломатическая деятельность на всех уровнях, направленная на формирование новых и укрепление старых коалиций, в том числе, в отношении крупнейшего военно-политического игрока на Северо-Востоке Америки — Ирокезской лиги. Для обеих сторон казалось очевидным: от того, как поведет себя эта индейская конфедерация в будущем конфликте, во многом зависит его исход.

В вопросе о месте и роли Ирокезской лиги в будущей войне, противоборствующие державы оставались на тех же позициях, что и к началу столетия: Англия стремилась вовлечь Лигу в военные действия на ее стороне, в идеале, в полном составе; задачей минимум для Франции было обеспечение полного нейтралитета ирокезских племен, программой максимум — раскол конфедерации и привлечение части ее членов на свою сторону в конфликте. Последнее было тем более вероятным, что значительная часть ирокезов уже проживало на территории Новой Франции в миссионерских редукциях и принимало участие в военных действиях против англичан.

Утрехтский договор в отношении ирокезов, в целом, был в пользу Англии, по сути, признав их подданными этой державы: ст. XV запрещала подданным Франции, «вмешиваться [в дела] пяти наций или кантонов индейцев, *подданных доминиона Великобритании* [курсив наш — А. Ф., И. Ж.], ни других наций Америки, которые являются ее друзьями». Одновременно, «подданные Великобритании должны вести себя сами мирно по отношению к американцам, которые являются подданными или друзьями Франции». Важным дополнением было требование, чтобы все стороны могли «наслаждаться полной свободой внутренней и внешней торговли» [Цит. по: 20, p. 223]. Признавая ирокезов подданными британской короны, Утрехтский мир закрывал кантоны для католических миссионеров [19, p. 334], а свобода торговли предоставляла англичанам больше возможностей для влияния на французских туземных союзников, так как английские товары были более качественными и дешевыми, чем французские [3, p. 142].

Иезуитский историк П.-Ф.-К. Шарлевуа считал, что «эта статья не лишила нас ничего реального и не дала ничего большего англичанам, так как кантонам... вполне удалось сохранить свою свободу и независимость». В подтверждение этому мнению, он приводил факт основания англичанами и французами фортов на территории Ирокезской лиги: первыми в Осуиго, у онондага, вторыми — на Ниагаре, у сенека [1, p. 266]. Тем не менее, иезуит ошибался, английское присутствие в Лиге в этот период было более значительным, чем французское, и со временем только возрастало.

Для Англии союз с Ирокезской лигой оставался неременным условием не только защиты собственных границ, но и возможного расширения их на запад, в области, контролируемые их колониальными соперниками. Еще в 1699 г. губернатор Нью-Йорка Белломонт утверждал, что Пять наций являются «единственным барьером... между французами Канады и Вирджинией и Мэрилендом, а также между французами и Нью-Йорком», а также важнейшим оружием будущего торжества над врагом [2, vol. 4, p. 609, 834]. Ирокезы — «баланс американского континента», — заявили жители Олбани в 1720 г. [2, vol. 5, p. 571].

Первоначально, после окончания войны королевы Анны, англичане сохраняли за собой на территории Лиги лишь

один форт Хантер у мохоков, покинув все остальные посты. Этот форт превратился в центр английского экономического и политического влияния в Ирокезии, а со временем — и в центр земельной экспансии и спекуляций, связанных с германской эмиграцией в район к западу от Скенектади в 1710-1720-х гг. [6, р. 370-371]. Упомянутый пост в Осуиго (на оз. Онтарио) был основан англичанами в 1727 г. и вызвал у их соперников серьезные опасения в возможности контролировать торговые коммуникации между Великими озерами и Ирокезией и Нью-Йорком, а значит и своих индейских союзников [26, р. 122].

Англичане не преминули воспользоваться открывшимися возможностями для того, чтобы расширить объемы индейской торговли. В течение всего периода 1713-1744 гг. из Нью-Йорка шел поток рома и бренди, превосходных английских шерстяных тканей, изделий из металла, что дополнялось более низкими ценами и простой системой градации мехов, постепенно переориентируя западных поставщиков меха от Монреаля к Олбани. Стоимость экспорта бобров из Нью-Йорка удвоилась в 1713 г. и почти удвоилась в 1714 г. [16, р. 134-35, 158-159]. К 1720 году власти Нью-Йорка были достаточно уверены в своем контроле над западной торговлей, чтобы объявить контрабанду мехов между Монреалем и Олбани вне закона [2, vol. 5, р. 707-708]. В результате, к середине 20-х гг. французская торговля переживала глубокий кризис, и строительство английского поста на Осуиго грозило этот кризис сделать фатальным для Новой Франции [16, р. 164; 26, р. 122]. «Торговля пушниной теперь находится почти исключительно в руках англичан», — сокрушался в 1740-х гг. Шарлевуа [1, р. 265].

Франция могла этому противопоставить лишь усиление традиционных форм экономического поощрения своих индейских союзников: основание новых торговых постов и государственное субсидирование торговли. Чаще всего субсидирование принимало форму ежегодных подарков союзным племенам необходимых им орудий труда и оружия. Корона также предоставляла индейцам фактически бесплатные услуги кузнецов и оружейников во французских фортах, таких, как Ниагара или Фронтенак. Например, губернатор Новой Франции Шарль де Боарнуа с 1730 г. санкционировал огромный рост расходов на

подарки индейцам, которые намного превысили ежегодные бюджетные ассигнования в размере 22 000 ливров, выделяемые на эти цели [22, р. 26]. Корона терпела убытки от таких экономических решений, но цель, — удержать контроль над индейской торговлей, не отдав его англичанам, — оправдывала подобные средства [26, р. 122; 14, р.19]. По крайней мере, в течение рассматриваемого периода.

Не последнюю роль в сохранении мирных отношений в колониях в первой половине XVIII в. сыграла международная ситуация в Европе. С 1715 г. французы искали помощи в предотвращении восхождения Филиппа V, императора Священной Римской империи, на испанский престол. В то же время англичане искали союзников против якобитов, поддерживающих Стюартов против Ганноверской династии. Ответом на проблемы обеих держав стало англо-французское сближение в 1716 г., что не могло не отразиться на их отношениях в Северной Америке. В такой ситуации значение ирокезов в качестве буфера и для Англии, и для Франции весьма сократилось [28, р. 233-234].

Какую роль во всех этих процессах играла Ирокезская лига, как реагировала на растущее напряжение в англо-французских отношениях, как экономических, так и политических? И, главное, почему сохраняла нейтралитет почти до конца 1740-х гг., и почему нарушила его после?

Наиболее общим ответом на поставленные вопросы является утверждение, что ирокезам был выгоден мир, так как сложившиеся условия предоставляли им именно то, к чему они стремились, по крайней мере, с 1701 г. Нейтралитет обеспечивал им, с одной стороны, возможность участия в западной меховой торговле, а с другой, роль арбитра и, в перспективе, лидера в формирующейся на основе французского и английского альянсов паниндейского движения, столь ярко заявившего о себе к началу 1760-х гг. С этой точки зрения, представляется, ирокезы в 1713-1744 гг. не столько выбирали между тем или иным европейским партнером, сколько готовились заменить обоих в роли главного политического актора на Северо-Востоке Америки.

Это маневрирование между двумя колониальными центрами хорошо прослеживается в истории основания вышеупомянутых английских и французских фортов в

Ирокезии. К 1727 года и французы, и англичане имели форты на территории ирокезов, что, казалось бы, сужало возможности Лиги в проведении самостоятельной политики, как, например, считал американский исследователь Р. Л. Хан, и нейтралитет, с этой точки зрения, представлялся, скорее, вынужденной мерой, нежели политическим маневром, имевшим в перспективе некую выгоду [8, р. 324]. Но в 1725-1726 гг. ирокезы сообщили губернаторам Нью-Йорка и Новой Франции, что «не потерпят ни пролития крови, ни военных действий на принадлежащей им земле и озере, но это должен быть мирный путь для всех христиан и индейцев, чтобы они могли приходить и уходить вперед и назад по торговым делам», одновременно уверяя и того, и другого в готовности защищать этот мир [2, vol. 5, р. 787]. Здесь видна не только прямая экономическая заинтересованность, но и политическая подоплека — Англия и Франция нейтрализовали друг друга, благодаря ирокезскому нейтралитету, предоставляя Лиге возможность маневра и посредничества между двумя державами и их союзниками.

Ирокезскую позицию сложно понять без учета важных изменений, происходящих на ее восточных и западных границах. В течение первой половины XVIII в. территория мохоков, самого восточного племени Лиги, граничившая с Нью-Йорком, стала объектом английской земельной экспансии. В 1713-1722 гг. происходит заселение эмигрантами из Пфальца Скохари и долины р. Мохок, в 1735 г. поселения немцев появились в Канаджохари [25, р. 245-246]. В результате войн, эпидемий (в т. ч., эпидемии оспы 1716-1717 гг.) и миграций на традиционных землях мохоков проживало, по разным оценкам, от 300 до 500 человек к 1740 г. (тогда как столетием ранее здесь проживало до 3 тыс. чел.) [См.: 23, р. 421; 21, р. 110; 18, р. 87], причем в непосредственной близости от европейских поселений. В результате, в селениях мохоков, онейда и кайюга распространился алкоголизм, особенно после строительства поста в Осуиго, так как земельные спекулянты стремились с помощью спаивания индейцев заключать все новые договоры о передаче земли по бросовым ценам [16, р. 207-208].

С другой стороны, громадный регион к западу от территории сенека, в бассейне рек Огайо и Уобаш, стал в этот же период зоной миграции представителей множества

различных племен, и ирокезы, владельцы этих земель, также включились в этот процесс, постепенно возглавляя и направляя эти миграционные потоки. В результате на берегах этих рек возникло несколько межплеменных поселений (названные французскими наблюдателями «республиками»), такими, как Логстаун или Сонноттио, под управлением или непосредственно ирокезских вождей, или их ставленников. Их население постепенно консолидировалось на ирокезской основе, что получило отражение в этнониме «минго», как стали называть огайских ирокезов и присоединившихся к ним виандотов, шауни, майами и прочих [См., напр.: 26, р. 188].

Проблема для всех трех сторон, англичан, французов и собственно Ирокезской лиги, заключалась в том, что все эти поселения находились вне каких-либо альянсов, включая ирокезский, с которым они были связаны лишь формально [10, р. 287]. В результате, по мере деградации позиций Лиги на востоке, росла важность индейских «республик» на Западе, в Огайо, ставшим главным районом добычи и транзита мехов как в Монреаль, так и в Олбани. Именно борьба за гегемонию в этом регионе между ключевыми акторами в американском Вудленде стала причиной отказа части племен Ирокезской лиги от нейтралитета и присоединения к Англии в ее экспансии в Канаду на рубеже 1740-1750-х гг.

Таким образом, в период англо-французского мира в Северной Америке (1713-1744 гг.), политика Ирокезской лиги была последовательно нейтральной; целью ирокезов было дистанцироваться от реальных и потенциальных конфликтов между колониями. Причинами этого, с одной стороны, было традиционное стремление Лиги доминировать на Северо-Востоке с помощью военной силы и контроля над торговыми маршрутами из региона к западу от Великих озер к колониальным центрам (Монреаль и Олбани). С другой стороны, это была реакция на серьезный демографический спад, наблюдавшийся с конца XVII в. и ставший результатом эпидемий, войн и миграций, особенно сильный в восточных районах Ирокезии (территории мохоков и онейда). В результате формируются большие ирокезские диаспоры, сначала в долине р. Св. Лаврентия, в католических редукциях Новой Франции, а с 1720-1730-х гг. в Огайо, в т. н. «респуб-

лика», больших межплеменных поселений, формально подчиненных Ирокезской лиги, но фактически автономных. Стремление ирокезов контролировать минго Огайо вошло в противоречие с тем же стремлением французов, рассматривавших алгонкинов, составлявших существенную часть обитателей этих «республик» как своих традиционных союзников, «детей отца Ононтио» (как называли индейцы губернатора Канады). Одновременно англи-

чане, прежде всего, торговцы Пенсильвании и Нью-Йорка так же проявили интерес к этой территории, апеллируя к своим традиционным союзническим связям с ирокезами, что только усилило напряженность в этом регионе. С началом нового витка англо-французского противостояния в Северной Америке в 1744 г. эти противоречия развернулись в масштабный конфликт, приведший Ирокезскую лигу к отказу от нейтралитета, а затем и к распаду.

Список литературы

1. Charlevoix P.-F.-X. (1900) History and General Description of New France / Shea, John Gilmary, transl. and ed. — 6 vols. — N. Y.: John Gilmary Shea.
2. Documents relative to the colonial history of the State of New York (1856-1887) / Ed. by J. R. Brodhead, B. Fernow. — Vols. 15. — Albany: Weed, Parsons and Company, Printers.
3. Eccles W. J. (1983) The Canadian Frontier, 1534-1760. — Albuquerque: University of New Mexico Press. — P. 238.
4. Eccles W. J. (1959) Frontenac: The Courtier Governor.— Toronto: McClelland and Stewart Limited. — P. 358.
5. Grabowski J. (1994) Les Amérindiens domiciliés et la 'contrabande' des fourrures en Nouvelle-France // Recherches amérindiennes au Québec. — Vol. 24, № 3. — P. 45-52.
6. Grumet R. S. (1995). Historic Contact: Indian People and Colonists in Today's Northeastern United States in the Sixteenth Through Eighteenth Centuries. — Norman: University of Oklahoma Press. P. 552.
7. Haan R. (1987) Covenant and Consensus: Iroquois and English, 1676-1760 // Beyond the Covenant Chain: The Iroquois and Their Neighbors in Indian North America, 1600-1800 / Edited by Daniel K. Richter, and James H. Merrell. — Syracuse: Penn State University Press. — P. 41-57.
8. Haan R. (1980) The Problem of Iroquois Neutrality: Suggestions for Revision // Ethnohistory. — Vol. 27, № 4, Special Iroquois Issue. — Autumn.— P. 317-330.
9. Hammang F. H. (1938) The Marquis de Vaudreuil. New France at the Beginning of the Eighteenth Century. — Bruges: Desclée, de Brouwer. — P. 218.
10. Jennings Fr. (1993) The Founders of America. — N. Y.: Norton. — P. 457.
11. Jennings Fr. (1985) Iroquois Alliances in American History // The History and Culture of Iroquois Diplomacy: An Interdisciplinary Guide to the Treaties of the Six Nations and Their League. — Syracuse: Syracuse University Press. — P. 37-66.
12. Lunn, J. (1939) The Illegal Fur Trade out of New France, 1713-60 // Report of the Annual Meeting / Rapports annuels de la Société historique du Canada. — № 18(1). — P. 61-76.
13. McCully B. T. (1954) The Camp at Wood Creek Reviewed, August 16, 1709 // Catastrophe in the Wilderness: New Light on the Canada Expedition of 1709 // William and Mary Quarterly. — Vol. 11. — P. 441-456.
14. Miquelon D. (1993) Jean-Baptiste Colbert's "Compact Colony Policy" Revisited: The Tenacity of an Idea // Proceedings of the 17th Meeting of the French Colonial Historical Society, May 1991 / Edited by Patricia Galloway. Lanham, New York, London: University Press of America. — P. 12-23.
15. Miquelon D. (1987) New France, 1701-1744: A Supplement to Europe. — Toronto: McClelland and Stewart. — P. 345.
16. Norton T. E. (1974) The Fur Trade in Colonial New York. — Madison: University of Wisconsin Press. — P. 243.
17. Parmenter J. (2003) L'Arbre de Paix: Eighteenth-Century Franco-Iroquois Relations // French Colonial History. — № 4. — P. 63-80.
18. Preston D. L. (2009) The texture of contact: European and Indian settler communities on the frontiers of Iroquoia, 1667-1783. Lincoln & London: University of Nebraska Press. P. 397.
19. Shea J. G. (1885) History of the Catholic Missions among the Indian tribes of the United States, 1529-1854. — N. Y.: P. J. Kenedy. — P. 514.
20. Smith W. (1830) The history of the late province of New-York, from its discovery, to

the appointment of Governor Colden, in 1762. — 2 vols. — N. Y.: Pub. under the direction of the New-York Historical Society.

21. Snow D. (1994) *The Iroquois*. — Cambridge: Wiley-Blackwell. — P. 268.
22. Standen S. D. (1979) *Politics, Patronage, and the Imperial Interest: Charles de Beauharnois' Disputes with Gilles Hocquart* // *Canadian Historical Review*. — Vol. 60, № 1. — P. 19-40.
23. Tooker E. (1978) *The League of the Iroquois; Its History, Politics, and Ritual* // *Handbook of North American Indians*. Vol. 1. Northeast. Washington. — P. 418-441.
24. Trelease A. (1960) *Indian Affairs in Colonial New York: The Seventeenth Century*. — Ithaca: IRA J. Friedman Division Kennikat Press. — P. 379.
25. Turner O. (1850) *Pioneer history of the Holland Purchase of western New York*. Buffalo: Jewett, Thomas & Co. P. 670.
26. White R. (2011) *The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815*. — Cambridge: Cambridge University Press. — P. 544.
27. Zoltvany Y. F. (1974) *Philippe de Rigaud de Vaudreuil: Governor of New France, 1703-1725*. — Toronto: McClelland and Stewart. — P. 242.
28. Zoltvany Y. F. (1967) *The Problem of Western Policy under Philippe de Rigaud de Vaudreuil, 1713-1725* // *Canadian Historical Review*. — Vol. 48, № 3. — P. 227-250.

"THE BALANCE OF THE AMERICAN CONTINENT": THE POLITICS OF THE IROQUOIS LEAGUE IN THE CONTEXT OF THE ANGLO-FRENCH COLONIAL CONTROVERSY IN NORTH AMERICA, 1713-1744

The Iroquois League was a key factor in international relations in the North American Woodland region in the seventeenth and eighteenth centuries. As a result of the so-called Beaver Wars, the Iroquois gained a dominant position among other tribes and exerted serious influence on the policies of the colonial powers on the continent. Between 1713 and 1744, under conditions of formal peace, England and France sought to secure their supremacy in the region, using the Iroquois as their main tool. A complex system of mutual influences and contradictions in the control of fur-trade communications, dominance over various Indian peoples and alliances, and territorial and military expansion emerged, in which the interests of the colonial powers and the Iroquois League clashed. For both England and France, it was essential to get the Iroquois on their side in any way possible in their colonial confrontation to ensure supremacy in the region. As a result of European diplomatic efforts and complex ethno-political processes experienced by the Iroquois confederation, the League actually split at the turn of the 40-50s of the 18th century, and in the series of Anglo-French military conflicts that began, the Iroquois came out on the side of both opposing powers.

Keywords: Iroquois League, New France, New York, Pennsylvania, Treaty of Montreal, Peace of Utrecht, The colonial controversy in North America, territorial and military expansion.

References

1. Charlevoix P.-F.-X. (1900) *History and General Description of New France* / Shea, John Gilmary, transl. and ed. — 6 vols. — N. Y.: John Gilmary Shea.
2. *Documents relative to the colonial history of the State of New York (1856-1887)* / Ed. by J. R. Brodhead, B. Fernow. — Vols. 15. — Albany: Weed, Parsons and Company, Printers.
3. Eccles W. J. (1983) *The Canadian Frontier, 1534-1760*. — Albuquerque: University of New Mexico Press. — P. 238.
4. Eccles W. J. (1959) *Frontenac: The Courtier Governor*. — Toronto: McClelland and Stewart Limited. — P. 358.
5. Grabowski J. (1994) *Les Amérindiens domiciliés et la 'contrabande' des fourrures en Nouvelle-France* // *Recherches amérindiennes au Québec*. — Vol. 24, № 3. — P. 45-52.
6. Grumet R. S. (1995) *Historic Contact: Indian People and Colonists in Today's Northeastern United States in the Sixteenth Through Eighteenth Centuries*. — Norman: University of Oklahoma Press. P. 552.
7. Haan R. (1987) *Covenant and Consensus: Iroquois and English, 1676-1760* // *Beyond the Covenant Chain: The Iroquois and Their Neighbors in Indian North America, 1600-1800* / Edited by Daniel K. Richter, and James H. Merrell. — Syracuse: Penn State University Press. — P. 41-57.
8. Haan R. (1980) *The Problem of Iroquois Neutrality: Suggestions for Revision* // *Ethnohistory*. — Vol. 27, № 4, Special Iroquois Issue. — Autumn. — P. 317-330.
9. Hammang F. H. (1938) *The Marquis de Vaudreuil. New France at the Beginning of the Eighteenth Century*. — Bruges: Desclée, de Brouwer. — P. 218.
10. Jennings Fr. (1993) *The Founders of America*. — N. Y.: Norton. — P. 457.
11. Jennings Fr. (1985) *Iroquois Alliances in American History* // *The History and Culture*

of Iroquois Diplomacy: An Interdisciplinary Guide to the Treaties of the Six Nations and Their League. — Syracuse: Syracuse University Press. — P. 37-66.

12. Lunn, J. (1939) The Illegal Fur Trade out of New France, 1713-60 // Report of the Annual Meeting / Rapports annuels de la Société historique du Canada. — № 18(1). — P. 61-76.

13. McCully B. T. (1954) The Camp at Wood Creek Reviewed, August 16, 1709 // Catastrophe in the Wilderness: New Light on the Canada Expedition of 1709 // William and Mary Quarterly. — Vol. 11. — P. 441-456.

14. Miquelon D. (1993) Jean-Baptiste Colbert's "Compact Colony Policy" Revisited: The Tenacity of an Idea // Proceedings of the 17th Meeting of the French Colonial Historical Society, May 1991 / Edited by Patricia Galloway. Lanham, New York, London: University Press of America. — P. 12-23.

15. Miquelon D. (1987) New France, 1701-1744: A Supplement to Europe. — Toronto: McClelland and Stewart. — P. 345.

16. Norton T. E. (1974) The Fur Trade in Colonial New York. — Madison: University of Wisconsin Press. — P. 243.

17. Parmenter J. (2003) L'Arbre de Paix: Eighteenth-Century Franco-Iroquois Relations // French Colonial History. — № 4. — P. 63-80.

18. Preston D. L. (2009) The texture of contact: European and Indian settler communities on the frontiers of Iroquoia, 1667-1783. Lincoln & London: University of Nebraska Press. P. 397.

19. Shea J. G. (1885) History of the Catholic Missions among the Indian tribes of the United States, 1529-1854. — N. Y.: P. J. Kenedy. — P. 514.

20. Smith W. (1830) The history of the late province of New-York, from its discovery, to the appointment of Governor Colden, in 1762. — 2 vols. — N. Y.: Pub. under the direction of the New-York Historical Society.

21. Snow D. (1994) The Iroquois. — Cambridge: Wiley-Blackwell. — P. 268.

22. Standen S. D. (1979) Politics, Patronage, and the Imperial Interest: Charles de Beauharnois' Disputes with Gilles Hocquart // Canadian Historical Review. — Vol. 60, № 1. — P. 19-40.

23. Tooker E. (1978) The League of the Iroquois; Its History, Politics, and Ritual // Handbook of North American Indians. Vol. 1. Northeast. Washington. — P. 418-441.

24. Trelease A. (1960) Indian Affairs in Colonial New York: The Seventeenth Century. — Ithaca: IRA J. Friedman Division Kennikat Press. — P. 379.

25. Turner O. (1850) Pioneer history of the Holland Purchase of western New York. Buffalo: Jewett, Thomas & Co. P. 670.

26. White R. (2011) The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815. — Cambridge: Cambridge University Press. — P. 544.

27. Zoltvany Y. F. (1974) Philippe de Rigaud de Vaudreuil: Governor of New France, 1703-1725. — Toronto: McClelland and Stewart. — P. 242.

28. Zoltvany Y. F. (1967) The Problem of Western Policy under Philippe de Rigaud de Vaudreuil, 1713-1725 // Canadian Historical Review. — Vol. 48, № 3. — P. 227-250.

Об авторах

Федин Андрей Валентинович — доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия), E-mail: avfedin@yandex.ru;

Жигунова Ирина Ивановна — аспирант, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия), E-mail: 9661614@mail.ru

Fedin Andrey Valentinovich — Doctor in History, associate professor, "Bryansk State University" (Russia), E-mail: avfedin@yandex.ru

Jigunova Irina Ivanovna — Assistant "Bryansk State University" (Russia), E-mail: 9661614@mail.ru

УДК 93

ББК 63

ISBN - 978-5-00078-603-3.

Кашенко С.Г., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия).

Кашенко Е.С., кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия).

Мизис Ю.А., Напольникова П.К. На южных рубежах Московского государства: Монография в 3-х книгах. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI – XVII в. (до 1635 года). – Тамбов: ФГБОУ ВО Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Издательский дом Державинский. 2022. – 236 с.

В рецензии представлен анализ новой монографии Ю.А. Мизиса и П.К. Напольниковой, посвященной истории заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов. В ней анализируется история колонизации территории до начала строительства крепостей и полевых укреплений. Авторы рассматривают регион междуречья Цны и Воронежа как часть южного фронта в стадии постоянной подвижной границы. Процессы, происходящие в междуречье этих рек, отражали общие тенденции в развитии южного пограничья.

Ключевые слова: южный фронт, Тамбовский и Козловский уезды. колонизация и освоение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-137-140

В издательстве Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина вышла новая монография Ю.А. Мизиса и П.К. Напольниковой [1]. Она открывает серию книг по истории заселения Тамбовского края с конца XVI по первую треть XVIII в. Этот период в отечественной историографии обычно выделяется особо, так как именно в это время шел активный процесс заселения территории Центрального Черноземья. Как отмечалось в исследовании В.П. Загоровского, важное место в этом процессе отводилось строительству новых городов-крепостей: Воронежа, Ливен, Ельца, Белгорода и др. Гораздо хуже исследована история восточной части Центрального Черноземья в междуречье Воронежа и Цны. Этот пробел в историографии в значительной степени восполняет новое исследование.

Первая книга серии освещает историю колонизации территории будущих Тамбовского и Козловского уездов до начала строительства крепостей и полевых укреплений, в период с конца XVI по первую треть XVII в. Авторы рассматривают регион междуречья Цны и Воронежа как часть южного фронта в стадии постоянной подвижной границы. Эта территория во многом была типичной для юга России и процессы, происходящие в междуречье этих рек, как в капле воды отра-

жали общие тенденции в развитии формирования южного пограничья.

В заселении края в этот период значительную роль играла государственная политика, монастыри, помещики и крестьянское население, что рассматривается в русле традиционной дореволюционной историографии. Об этом писали В.О. Ключевский [2], Д.И. Багалеи [3], М.К. Любавский [4]. В новой книге авторы отразили роль государственной верховной власти, постоянно контролирующей освоение окраины территории южной границы, создавая здесь с 1574 г. государственную централизованную пограничную службу в виде сторож и станиц. Важную роль в этом районе играли шацкие и ряжские сторожи, перекрывая один из опасных путей кочевников на Русь – Ногайский шлях. Рассматривается динамика размещения сторож в этом регионе на протяжении почти 60 лет, особенно после смутного времени, связанная с совершенствованием сторожевой службы и учетом опыта ее использования. Особое место в книге отводится колонизационной политике освоения юга России монастырями. С одной стороны, это было связано с цнинской мордвой, коренным населением Почежья и необходимостью ее христианизации. С другой стороны, значительное увеличение русских переселенцев, особенно в период смутного времени и сразу

после него, требовали сохранения церковного присутствия, духовного контроля и выполнения церковных обрядов для местного населения. В исследовании показана роль монастырей, которые, чувствуя поддержку царя Михаила Федоровича и его матери Марфы Иоанновны в этом регионе, быстро превратились в крупных хозяйственных вотчинников, привлекая под свою защиту переселенцев, наделяя их землей, сельскохозяйственным инвентарем, бортными и рыбными угодьями. В работе особенно подчеркиваются благоприятные условия проживания и хозяйственной деятельности монастырских крестьян Почестья, которые при формировании новых групп служилых людей отказывались от записи туда, предпочитая оставаться за монастырями. Экономические возможности от хозяйственной деятельности значительно превосходили условия военной службы на пограничной территории, делая монастырское присутствие важным фактором крестьянского благополучия.

Особое место в монографии отводится истории формирования Верхоценской волости, этапам ее становления, связанных первоначально с вотчиной служилых татар Акчуры Караева и Булая Кудашева, дальнейшим переходом ее во владения инокине Марфы Иоанновны, а затем — в царский домен. В работе рассмотрены географические рамки волости, ее структура, численность и этнический состав Верхоценской волости по документам 1622–1623 гг. Можно согласиться с мнением П.К. Напольниковой об ограниченном круге источников этого периода, не позволяющим точно рассчитать численность населения на этой территории. Однако, как отмечает автор главы, большинство поселений Верхоценской волости накануне строительства Тамбова уже имели смешанный мордовско-русский состав населения, что свидетельствовало об успехах русской колонизации, особенно в нижнем течении Цны.

В книге подробно исследована хозяйственная деятельность мордвы и русских переселенцев, в основе которой лежал бортный промысел, охота и рыбная ловля. Отмечено, что в нижнем течении Цны у русских переселенцев превалировало пашенное трехпольное земледелие, с преобладанием посевов ржи, овса и ячменя, а также разведение крупного рогатого скота.

Подчеркивается, что приход в волость русских крестьян способствовал проникновению сюда трехпольного земледелия.

Особо можно выделить вклад, сделанный исследователями, в изучение бортного промысла в регионе. Рассмотрены особенности функционирования бортных ухажьев как крупных промысловых территорий. Отмечается их локализация на расстоянии от 20–60 до 200 км от населенных пунктов, расположенных вблизи речных путей. Однако, прослеживается тенденция к дроблению ухажьев из-за роста численности местного населения. Детально рассматривается технология бортного промысла, который являлся основным видом занятий большей части населения Верхоценской волости, прежде всего мордовского, продукция которого служила главным налоговым платежом и предметом торгового обмена. Делается вполне обоснованный вывод об определенной хозяйственной и национальной специфике налоговой системы Верхоценской волости, сочетавшей наличие старых форм налогообложения в виде ясака и куницы, и появления основной формы в виде «верхового оброка». Кроме экономического значения, как отмечают исследователи, бортные владения служили одним из методов колонизации новых территорий. Подчеркивается, что первоначально возникали бортные владения достаточно далеко от места жителей бортников, а впоследствии становились местами возникновения новых поселений.

Автор главы о происхождении бортных знамен П.К. Напольникова обратилась к такой малоизученной проблеме истории мордовского народа, как наличие и функционирование бортных знамен. Кроме исследований А.А. Гераклитова [5], произведенных в 1920-х гг., нескольких работ дореволюционных авторов [6, 7] и трех статей современных исследователей [8, 9, 10] других публикаций по этой проблеме пока не имеется. Поэтому детальное рассмотрение места знамен в жизни мордовского населения является важным научным вкладом автора в исследовании этой проблемы.

В целом новая работа Ю.А. Мизиса и П.К. Напольниковой вносит свой вклад в историю изучения формирования государственной территории России в конце XVI — первой трети XVII вв., начального периода освоения Центрального Черноземья. Она раскрывает малоизвестные факты по

освоению этой территории, роли русского и мордовского населения в формировании великорусской нации.

Перспективы этого трехтомного исследования весьма обширны. Так, вторая

книга, по истории заселения региона, будет посвящена периоду 1635 – 1696 гг., времени строительства укреплений Белгородской и Тамбовской черт, активного русского заселения края.

Список литературы

1. Мизис Ю.А., Напольникова П.К. На южных рубежах Московского государства: Монография в 3-х книгах. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI – XVII в. (до 1635 года). – Тамбов: ФГБОУ ВО Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Издательский дом Державинский. 2022. – 236 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. М., Т. 1. Ч. 1. 1956.
3. Багалеи Д.И. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.
4. Любавский М.К. Наступление на степь. М., 1918.
5. Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Ч. 2. Саранск. 2011.
6. Ефименко П.С. Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. 175 – 176.
7. Харузин Н.Н. «Знамена» мордвы в XVI – XVII вв. // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М., 1900. С. 65 – 73.
8. Анпилов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник // Советская археология. 1964. № 4.
9. Лузгин А.С., Деникаева Е.А. К вопросу о бытовании мордовских «знамен» в Средневековье // Регионалогия. 2013. № 1.
10. Рогачев В.И. Ваганова Е.Н., Деникаева Е.И. К проблеме бытования «знамен» и тамга – знаков у финно-угорских народов // Историко-культурное наследие и современная культура: сборник материалов международного научно-практического семинара. Алмааты. 2012.

References

1. Mizis Yu. A., Napolnikova P.K. On the southern borders of the Moscow State: Monograph in 3 books. Book 1. History of settlement and development of Tambov and Kozlovsky counties of the XVI - XVII centuries. (before 1635). – Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Derzhavinsky Publishing House. 2022. – 236 p.
2. Klyuchevsky V.O. Course of Russian history. Essay. M., 1956. Vol. 1. Part 1.
3. Bagaley D.I. Essays on the history of colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow state. M., 1887.
4. Lyubavsky M.K. The offensive on the steppe. M., 1918.
5. Heraklitov A.A. Favorites: in 2 hours. 2. Saransk. 2011.
6. Efimenko P.S. Legal signs // Journal of the Ministry of Public Education. M., 1874. Vol. 175–176.
7. Kharuzin N.N. "Banners" of the Mordvins in the XVI – XVII centuries. // Jubilee collection in honor of V.F. Miller. M., 1900. pp. 65–73.
8. Anpilov G.N. Onboard banners as a historical source // Soviet archaeology. 1964. № 4.

Mizis Yu.A., Napolnikova P.K. On the southern borders of the Moscow State: Monograph in 3 books. Book 1. History of settlement and development of Tambov and Kozlovsky counties of the XVI – XVII centuries. (before 1635). – Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Derzhavinsky Publishing House. 2022. – 236 p.

The review presents an analysis of a new monograph by Yu.A.Mizis and P.K.Napolnikova devoted to the history of settlement and development of the Tambov and Kozlov counties. It analyzes the history of colonization of the territory before the construction of fortresses and field fortifications. The authors consider the region between the rivers of Tsna and Voronezh as part of the southern frontier at the stage of a permanent mobile border. The processes taking place in the interfluvium of these rivers reflected the general trends in the development of the southern border region.

Keywords: southern frontier, Tambov and Kozlov counties, colonization and exploration.

Об авторах

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: st003201@spbu.ru

Кашенко Елена Сергеевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: st003200@spbu.ru

Kashchenko Sergey Grigorjevitch — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Studies of Russian History at the Institute of History of St. Petersburg State University. E-mail: st003201@spbu.ru

Kashchenko Elena Sergeevna — PhD of Art History, Associate Professor of the Department of History of Western European and Russian Culture at the Institute of History of St. Petersburg State University. E-mail: st003200@spbu.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования**;

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов **и их значимость (оценка) для науки**. Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег**, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы**.

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок**: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

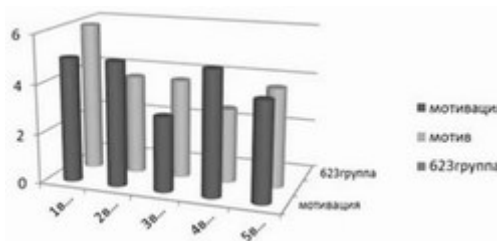

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (54) 2022

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 28.12.2022.

Дата выхода журнала в свет: 30.12.2022.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 18. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+